

Юлия Риа

Я, КАПИБАРА И БОЖЕСТВЕННЫЙ ТОТАЛИЗАТОР

Глава 1

Если верить в магию, рано или поздно она ворвется в жизнь. По крайней мере, так считает Светик — моя лучшая и единственная подруга. Сколько себя помню, она грезит другими мирами, эльфами, принцами — всем волшебным. Я же стараюсь не терять почвы под ногами, держаться твердо и уверенно. Знаю, что воздушные замки не укроют от проблем, если дела пойдут плохо. К счастью, пока все хорошо. И у меня, и у подруги.

Обе работаем в небольших, но вполне стабильных компаниях. На жизнь хватает, даже получается откладывать на будущее. Света вон накопила на первый взнос по ипотеке. Я же перевожу часть зарплаты на отдельный счет, не на что-то конкретное, а скорее на черный день. Квартира есть, о покупке машины думать рано. На работу я бегаю пешком, магазины близко, новая квартира подруги — в четырех кварталах от моей. Так что авто мне пока без надобности. А вот еще один кусочек пиццы...

Я потянулась и стащила его с коробки.

— Кстати, я дочитала тот роман, — поделилась Света не без гордости.

Я присвистнула. Шустро! Вчера же только купила!

— И? Героиня осталась с принцем?

— Ха! Мимо!

— С королем?

— Снова мимо! Что, не такие уж предсказуемые мои книги? Сдаешься?

Ого, да мне бросили вызов! Я выпрямилась и с азартом улыбнулась.

— Ни за что! Если не король и не принц, то ректор!

— Уверена? — она прищурилась.

Я мельком глянула на корешок книги, лежащей сбоку от основной стопки.

— И-и-и? — Света в нетерпении подалась вперед.

Черт, названия не разобрать! Но вроде академия пол... полун... Нет, не вижу.

— И-и-и?

Рискну!

— Уверена, — ответила твердо. Посмотрела в хитрющие синие глаза и добавила: — Готова поставить свой последний кусок пиццы.

— Ха!

Заветный кусок — уже надкушенный, между прочим! — тут же выхватили из моих рук и радостно умяли. Я усмехнулась.

— С кем тогда?

— Не скажу. Если интересно, придется прочитать самой.

О да, все эти годы Света не теряет надежды посадить меня на свой любимый жанр. Я упрямо сопротивляюсь. Со временем это противостояние переросло в игру. Вот и сейчас, явно поймав волну, Света решила устроить новый раунд.

— Даже не подумаю.

— Да брось! Это ведь магия, это удивительные миры, это... — она эмоционально взмахнула рукой, — мечта.

— Спасибо, но у меня уже есть.

— Стать британским ученым? Не смей!

— И не думала. Между прочим, отличная профессия! Сидишь себе, анализируешь, как чистота лапок мух влияет на экономику... м-м... скажем, Эфиопии. Изучаешь, что в голову взбредет, развлекаешься, а тебе за это деньги платят. Красота же!

Света хмыкнула, запила пиццу пивом и придвинулась ко мне. Я приготовилась. Судя по блеску в глазах, сегодняшний раунд обещает быть жарким.

— А теперь представь, что ты попала в другой мир...

— Бр-р!

— ... и там тебя встретил прекрасный принц. И влюбился.

— Вот так внезапно?

— А потом вам повстречался лорд-маг. Еще могущественнее и прекраснее! И тоже влюбился! А потом и первый мечник королевства!

— У них там что, напряженка с женщинами?

— А темный властелин пытался бы тебя убить...

— Чтобы не влюбиться?

— ... но его одолели лорд-маг вместе с мечником.

— Бедный темный властелин.

— А тебе пришлось бы выбирать между ними.

— Так, погоди. Мы где-то потеряли прекрасного принца.

— А его... — Света на миг сбилась, но тут же эмоционально продолжила: — Убил сводный брат! Который на самом деле темный властелин!

— А на заднем фоне танцует слон, — хмыкнула я. — Все логично.

Отпила из бутылки, с предвкушением улыбнулась. Настал мой черед.

— Знаешь, как все могло развиваться на самом деле, окажись ты в другом мире?

— Как? — Света склонила голову к плечу.

— Стремительно. Вот ты пришла в себя где-нибудь в лесу — а вот медведь. Или любой другой иномирный хищник.

— И что?

— И все. Приятного ему аппетита. И никакого лорд-мага.

— Печаль, — Света вздохнула.

— Попаданство вообще печальная штука. Если уж тебя затянуло в другой мир — значит, это кому-нибудь нужно. И вряд ли для того, чтобы озолотить и выдать замуж за принца. А все остальные варианты, боюсь, не столь радужны.

Мы проболтали еще часа три. Допили пиво, доели пиццу, я честно выслушала восторженный пересказ очередной прочитанной Светиком книги и начала собираться. Час поздний — почти одиннадцать вечера, — а мне завтра на работу.

Я уже заходила в лифт, когда меня догнал окрик подруги:

— Мандаринка, только напиши обязательно, как доберешься домой!

— Обязательно! — отозвалась я, прежде чем двери отгородили меня от лестничной клетки.

С тихим скрежетом лифт поехал вниз.

Мои губы против воли растянулись в довольную улыбку. Это повелось еще с детского сада: я звала ее Светик-Семицветик, а она меня — Аринка-Мандаринка. Хотя из нас двоих прозвище «мандаринка» подходит подруге гораздо больше, чем мне.

У Светы густые огненно-рыжие волосы до плеч, солнечные веснушки по всему лицу и светло-голубые глаза. Она похожа на куколку: маленького роста, хрупкая, с крохотным размером ноги. Неудивительно, что в ее окружении всегда находится желающий эту куколку одевать, баловать и лелеять. Только Светика подобное не устраивает: слишком мелко, слишком приземленно. Она мечтает о большем — о принцах и единорогах. Но где ж их взять-то в двадцать первом веке?

Я вздохнула и глянула на электронный дисплей, отсчитывающий этажи.

Третий. Второй. Первый. Парковка.

Стоп. Парковка?

— Мне на первый, дружок! — напомнила я бездушной коробке и несколько раз ткнула кнопку с заветной единицей.

Судя по всему, лифту было плевать на мои желания и планы. Он упрямо остановился на подземном этаже, раздвинул дверцы и замер. Пугало еще и то, что единственным светлым пятном оказалась лифтовая кабина — парковка утопала в непроглядной темноте. Стало неуютно.

— Ну уж нет, — буркнула себе под нос. — Я в эту темень не полезу!

Выудила из сумки телефон, собираясь набрать Семицветику, и выругалась. Связи нет.

Ну еще бы! Лифт, да еще и подземный этаж. Я везучая!

Вдоль позвоночника прокатилась волна мурашек, волоски на теле встали дыбом. Передернув плечами, я принялась тыкать во все кнопки без разбору. Попробовала связаться с диспетчером. Но ни-че-го! Лифт стоял и двигаться с места, по-видимому, не собирался.

Что же делать? Ждать тут или попытаться поискать другой выход с парковки?

Наверное, мои душевные терзания утомили металлическую коробку с кнопками, которая вдруг начала мигать светом. Угрожающе так, будто намекая, что сейчас я лишусь последнего освещенного островка. Решать пришлось быстро.

Поддаваясь усиливающейся панике, я выпрыгнула в темноту парковки. Двери лифта тут же закрылись и оставили меня наедине с моими страхами и шумным дыханием.

— Успокойся, Мандаринка, это всего лишь парковка, — принялась убеждать сама себя. — Подумаешь, лампы перегорели! Бывает! Так, а теперь взяла, включила фонарик на телефоне и пошла искать выход. Оп-оп, голову выше!

Фонарик выхватил из темноты очертания пары колонн, внедорожника и дорогого седана, оказавшегося ближе всех ко мне. Я шла медленно, стараясь ни во что не врезаться.

Вдруг телефон приглушенно пискнул и выключился.

— Нет, нет, нет, дружок! Не выключайся, родной! Только не сейчас! — взмолилась я.

Батарейка, как это обычно и случается, села в самый неподходящий момент. От манипуляций в духе «потрясти, постучать, пошлепать по корпусу» чуда не свершилось: телефон оставался мертвым.

— Черт! И что мне делать? — спросила я в пустоту.

Вернула в сумочку уже ненужный кусок пластика и огляделась. На редкость бессмысленное занятие в кромешной тьме!

— Мандаринка, ты сегодня прям джекпот неудач вытянула, — фыркнула я. И медленно — еще медленнее, чем прежде, — побрела дальше.

Мысленно я готовилась столкнуться с припаркованными авто, колоннами, стопперами, которыми ограждают номерные места. Но нет. К моему удивлению, путь был чист. Я шла, слепо шаря руками перед собой, пока не увидела впереди светящийся неровными краями прямоугольник.

Выход! Запасной выход!

Вот уж когда у меня отключился мозг, так это в тот момент. Я рванула к заветному прямоугольнику, точно спринтер. Осторожность отошла не на второй — на десятый план! Даже врежься я сейчас в гигантский внедорожник, не остановилась бы. Просто притащила бы его, словно баржа, к светящемуся выходу.

Я пулей промчалась через открытые двери и зажмурилась от яркого света.

Боже, как же приятно после холодной, темной, пугающей парковки ощутить на коже солнечное тепло! Стоп... Солнечное тепло?! Времени же почти одиннадцать вечера!

Медленно, спасая глаза от секундной слепоты, я подняла веки и огляделась.

Передо мной простиралось поле, покрытое густой травой и усеянное дикими цветами. Теплый ветер пригибал тонкие стебельки к земле и тут же отступал, будто играя. На горизонте густыми кронами шумел лес. Слева, невдалеке, блестела на солнце широкая река.

Я обернулась.

У меня за спиной оказалось вовсе не жилое здание с запасным входом на парковку, а темная пещера, поросшая незнакомой растительностью по одной стороне.

— Мандаринка, ты набралась, — выдохнула я ошарашенно.

Понятно, что двумя маленькими бутылочками пива допить до галлюцинаций невозможно, но других объяснений у меня нет.

Вздохнув и покрепче перехватив сумку, я несмело шагнула в пещеру. Куда бы я ни попала, мне здесь не место. Лучше вернуться к лифту, пусть и неработающему. Когда-нибудь его ведь починят?

Однако надежды не оправдались. Я прошла с десятков шагов и уперлась в стену. Каменную, неровную, но вполне реальную.

Ни парковки, ни лифта. Тупик.

Я нахмурилась и закусила губу. Оглядевшись, передернула плечами от вида покрытых влагой стен и поспешила на выход.

Поле выглядело все так же, но кое-что все-таки изменилось. Если в мое первое появление вокруг не было ни души, то теперь метрах в десяти от пещеры сидела... капибара. Обычная такая, рыжая, с широкой тупой мордой, маленькими круглыми ушами и короткими четырехпальными лапами. Капибара сидела на попе и смотрела на меня с непередаваемым высокомерием.

Глава 2

Я еще раз огляделась и медленно, стараясь не спугнуть, двинулась в сторону грызуна. Очень крупного, надо сказать, грызуна. Интересно, убежит? Может, сказать что-нибудь успокаивающее?

— Так и будешь красться? Или, может, уже подойдешь и мы оговорим детали нашего сотрудничества? — надменно выдал он.

Я замерла и ошарашенно уставилась на грызуна. Нет, у меня точно глюки! Больше никогда пить не буду!

— Ох, как же с землянами тяжко, — проворчал он, оторвал попу от травы и двинулся в мою сторону.

Я инстинктивно отступила на шаг и вздрогнула от командного:

— Стоять! Убегать, орать, причитать и креститься не смей!

Последний запрет вывел меня из ступора.

— А что, правда начинали креститься?

— Правда. — Грызун серьезно кивнул. — Пока ты не начала сыпать ненужными, до жути однообразными и предсказуемыми вопросами, позволь мне сразу на них ответить. Да, это другой мир. Нет, ты не умерла. Да, я действительно говорю. Нет, это не твой родной язык — перестройка прошла автоматически с переходом в этот мир. Нет, вернуться тем же путем ты не сможешь. Какие-то еще вопросы будут?

— Эм-м... — Я растерялась. — Ты вообще кто?

— Твой хранитель.

— И зачем ты мне?

— Хочешь попытаться выжить в незнакомом мире в одиночку? — Капибара насмешливо заломила бровь.

Стоп. А разве у капибар бывают брови? И разве они умеют так надменно их заламывать? Не знаю, что до земных, но эта капибара умеет.

— Не хочу, — честно ответила я. — Как тебя зовут?

— Как назовешь, так и будут звать. — Хранитель поморщился.

— А собственного имени у тебя нет?

— Пока мы вместе, считай, что нет.

— Почему?

— Таковы правила. Слушай, назови меня уже как-нибудь! Какие вы имена обычно выдумываете? Кузя? Бобик? Дружок? Кексик?

— Кексик?!

— Слышал, у землян есть странная мания называть животных едой.

— А ты мальчик или девочка?

Мой вопрос огорошил хранителя. Он ухнул на попу и уставился на меня расширившимися от удивления глазами.

— Я что, похож на девчонку?! — искренне возмутился... капибар.

Или в мужском роде он все равно капибара?

«Не, пусть будет капибар!» — решила я для себя и ухмыльнулась.

— Что смешного, землянка? — раздраженно фыркнул хранитель.

— Землянка — это жилище в земле! А меня Арина зовут. И вообще, чего ты прицепился к землянкам? Тебя послушать, так мы...

— Кость в горле?

В груди заворочалось раздражение. Вот ведь противный, словно... словно каперсы!

От мелькнувшей мысли я улыбнулась. Капибар напрягся.

— Что задумала?

— Имя тебе выбрала, — оскалилась я еще шире. — Говоришь, любим мы животных в честь еды называть? Получите, распишитесь! Теперь ты Каперс!

— Кто?

— Каперсы — это такие противные маринованные бутоны, — с готовностью пояснила я.

— Противные? — обиженно переспросил хранитель.

— Ага. — Я мстительно ухмыльнулась. — Я лично их терпеть не могу!

Докатилась, Мандаринка. Теперь покажи ему язык, и можешь занять почетное место среди задир из ясельной группы.

Хранитель обреченно вздохнул и кивнул.

— Ну, значит, Каперс.

Запоздало накрыл стыд, но я тут же мысленно себя одернула. Капибар сам нарвался! Землянке ему, видишь ли, не нравятся! Кость в горле! Я ему покажу — кость!

Однако смотреть на грустное животное было неловко, и я поспешила сгладить неприятный момент.

— Ладно, — миролюбиво улыбнулась, — если хочешь, потом вместе выберем тебе новое имя. А пока — расскажи мне, пожалуйста, об этом мире. Зачем я здесь?

— Это нейтральный мир, называется Айгерос. По сути, Айгерос — гигантская арена, на которой раз в пять лет устраивается божественный тотализатор.

Я ошарашенно вытаращилась на капибара. Мне не послышалось?

Каперс хмыкнул, довольный произведенным эффектом.

— А в чем суть этого тотализатора? — спросила осторожно.

— Все просто: тебе надо первой добраться до Объединенного храма богов тотализатора. Тогда ты победишь.

— И все? — Я прищурилась, чувствуя, что он недоговаривает.

— И не умереть по дороге, — довольно выдало это... это... животное!

Новость ударила невидимым кулаком по голове, и я осела.

— Но ради чего? — спросила растерянно, глядя в большие черные глаза, которые теперь оказались почти вровень с моими.

— Если выиграешь, сможешь выбрать один из множества миров и остаться в нем.

— А если проиграю? Выживу, но приду к этому... как ты сказал? Объединенному храму? — Каперс кивнул. — Так вот. Если я приду к Объединенному храму не первой, что тогда?

— Тогда тебя вернут в родной мир.

Я закусила губу, обдумывая услышанное, потом довольно выдала:

— То есть, чтобы вернуться, мне просто надо не умереть и дожидаться, пока кто-нибудь другой дотопает до вашего храма? Отлично!

Вскочив на ноги, я принялась оглядываться. Так, вода близко. Надо выяснить, питьевая ли она, но что-то мне подсказывает, что да. Остается найти подходящее место, где можно переждать...

— Так не пойдет! — возмутился Каперс, прервав полет моих мыслей.

— Почему это?

— Ну, хотя бы потому, что в среднем, — подчеркнул он, — на то, чтобы добраться до храма, у игроков уходит около двух-трех недель. А самый долгий тотализатор длился почти три месяца.

Я присвистнула. Нехило!

— Значит, надо найти жилище понадежнее, решить вопрос с пропитанием...

— Ты меня не слушаешь! — перебил капибар. — Ты должна отправиться в Объединенный храм богов тотализатора, — припечатал он. — И разве тебе не хочется попасть в мир магии, волшебных созданий? Или в тот, где люди наделены сверхспособностями? Или в более развитый технически?

— Не-а, — я мотнула головой. — Меня и мой устраивает.

— Странно. — Каперс нахмурился и, склонив голову, принялся разглядывать меня так, словно мой нос только что превратился в хобот.

— Почему? Думал, я кинусь вперед всех бежать ваш марафон, чтобы только эмигрировать из собственного мира?

Хранитель кивнул, не сводя с меня задумчивого взгляда.

— Есть определенные правила, — наконец заговорил он. — Для участия в тотализаторе всегда выбирают мечтателей, которые — осознанно или нет — ждут подобного путешествия. Насильно забрать того, кто крепко сцеплен с родным миром, невозможно. Причем в твоём случае, насколько я знаю, проверка состоялась незадолго до перемещения, так что странно...

— Семицветик! — Осознание случившегося отдалось в мозгу приглушенным «дзынь». — Наверняка ваша проверка ощутила ее желание! Не мое!

— Кто это?

— Моя подруга. — В груди все оборвалось, и я снова рухнула на траву. — Я сидела у нее в гостях, и мы как раз говорили о книжных мирах и нелепых фантазиях... Точнее, для меня нелепых! Не для нее! Это ее должны были забрать сюда.

На душе стало паршиво, словно я украдала чужую мечту. Хотя почему «словно»?

— Каперс! — Я подалась вперед и с надеждой посмотрела на хранителя. — Нас надо поменять местами! Светик бы полжизни отдала за возможность тут оказаться!

— Нельзя, — он мрачно качнул головой. — Ты уже здесь.

Как и все игроки. Порталы закрыты. Теперь ты обязана добраться до Объединенного храма... или умереть по дороге.

Мне жаль, — добавил он тише.

Тухлое и пресное «мне жаль». Но что еще можно сказать в подобной ситуации? Подбадривать изначально противную ему землянку Каперс не станет. Все-таки он хранитель, а не чирлидерша. Хотя взглянуть на капибару в юбке и с разноцветными помпонами я бы не отказалась.

— Пошли, — вывел меня из раздумий его голос.

Я хотела было воспротивиться, но меня осадили:

— Нам до темноты надо добраться до ближайшего кардарва. Ты ведь, кажется, хотела выжить?

Не дожидаясь моей реакции, Каперс развернулся и зашагал в одному ему ведомом направлении.

— Что такое кардарв и почему я могу умереть, если мы до него не доберемся? — пристроившись сбоку, спросила я.

— Кардарв — это, скажем, контрольная точка. По всему Айгеросу их сотни. Каждый игрок обязан отметить в таком... хотя бы раз.

Финальная часть фразы мне не понравилась, и я уточнила:

— Почему всего один?

— Согласно правилам тотализатора, все игроки по прибытии на Айгерос должны явиться в ближайший кардарв. А дальше — как сами захотят. К тому же многие умирают, не добравшись до следующего.

Я перевесила сумку на другое плечо — левое затекло — и продолжила выуживать информацию.

— А убивать обязательно?

Хранитель смерил меня насмешливым взглядом, но все же пояснил:

— Айгерос — не самый дружелюбный к чужакам мир. У тебя еще будет возможность в этом убедиться. Да и сами игроки, в отличие от тебя, жаждут победы. Ради исполнения заветной мечты многие готовы убивать голыми руками... ну, или тем, что у них эти самые руки заменяет.

Я споткнулась.

— Что? Не думала же ты, что здесь только представители твоей расы? Земляне вообще самые скучные создания. — Каперс поморщился, а я недовольно скрипнула зубами.

Ну уж нет! С этой его ненавистью к людям надо что-то делать! Если мне придется несколько недель провести в обществе говорящей капибары, я не собираюсь терпеть его высокомерие и пренебрежение к землянам.

— Скажи, хранители могут выбирать себе подопечных?

— Нет, не могут. Бывают исключения, но, как правило, все решается на распределении.

— То есть тебе просто не повезло? Или ты — то самое исключение?

Каперс не спешил отвечать. Он недовольно морщил нос и подергивал крохотными круглыми ушками. Заметив их движение, я умилилась. Нет, ну какие же славные! Аккуратненькие, маленькие — так бы и почесала за ними! Только что-то мне подсказывает, что гордый Каперс не оценит, если я вдруг попробую воплотить задумку в жизнь.

— Исключение, — наконец произнес он. — Меня осознанно прикрепили к землянину.

— В наказание?

— Да.

Решив не бередить чужую рану, я сменила тему.

— Слушай, а ничего, что я в таком виде? — я демонстративно махнула красным клетчатым рукавом.

Из одежды на мне красовались белая майка, выглядывающая сквозь расстегнутую рубашку, рваные джинсы, любимые светло-серые кеды, прикрывающие щиколотки, и разноцветная сумка-мешок на ручках-канатиках.

— Или раз уж сюда попадают из разных миров, то внешний вид — дело десятое?

— Не совсем, — качнул головой хранитель. — Согласно правилам, всем прибывшим выдается местная одежда. Это еще одна причина обязательной явки в кардарв — переодеться.

— Униформа для участников крысиных бегов? — Я иронично фыркнула. — Пусть так.

Мне действительно без разницы. Лишь бы выбраться отсюда и вернуться домой.

Глава 3

Каперс уверенно топал вперед, перебирая милыми лапками-столбиками. Я шагала рядом и разглядывала окружающую природу, пытаюсь найти в ней что-нибудь чужеродное — такое, что подтвердило бы: да, я в другом мире. Однако местность выглядела вполне земной. Ничего необычного.

Я глубоко вздохнула и улыбнулась. Нет, кое-что все-таки отличается — воздух. На Земле он не такой чистый. Здесь же возникает иррациональное желание начать есть его ложками в стремлении побаловать себя редким деликатесом.

— Кап, — позвала я, — а мы будем останавливаться по дороге?

— Зачем тебе?

— Хотя бы воды набрать. Ты говорил, что до кардарва мы доберемся к ночи.

— Если не станем медлить, — хмуро добавил капибар.

— Не знаю, как хранителям и другим игрокам, но людям нужна вода. Еще еда, но день без нее я протяну.

Каперс мазнул по мне Недовольным взглядом, поморщился, дернув короткими ушами, и кивнул:

— Хорошо, будет тебе вода. В лесу есть озеро. Там и наберешь. Есть во что?

Вместо ответа я зарылась в нутро сумки-мешка и через несколько секунд, довольная собой, вытащила пустую бутылку из-под газировки. Хранитель моей радости не разделил, лишь с любопытством покосился на сумку.

— И много у тебя там... мусора?

— Не мусора, а полезных вещей!

— То есть, — хитро прищурился Каперс, — в твоём мире пустая бутылка — полезная вещь?

— Конечно, — уверенно кивнула я, из принципа не собираясь сдаваться.

— И в чем же ее польза?

— Это же пластик! Его можно сдать в автомат приемки и получить деньги, — быстро нашлась я с ответом.

О том, что в нашем городе такой автомат лишь один и тот не работает, тактично умолчала.

— Ладно, рачительная, — насмешливо выделил последнее слово хранитель, — прибавь ходу. Если будем останавливаться у озера, надо пошевелиться — иначе точно не успеем добраться в кардарв до темноты. А ночью Айгерос тебе не понравится. Уверю.

И, не дожидаясь меня, зашагал раза в два быстрее. Вид капибара сзади оказался забавным. Круглая попа и маленький хвостик. А как виляет! Не хвостик, попа! Вправо-влево. Вправо-влево. Ну точно Семицветик, пытающийся очаровать очередного ухажера!

Семицветик...

Настроение резко сошло на нет. Как по возвращении смотреть в глаза подруге? Как извиниться за то, что случайно заняла ее место? Отобрала мечту всей жизни?

Умолчать о таком — не вариант. У нас со Светиком нет секретов друг от друга. Она — мой самый родной и самый близкий человек. Именно Света поддержала меня после смерти родителей. Лишь благодаря ей я не слетела с катушек от горя. А теперь этот дурацкий Айгерос...

Погрузившись в раздумья, я не заметила, как мы добрались до леса и ступили под сень высоких раскидистых деревьев. Издалека зеленый массив мало чем отличался от земного, но, оказавшись вблизи, я наконец получила подтверждение тому, что очутилась в другом мире.

Деревья были большими и гнутыми, словно невидимая сила скрутила каждый ствол и ветку.

От самой земли вверх тянулся плющ, обвивая кору, как перчатка: плотно и ровно. Листья оказались вытянутыми, острыми, по-земному зелеными, но с бледно-лиловыми прожилками.

— Это обычные деревья для Айгероса?

— М-м? — Каперс обернулся и вопросительно взглянул на меня.

Я пояснила:

— У нас деревья выглядят иначе. А здесь такая их... изогнутость — это нормально?

— Абсолютно, — кивнул он. — Эти деревья называются хаджеры. Растут почти по всему Айгеросу. Из их листьев и коры делают разные настои, которые потом добавляют в мази и микстуры.

— И какое основное действие?

— Заживляющее. Если рана неглубокая, можно просто сорвать лист хаджеры и приложить сверху. Это остановит кровь и снизит риск заражения.

Я совсем по-другому взглянула на раскидистые деревья и уважительно присвистнула.

— Какие тут, однако, гигантские подорожники!

— Что?

— Не важно, — отмахнулась я, продолжая разглядывать листочки. — Ка-ап, а можно, я перед возвращением домой наберу себе немного?

— Зачем тебе? — усмехнулся хранитель. — Ты что, целитель?

— Нет.

— Часто нуждаешься в такого рода помощи?

— Тоже нет.

— Тогда зачем?

— Не знаю, — честно пожала плечами. — Дома-то такого нет! Может, есть способ искусственно синтезировать активное вещество из этих листьев? Тогда я устрою прорыв в медицине!

— А у вас с ней все плохо?

— Да нет, — отмахнулась я, мысленно выстраивая светлое будущее.

Представила себя в белоснежном халате, очках — зачем мне очки? У меня же стопроцентное зрение! — и с пробиркой в руке. Интересно, за такое открытие меня примут в ряды британских ученых?

— Тогда твое желание нелогично, — припечатал Каперс.

Образ меня-ученой рассеялся, как утренний туман.

Я вздохнула.

— Можно подумать, все твои желания — образец логики.

— Конечно.

Голос хранителя прозвучал настолько уверенно и твердо, что сомневаться в сказанном не приходилось.

— Тогда это не желания, а потребности. Желания могут быть иррациональными. Просто потому, что так хочется! Хотя, — я искоса взглянула на шагающего рядом капибара, — наверное, у животных просто меньше спонтанных желаний и возможностей реализовывать их.

— Вообще-то я не животное, — спокойно произнес мой спутник, не поворачивая головы.

Я моргнула. Мне что, попался хранитель, у которого проблемы с осознанием и принятием

самого себя? Только этого не хватало!

— Не морщись, — хмыкнул Каперс. — Что бы ты там себе ни напридумывала, ты не права. Это тело, этот... образ, — подобрал он подходящее слово, — не моя настоящая внешность. Такова особенность хранителей: мы можем менять облик. Как правило, выбираем один, в котором и сопровождаем подопечного. Самые часто используемые образы среди хранителей — драконы и гайреды. Последние похожи на гигантских коней, только с рогами и чешуйчатой кожей, которую не пробить обычным оружием. Для нежных эльфиек обычно выбирают намИра — это местный аналог белоснежного тигра с синими глазами. Красивый и грациозный зверь.

— Так, стоп. — Я оборвала поток информации и нахмурилась. — Если я правильно поняла, остальным достались драконы и тигры, а мне — *капибара*?!

Хранитель кивнул с самым серьезным видом. Но в глубине черных глаз плескалось плохо скрываемое ехидство. Ах так, значит?!

— Ты говорил, что можешь менять облик. Вперед! Я хочу тигра.

— Очень за тебя рад, — фыркнул Каперс. — А я хочу в подопечные кого угодно, кроме землянина. Какая печаль, — притворно вздохнул он, — нам обоим жутко не повезло.

Я тихо зарычала. Такими темпами этот грызун доведет меня до греха! Кстати...

— Милый Каперс, а скажи-ка мне, что бывает с игроками, чьи хранители погибают? Случайно, разумеется! — добавила поспешно. — Ты ведь сам говорил, что Айгерос опасен. Не представляю, как трудно здесь выжить беззащитной капибаре!

— Я почти проникся, — хмыкнул он. — Но тебе не стоит так за меня переживать. Хранителя сложно убить. Поверь мне.

— Что, уже были желающие?

— Так я тебе и сказал! Хватит думать о всякой ерунде, лучше топай быстрее. Впереди озеро. Вон там. Видишь?

Я посмотрела в указанную сторону и между изогнутых стволов хаджеры разглядела поблескивающую гладь воды. Гордо вздернув подбородок и не обращая внимания на хранителя, направилась к заветному озеру.

Лес окружал озеро плотной стеной, лишь у самого берега уступая пару метров мягкой травы. Подход к водоему оказался пологим, так что я легко смогла подобраться к самой кромке.

— Кап, — крикнула, обернувшись, — вода здесь точно чистая?

— А если нет, откажешься набирать? — хмыкнул хранитель, подходя ближе. — Это ведь ты хотела пополнить запасы. Я и так до кардарва дойду.

Спокойствие, Мандаринка. Только спокойствие.

— Расслабься, — он насмешливо фыркнул. — Питьевая она. Набирай давай. Только быстро.

Последнее предложение застало меня полусогнутой: услышав ключевое слово «питьевая» я, довольно улыбаясь, потянулась к озеру.

— Почему быстро?

Я присела на корточки и опустила бутылку в воду. От горлышка вверх плотным паровозиком побежали пузырьки воздуха.

— Будет нелепо, если тебя сожрут до прибытия на кардарв, — спокойно произнес Каперс.

Я напряглась, но с места не сдвинулась — бутылка заполнилась лишь на треть.

— Здесь кто-то водится?

— Обычно нет.

— Тогда почему ты опасаясь за меня?

— За тебя? Глупости! Я просто не хочу выглядеть посмешищем, чей подопечный не дотянул

даже до первой контрольной точки.

Последние два пузырька с тихим «хлоп» лопнули на поверхности. Я вытащила полную бутылку, обтерла ее руками, стряхивая лишние капли, и закрутила крышечку. Потом повернулась и смерила Каперса тяжелым взглядом.

— Не знаю, каков твой план, но не думаю, что настроить меня против тебя — хорошая идея. Ты сам говорил, что тотализатор может длиться не один месяц. Так стоит ли провести это время, постоянно ругаясь и стараясь задеть друг друга? Я могу, — добавила уверенно, — но не хочу.

Трудно строить диалог с тем, кто изначально против тебя лишь из-за твоего происхождения. Какой-то расизм, честное слово!

— Арина, назад! — вдруг рявкнул Каперс.

Я вздрогнула и — по закону подлости, не иначе! — застыла. Обычно у меня хорошая реакция, приступами ступора я не страдаю, но сейчас ноги одеревенели.

— Чего встала?! — еще громче заорал хранитель, пробегая мимо меня и устремляясь... в озеро?

Временный паралич схлынул. Запоздало испугавшись, я отскочила на добрых полтора метра — в универе бы так спортивные нормативы сдавала! — и развернулась.

Безмятежную гладь озера взбаламутили два тела: одно из них, рыжее, явно принадлежит Каперсу. Но кто другой?

Не тратя время на размышления, я откинула бутылку и сумку, схватила первую попавшуюся ветку и кинулась на помощь вредному капибару. Вбежала в воду по середину голени и опустила свое гнущее — хаджера же! — оружие на мелькнувшее фиолетовое нечто. Потом снова. И снова. Пару раз попала по капибаре. Услышала несколько цветистых выражений в свой адрес, но отступить не собиралась. Я спасу хранителя!

— отошла от воды! — вынырнув, заорал Каперс.

Новый удар. Хрясь!

— Живо! — повторил капибар во время очередного краткосрочного появления над водой.

Хрясь!

— Ты дура?! — взревел хранитель, умудрившись при этом залепить лапой в лицо... русалке?

Ух ты! Круто!

Я послушно вернулась на берег, поочередно подергала ногами, стряхивая воду с кедров, и оперлась на свое деревянное оружие. Теперь, когда внезапный страх за личного проводника — а по совместительству зануду и сноба — отошел на второй план, я спокойно оценила происходящее.

В озере действительно мелькали фиолетовый рыбий хвост и женский бюст. Волосы у местной — или неместной? — Ариэль оказались в тон хвосту, а кожа — цвета топленых сливок.

Извернувшись, Каперс укусил русалку за плечо, заставив ту взвизгнуть, оттолкнулся от нее лапами и драпанул к берегу. В несколько прыжков добрался до безопасной суши. Окатив поверженную противницу надменным взглядом, хранитель развернулся и медленно пошел на меня. Морда его пылала таким гневом, что я сочла разумным попятиться. Ветку хаджеры при этом из рук не выпустила.

— Кто тебя просил вмешиваться? — делая выразительные паузы между словами, прорычал Каперс.

Ух, не знала, что капибары умеют рычать! Или это под силу только одной конкретной особи?

— Я же хотела помочь...

— Помочь?! Скажи уж прямо — утопить! А я думал, ты шутила, когда спрашивала про смерть хранителя.

— Э-э-э... — выдавала я многозначительно, продолжая пятиться.

Когда спрашивала, интересовалась на полном серьезе. Но в озере я правда хотела лишь помочь!

— А кто это был? — решила перевести тему. — Местная или, как я, участница тотализатора?

— Втор-р-рое.

— А где ее хранитель?

— Что? Решила и его огреть по башке?! — обиженно взревел капибар.

Я на миг застыла, а потом хрюкнула, не сдержав смешка, — представила ситуацию глазами Каперса. Бедняга кинулся защищать навязанную подопечную. Ввязался в драку с иномирной русалкой, пытаясь при этом тяпнуть ее побольнее или достать короткими лапками... А тут я, вся такая помощница! Ударила палкой. По башке. Его.

Ветки у хаджер не только гнутые, но еще и тяжелые. К тому же в запале я мутузила незнакомого врага с таким рвением, что, уверена, досталось Каперсу не слабо. Неудивительно, что он не в духе!

— Кап, прости, а? — я миролюбиво улыбнулась. — Правда за тебя перепугалась. Тело действовало вперед разума.

— А у тебя бывает иначе? — язвительно фыркнул он. — Ладно, проехали. И выкинь ты эту палку! Или решила с ней по всему Айгеросу таскаться?

Я послушно разжала пальцы и уронила оружие на землю. Причем сделала это с такой поспешностью, словно кора хаджеры внезапно обожгла ладони.

— Пошли, — буркнул хранитель и первым двинулся в путь.

Я подобрала брошенную в недавнем переполохе бутылку, стряхнула с нее прилипшие травинки, веточки и сунула в сумку.

— Надеюсь, тебе хватит этой воды до кардарва. Больше остановок мы делать не станем. Ясно?

— Более чем.

Я улыбнулась, поправила сумку и пристроилась сбоку от капибара.

Глава 4

Поначалу я шла бодро, уверенная, что легкая прогулка в погожий летний день не станет для меня обременительной. Через два часа пути тренькнул первый звоночек, намекая, что свои силы я слегка переоценила. Еще минут через сорок рубашка перекочевала на пояс, обхватив его рукавами.

Спустя полтора часа я двигалась исключительно из упрямства. Капибар думает, что я сдамся и запрошу передышки? Как бы не так! По лицу градом струился пот, а майка — уже не такая белая — липла к спине. Еще через час я возненавидела джинсы. Плотная ткань облепила ноги, будто вторая кожа! Не знаю, что ждет меня в кардарве, но надеюсь, там есть душ!

В отличие от меня Каперс шустро перебирал крепкими лапками. Иногда оборачивался, окидывал меня пренебрежительным взглядом, фыркал и топал еще быстрее. После третьей подобной выходки я пожалела, что оставила ветку хаджеры возле озера. Вредный хранитель ведь видел, что марш-броски в летний зной — не мой конек! Видел, но упорно гнал вперед!

Спустя семь часов забега по пересеченной местности Айгероса мне стало плевать на все. На то, что я в каком-то мире участвую в нелепом божественном тотализаторе; что в хранители мне досталась капибара-расист; что я мокрая, как мышь; и что это приключение не мое, а Семицветика. Я пытала, словно сотня злых ежей, но упрямо топала вперед. Если Каперс решил взять меня измором, его ждет облом! Ибо сдаваться я не собираюсь!

— Шевелись, — врезался в мои мысли голос хранителя. — Уже почти стемнело. Мы и так из-за тебя еле тащились!

Еле тащились?! Нет, я точно его убью!

Тихо зарывчав, я послушно прибавила ходу. Шаг правой ногой. Потом левой. Затем снова правой. И левой.

«Оп-оп, Мандаринка, вперед! — подбадривала себя мысленно. — Ты все сможешь! Ты ведь сильнее какой-то там капибары, правильно? Правильно! Ты — огонь! Ты — кремь! Ты... О, я вижу кардарв!»

Я радостно взвизгнула и припустила вдвое быстрее. Вот где открылось второе дыхание! Теперь уже Каперсу приходилось перебирать лапками, словно лопастями вентилятора, чтобы поспевать за мной! Мандаринка — спринтер! Мандаринка — герой!

— Добрались! — радостно выдохнула я, останавливаясь возле входа в кардарв.

Контрольной точкой оказался двухэтажный дом с ровными рядами окон и высокими двустворчатыми дверьми. Дом как дом. На Земле такие частенько можно встретить за городом. Единственное, что вызвало интерес, — едва заметная светящаяся полусфера, обнимающая кардарв и делающая его похожим на шар со снегом.

— Заходи, чего встала? — Каперс легонько боднул меня лобастой головой под колени.

Обессиленная, я едва удержала равновесие. Злобно зыркнула на хранителя и вошла. Внутри было тихо. Причем настолько, что мое шумное после бега дыхание и негромкое фырканье Каперса казались оглушающими.

Интересно, здесь всегда так? Или просто остальные игроки уже разошлись по комнатам? Или мы пришли первыми? Или...

— Вы долго, — недовольный голос прервал поток моих мыслей.

Я огляделась, но никого не заметила: в холле по-прежнему находились только мы с Каперсом.

— Я уже решила, что ее слопали по дороге, — продолжил вещать невидимка.

Хранитель вновь фыркнул — на этот раз особенно выразительно — и дернул хвостом. Выходит, недовольный голос — не плод моего воображения?

— Ты тоже слышишь... *это*? — спросила я, чуть наклонившись к капибару.

Ответить он не успел.

Прямо перед моим носом, с противным звуком, точно хлопок разбивающейся лампочки,

появилось... появилась... А что, собственно, только что появилось перед моим носом?!

Я выпрямилась и нахмурилась, разглядывая незнакомое существо.

— *Это?!* — фыркнуло тускло светящееся создание, похожее на оранжевого кузнечика-переростка. — Да как ты смеешь?! Как она смеет? — обиженно спросил кузнечик у капибары.

— О, она много чего смеет, — хмыкнул он. — Но только не в силу привилегий, а лишь от отсутствия воспитания.

— Каперс! — возмутилась я.

— Каперс? — переспросило существо. — Она назвала тебя Каперс?!

Кузнечик разразился высоким писклявым смехом, стуча при этом лапой по коленке, прикрытой... юбочкой?

Я пригляделась. Точно, юбка! Значит, кузнечик — девочка?

— Ой, не могу, не могу! — продолжала хихикать кроха, звонко шлепая себя по ноге. — Рассказать кому — не поверят! Подумать только! Самого...

— Хватит, Терейа, — оборвал ее Каперс. — Лучше вспомни о своих обязанностях. Судя по всему, не только моя подопечная страдает от отсутствия воспитания.

Смех тут же прекратился, а кроха обиженно насупилась. Я закатила глаза — заносчивость Каперса утомляла.

— Хотя нет, я погорячился. — Хранитель посмотрел на меня и прищурился. — Воспитания ей, конечно, не хватает, но вот страдать по этому поводу Арина явно не собирается.

В первую секунду я хотела насупиться, как Терейа, но потом передумала. Во-первых, вестись на шпильки несносной капибары — последнее дело. А во-вторых, смысл обижаться, если можно дать сдачи?

— То есть обидев двух девушек, — «точнее, одну девушку и одного кузнечика», поправила себя мысленно, — ты поступил воспитанно?

Каперс растерялся. Это было заметно по расширившимся глазам и дернувшимся ушам. Он нахмурился, перевел взгляд с недовольной меня на расстроенную Терейю и мотнул головой.

— Ты права, Арина, — наконец выдохнул он. — Терейа, — капибар посмотрел на висящую в воздухе кроху, — я прошу прощения.

Мои брови против воли поползли вверх. То есть перед кузнечиком он таки извинился, а передо мной, получается, не станет? Нормально устроился!

— Конечно. — Терейа пригладила юбку. — Мы все погорячились.

Ага, особенно я!

— Много игроков уже прибыло?

— Не очень, — качнула головой Терейа. — Думаю, в этот сектор изначально забросило мало участников. Арина, я правильно понимаю? — Взгляд светящейся крохи метнулся ко мне. — Следуй за мной. Я провожу тебя в комнату и выдам сменную одежду.

Развернувшись, она полетела к ближайшему коридору; я поспешила следом. Остановилась лишь у самого поворота. Оглянулась через плечо и удивленно спросила:

— А Каперс не пойдет?

— Куда? — хмыкнула кроха. — К тебе в комнату?

Я тут же поняла, какую глупость сморозила, и залилась краской. Хотя чего это я краснею? Он же всего лишь капибар! Пусть и мужского пола.

— В каждом кардарве есть комната хранителей, — пояснила Терейа. — Там они отдыхают от перехода... и от подопечных.

— О! Кстати о переходе! — Я вспомнила недавний инцидент. Шпильку про подопечных намеренно проигнорировала. — Скажи, пожалуйста, а сюда приходила — или все же приплывала? — русалка? Фиолетовая такая.

— Зачем тебе?

— У нас с ней случилось... недопонимание, — произнесла я деликатно. — Хотелось бы поговорить, прояснить ситуацию.

— Кто на кого напал? — понимающе ухмыльнулась Терейя, ведя меня по длинному коридору, судя по всему, к самой дальней двери.

— Э-э-э... Наверное, все же она на меня. Но в итоге побили ее мы с Каперсом.

— И ты собираешься за это извиняться?

— А почему нет? Может, она и не собиралась на меня нападать? Может, испугалась нового мира? Или находилась в состоянии аффекта?

— Чего?

— В общем, не в себе была, — перевела я на простой язык. — Надо же разобраться во всем.

— Арина, — Терейя остановилась, зависнув в полуметре от моего лица, — не знаю, объяснил ли тебе хранитель, но на Айгеросе у тебя нет и не может быть других союзников, кроме самого хранителя. Для остальных иномирцев ты — помеха на пути к победе. Да, Айгерос опасен, но участники тотализатора намного опаснее.

Сказав это, Терейя продолжила путь. Долетела до нужной двери — последней, как я и предполагала, — открыла ее касанием лапки и впустила меня внутрь.

Комната оказалась небольшой, но чистой: односпальная кровать у окна, стул, сундук, овальный ковер на полу. В боковой стене — дверь.

— За ней ванная, — проследив за моим взглядом, пояснила Терейя. — Думаю, ты быстро разберешься: у землян с этим проблем не возникает. Через полчаса я отправлю тебе еду. Сменная одежда в сундуке. Какие-нибудь вопросы?

— Нет, спасибо.

Светящаяся кроха кивнула, развернулась к выходу, но вдруг остановилась.

— Я бы не советовала к ней соваться, но, если для тебя это важно, русалка в десятой комнате. Соседний коридор, вторая от холла дверь.

Глава 5

Думать над советом светящейся крохи не хотелось. Единственной желанной вещью после дневного перехода по Айгеросу была ванная. Или душ. Или джакузи. Или бассейн. Да хоть ведро с водой! Лишь бы помыться!

Закрыв на щеколду входную дверь, я направилась в боковую комнату. Там действительно оказалась ванная. Вполне привычная и понятная среднестатистическому землянину. Материалы и формы немного отличаются, но перепутать, что есть что, невозможно.

Я шустро открутила медные вентили, не глядя налила по чуть-чуть из разных бутылочек. Разулась, скинула грязную одежду на пол и, не дожидаясь, пока ванна наберется, залезла внутрь.

— Мандаринка, а жизнь-то налаживается! — счастливо протянула, опуская голову на полукруглый бортик.

Я валялась в горячей воде, чувствуя, как расслабляются уставшие за день мышцы, и думала: что мне делать? Участвовать в божественном тотализаторе решительно не хочется. Топать непонятно куда, непонятно в какой храм. — тоже. Умирать — тем более. Хочется выжить и вернуться домой.

Интересно, а Терейя разрешит мне остаться в кардарве? Судя по всему, она тут если не хозяйка, то администратор как минимум. Я могла бы следить за порядком, вести бухгалтерию, если такая имеется, выполнять мелкие поручения...

Чем дольше я думала, тем больше мне нравился вариант с кардарвом. А что? Еда есть, где спать — тоже. К тому же здесь безопасно. Оставалась лишь крохотная проблема... Каперс.

Внутренний голос настойчиво шептал, что хранитель не позволит мне просто переждать тотализатор в уюте и безопасности. Поскольку других причин я не видела, пришла к выводу, что противный грызун заставляет меня топтать в храм из принципа — чтобы ненавистная ему землянка помучилась!

Эх, а я еще его защищала на озере!

Кстати! Надо бы все-таки разобраться в случившемся. Может, русалка вообще нападать не собиралась? Вдруг Каперс первым на нее кинулся? Воспользовался тем, что ее хранитель не пойми где гуляет, и атаковал! А потом еще я бедолагу палкой огрела... Неудобно получилось.

Два раза промыв волосы, я ополоснулась и вылезла из ванны. Обтерлась полотенцем, которое потом намотала тюрбаном на голову, и, надев халат и тапочки, вернулась в комнату.

Помня указания Терейи, направилась к сундуку. Выудила из него штаны болотно-зеленого цвета, светлую рубашку с короткими рукавами и овальным вырезом, коричневый жилет, такого же цвета сапоги из тонкой кожи. На дне нашла несколько тонких цветных шнурков разной длины, на одном из которых висела круглая бляха с рисунком, похожим на плетение ловца снов.

Еще раз оглядев предложенную форму, я нахмурилась.

Они серьезно хотят, чтобы в такую жару я напялила и жилет, и сапоги? А почему сразу не шубу и унты?

Недовольно качнув головой, надела штаны с рубашкой, любимые кеды. Волосы, еще влажные после мытья, оставила распущенными. Немного подумав, надела подвеску и выскочила в коридор.

Русалка, я иду к тебе!

Следуя указаниям Терейи, я без труда отыскала нужную дверь. По дороге, что странно, мне никто не встретился. Неужели все спят? Надеюсь, хотя бы моя недавняя знакомая бодрствует. Ненавижу, когда будят меня, и сама стараюсь не нарушать чужой сон.

Вдохнув поглубже, я постучалась. Приготовилась ждать, но, к моему удивлению, дверь бесшумно отворилась. Я вошла.

Комната представляла собой огромный бассейн — лишь у порога оставалось несколько метров

«суши». Против воли в голову закрались мысли, что если русалка действительно настроена враждебно, то ей не составит труда утопить меня. Быстро взвесив все за и против, я отступила в коридор, оставив дверь широко открытой. Если она сама открывается, то, надеюсь, и закрыться сможет без посторонней помощи.

А дальше что?

Однако долго гадать не пришлось — из воды показалась девушка с фиолетовыми волосами. Та самая знакомая с озера. Уверенности в этом добавили цветущие на теле синяки, фингал под левым глазом и заметная шишка на лбу.

Нехило мы ее с Каперсом приложили!

— Что? — скривила пухлые губы девушка. — Пришла добить меня или просто полюбоваться оставленными отметинами?

Я на секунду растерялась. Не от смущения или робости — ими я не страдаю, — а от количества зубов, мелькнувших в русалочьем рту. Заметно острые, треугольные и в несколько рядов. Да это ж не русалка, а самая настоящая акула с бюстом! Нет, серьезно! И этими зубищами она кусала моего хранителя?!

Жажда мирных переговоров резко пошла на убыль.

— Пришла спросить. — Мой голос прозвучал ровно. — Зачем ты на нас напала?

— На вас?!

— На меня, — исправилась я. — Мой хранитель просто делал свою работу: защищал подопечную.

Я без понятия, кто атаковал первым, но сейчас держалась так, словно вопрос виновности русалки для меня давно решен. Видимо, уверенный тон и расслабленная поза сыграли свою роль. Иномирная Ариэль хмыкнула, заправила за ухо — вытянутое, с кожистыми рюшами по краю — фиолетовую прядь и, подплыв к самому краю, сложила руки на бортик бассейна.

— Ты моя соперница, — сказала она просто. — Твоя смерть — мой шанс победить.

«Не выжить, Аринка, — вздохнула я грустно, — а победить. Видимо, на меньшее тут не размениваются».

— Ты ошиблась, — произнесла твердо. — Я тебе не соперница. Мне не нужна победа, и тотализатор этот без надобности. Я всего лишь хочу вернуться домой — в свой мир.

Русалка склонила голову к плечу — тому самому, на котором цвел синяк, — и нахмурилась.

— Ты не хочешь попасть в другой мир?

— Я уже в другом мире. А хочу вернуться домой. К лучшей подруге, к привычной и любимой работе. — «Ладно, может, не такой уж и любимой, но вполне меня устраивающей», — добавила мысленно. — К знакомым вещам, к недосмотренным сериалам и пицце с копченым цыпленком.

— Звучит не очень... увлекательно.

— Может быть. Но моя жизнь меня устраивала. Я не хотела ничего менять.

— Хотела, — возразила она. — Иначе бы перенос на Айгерос не сработал.

— У меня особая ситуация, — я хмыкнула, но не стала вдаваться в детали, касающиеся Семицветика. И неожиданно для себя спросила: — Как тебя зовут?

Для русалки мой вопрос тоже оказался внезапным. Фиолетовые глаза расширились, брови поползли вверх. Однако она ответила:

— Фиарин. На языке моих предков это значит «ищущая и находящая».

— А я Арина. Что значит мое имя, не скажу, так как никогда не искала его значения. Я не верю в силу имен, гороскопы и диеты по группам крови. — Не сдержавшись, я улыбнулась.

К моему удивлению, губы Фиарин тоже приветливо изогнулись.

— Ты забавная. — Она продолжала с любопытством меня рассматривать, но ее взгляд потеплел. Точнее, он просто перестал быть враждебно-колючим.

Я пожалала плечами и перевела разговор в другое русло:

— Скажи, а как так вышло, что в озере ты оказалась одна? Без хранителя.

— Может, в твоём мире это иначе, но на Айгеросе не все пунктуальны. Рандергот просто опоздал.

Ага, просто. Только тебя чуть не затоптала злобная капибара. Подумаешь, какие мелочи!

— А как он у тебя выглядит? — пользуясь словоохотливостью Фиарин, задала я новый вопрос.

— О, Рандергот прекрасен! — Фиолетовые глаза счастливо заблестели. — Голубой водяной змей! В моём мире о таких слагают легенды!

Уголки моих губ невольно опустились. Нормально, а? Почему одним легендарные создания, а другим — несносный грызун?

— И он такой внимательный, чуткий, — продолжала щебетать Фиарин. — Всю дорогу следил, чтобы я была в безопасности, выбирал течения потеплее и побыстрее... Он даже комнату вперёд меня осмотрел, желая убедиться, что она достаточно удобная!

Это был контрольный в голову. Хотя чему я удивляюсь? Везучесть — не мой конек. Даже из коробки Берти Боттс — волшебных конфет из «Гарри Поттера», которые Семицветик заказала по интернету, — я умудрилась вытащить самую отвратительную. Со вкусом рвоты. Поэтому глупо надеяться, что мне мог достаться волшебный дракон или прекрасный водяной змей, если в наборе хранителей притаился несносный капибар.

— Я рада, что тебе повезло с... Рандерготом.

Выговорить сложное имя оказалось той ещё задачей!

— А твой хранитель? — Фиарин заглянула мне в глаза. — Он ведь такой самоотверженный! Хоть и выглядит нелепо...

На последней фразе щеки русалки заалели. Хм, интересно, с чего бы? Ей нравится Каперс? Или она просто старается не ржать над ним?

— Да, — с уверенностью кивнула я, — не всем везет так, как мне. Хранитель, подобный моему, — редкость!

«Ещё бы! Других таких, поди, давно прибили и прикопали где-нибудь под хаджерой», — добавила я мысленно.

Вслух, однако, продолжила петь соловьем:

— Он так много знает об Айгеросе! А какое у него чувство юмора!

«Сомневаюсь, что найдется ещё хоть один дурень, выбравший облик капибары», — продолжила фырчать про себя.

— Удивительно! — Фиарин по неведомым причинам верила мне на слово. — Даже не представляла, что он такой! Я думала, тебе не повезло с хранителем, а оно вон как оказывается...

— О, Каперс уникален! Уверена, другого такого не сыщешь на всем Айгеросе!

«Его одного-то слишком много! Куда уж второго?!»

— А ты познакомишь нас?

На этом вопросе я подавилась воздухом. Одно дело — вещать о достоинствах Каперса, не являя его миру. Другое — притащить вредного капибара и выдать за милого хомячка. Да у Итана Ханта в «Миссия невыполнима» задание было попроще!

— Он... э-э-э... сейчас отдыхает, — уже не так уверенно произнесла я. — Все-таки целый день оберегал меня, ведя по лесам Айгероса. Думаю, он сейчас в комнате хранителей...

— Замечательно! — всплеснула руками Фиарин, подняв небольшой столп брызг. — Уверена, с Рандерготом он уже познакомился. Мы вполне можем посидеть все вместе!

Ужас на лице удалось сдержать с трудом. Представить счастливые посиделки два на два никак не получалось. И вообще, на хорошую идею задумка не тянула. Надо срочно утихомирить пыл Фиарин. Но как?

— Уверена, Каперс был бы счастлив познакомиться с тобой и твоим хранителем. И если хотите, можете посидеть втроем...

— А ты?

— А я устала сильно. — Я виновато улыбнулась. — Чужой мир, шок, дневной переход... Сил нет, глаза просто слипаются!

— Ну, ла-а-адно, — расстроено протянула Фиарин. — Может, в другой раз удастся поболтать всем вместе.

— Непременно! Тогда я пошла? Доброй ночи.

— Доброй ночи, Арина. И знай, — ее оклик поймал меня, когда я уже развернулась к выходу, — если ты соврала мне насчет нежелания победить, то я лично утоплю тебя и сожру твое сердце.

Холодный уверенный голос пробрал до мурашек. Однако я не дрогнула.

— Я сказала правду, — ответила твердо. — Можешь не беспокоиться.

— Что ж, в таком случае мы действительно не враги. Удачи тебе, Арина.

— И тебе удачи, Фиарин.

Глава 6

Усталость давала о себе знать. Я шла по коридорам кардарва, зевая, словно кашалот. Сейчас мне совершенно плевать, как я выгляжу со стороны и прилично ли мое поведение по местным меркам. Ноги гудят, спина жалобно ноет, а укусы насекомых чешутся. Больше всего на свете я хочу завалиться на кровать, сладко потянуться и, завернувшись в одеяло, как шаурма в лаваш, уснуть. Однако остался один нерешенный вопрос — разрешат ли мне остаться в кардарве? И ответить на него может только Каперс. А значит, сначала нужно найти комнату хранителей. Интересно, где она?

Терейя с нашего последнего разговора не появлялась, поэтому спросить дорогу оказалось не у кого. Все, что мне оставалось, — бродить по коридорам и, полагаясь на шестое чувство, искать нужную комнату.

Темные двери сменяли одна другую, но понять, какая верная, я не могла. Не ломиться же в каждую с криком «Кап, ты тут?», мысленно молясь, чтобы навстречу не выскочил разъяренный иномирец?

Когда я уже решила, что моя затея обречена на провал, из-за очередной двери — чуть приоткрытой — раздалось раздраженное:

— Она невыносима!

Надменный тон Каперса я узнала сразу. Задержав дыхание, на цыпочках подкралась к щели и замерла.

— Неужели все настолько плохо? — ответил ему мужской голос. Низкий, бархатный. Красивый.

— Ты даже не представляешь! Вот, полюбуйся!

Интересно, что же там происходит?

— Ого! — присвистнул незнакомец. — Нехило! Чем она тебя так?

— Веткой хаджеры. Нормально? — Каперс возмущенно пыхтел, словно закипающий чайник.

— А девочка-то боевая! Будет весело за вами наблюдать. — Говоривший рассмеялся и звонко шлепнул Каперса по...

Стоп. А по какой части тела можно звонко шлепнуть мохнатого грызуна? Если бы речь шла о людях, вопросов бы не возникло — так дружески хлопают по плечу. А тут...

— Я рад, что мои мучения повеселят тебя, — кисло произнес Каперс, отвлекая меня от размышлений. — Но почему именно землянка? — убито простонал он. — На тотализаторе столько рас, а мне досталась именно эта. За что?

— Ты сам знаешь за что, — из голоса незнакомца пропало веселье. Сейчас он звучал предельно серьезно. — Я считаю, тебе еще повезло. Все могло обернуться куда большими проблемами. Тебе дали шанс...

— Шанс?! — перебил капибар. — Шанс?! — продолжал распалиться он. — Эта ошибка мироздания всего за один — один! — день довела меня до белого каления! Все земляне невыносимы, но эта — особенно! Я не защищать, а прибить ее хочу!

Вот ведь задница мохнатая! Можно подумать, мне приятно его общество!

— Уверен, у Совета были свои причины...

— Причины?! — вновь перебил Каперс.

О-у, кажется, кто-то на грани эмоционального взрыва. А вот так тебе и надо!

— Да Совет выжил из ума, навязывая мне в подопечные землянку!

— Они дали тебе шанс, — с нажимом повторил незнакомец. — И вместо того чтобы возмущаться, лучше бы подумал, как этим шансом воспользоваться.

— Не переживай, — даже по голосу я поняла, что Каперс улыбается в предвкушении, — я

обязательно им воспользуюсь.

«Еще посмотрим, дорогой, кто кем воспользуется», — пообещала я мысленно.

Отлипла от дверного косяка, развернулась и пошла к себе.

В голове крутился рой слов. И все нецензурные.

Каперс хочет войны? Он ее получит!

Я сидела на кровати в отведенной мне комнате, скинув кеды и подтянув под себя ноги. Рядом на подносе замерли тарелки с лепешками, овощами и мясом. Сквозь граненое стекло высокого стакана виднелась темно-красная жидкость. Но сейчас меня совершенно не интересовало, что за напиток предлагался на ужин.

Я злилась. На противного капибара, на Айгерос, на себя и даже на Семицветика. Если бы не ее навязчивое желание попасть в сказку, я бы никогда не оказалась в этом дурацком мире!

Недовольно фыркнув, закинула в рот сразу два куска мяса и зажевала их ломтем лепешки. В груди кипели гнев и раздражение, а еда, как известно, служит неплохим громоотводом в таких случаях. Однако в моем случае, судя по всему, громоотвод сломался. Ну, или просто попался бракованный. Хотя чему я вообще удивляюсь? С моим-то везением!

Набив рот едой так, что любой из хомяков непременно помер бы от зависти, я с негодованием гипнотизировала стену взглядом. Что мне делать? Остаться здесь Каперс вряд ли позволит, учитывая открывшиеся подробности. Я — его шанс. На что? Пока неясно. Но в том, что грызуну он крайне необходим, сомневаться не приходится.

Может, сбежать? Но куда я подамся в незнакомом мире? Без денег, без знаний об окружающей флоре и фауне?

Вернуться к пещере? А что потом? Нет, тоже не вариант.

Неужели придется все-таки топтать за грызуном к храму?

Эта мысль разозлила меня еще сильнее, и я с таким хрустом откусила треть сахарной морковки, словно вместо нее видела голову одного противного капибара.

Похоже вариантов нет. Буду держаться вредного грызуна... какое-то время. А потом сбегу, как только выпадет случай. Решено!

Утро бывает разным: тяжелым после бурной вечеринки, с головной болью и сухостью во рту; ленивым воскресным, начинающимся ближе к обеду; суматошно-паникующим, наполненным топотом и криками «Я проспала!». В моей жизни случались все возможные виды утра.

Точнее, мне так казалось. Сегодня я открыла новый вид, уже самый ненавистный из всех.

И начался он с капибарского крика над самым моим ухом:

— Встава-а-ай!

— А-а-а-а! — заорала я, подскакивая как ошпаренная. — Пожар? Потоп? На нас напали?!

Яркий сон, в котором я отстреливала лиловых тираннозавров, управляя деревянным вертолетом, еще держал меня в своих лапах.

— Да! Хватай детей и беги в убежище! — панически взвизгнул хранитель. — Главное, пирожки не забудь!

— Пирожки!

Я подскочила и метнулась к стоящему на сундуке подносу. Он был пуст.

Что? Нас обокрали? Кто посмел?!

Так, стоп.

Я нахмурилась и потеряла глаза. Какие, к проклятым капибарам, пирожки? Какое нападение?!

— Капер-р-рс! — зарычала, оборачиваясь.

— Зато ты встала, — скалясь, выдал грызун. — И даже размялась — вон как шустро до сундука добежала!

— Капер-р-рс! — продолжая рычать, я двинулась на него. — Убью!

— У тебя пять минут на сборы. Потом мы выдвигаемся! Завтрак возьмем с собой, — проинструктировал Каперс, пятась к выходу. — Не волнуйся, я попрошу Терейю положить тебе в дорогу пирожков! — хрюкнул он и выскочил в коридор.

— Тебе конец, грызун! — кинула я ему вслед.

Потом с силой захлопнула дверь и поплелась к кровати. Рухнула лицом в подушку и застонала. Такого хранителя точно надо прибить! Сделать одолжение всем будущим участникам тотализатора, которым может посчастливиться стать подопечными Каперса!

Вставать не хотелось. Тело, едва соприкоснувшись с кроватью, налилось такой тяжестью, что не понять намек было невозможно. Каждая клеточка вопила и требовала остаться здесь, на мягкой постельке и желательно под одеялком.

— Нет, друзья мои, — огорчила я все клетки разом, — надо вставать. У нас пять минут.

Сказать — легко! Сделать — можно... но в идеале попозже.

— Так, Мандаринка, собралась и встала! Оп-оп! — подбодрила сама себя и, упершись ладонями в матрас, медленно поднялась.

Зевая, оделась, натянула кеды, заплела длинные волосы в косу и закрепила ее одним из цветных шнурков. Медальон-бляху надела через голову и оставила болтаться на груди.

Едва я закончила сборы, как в комнате с фирменным противным звуком появилась Терейя.

— Доброе утро! — радостно поприветствовала она.

— Утро, — согласилась я с очевидным фактом.

Добрый для меня оно уж точно не стало. А почему? Правильно, потому что Каперс!

— Вот, держи. — Терейя щелкнула лапками и материализовала из воздуха коричневый мешок на лямках. — Здесь вода, завтрак и пара сменных вещей.

— А почему всего пара? Если верить Каперсу, мне тут долго околачиваться придется...

— Закончатся — заглянете в следующий кардарв. А если помрешь — меньше добра пропадет, — просто выдала она.

Прямолинейность Терейи не обрадовала. Мягко говоря. Однако вместе с тем напомнила о вчерашней идее.

— А можно мне здесь остаться? Пожалуйста! Только до окончания тотализатора! Я бы помогала, да и...

— Нет, — перебила Терейя, качнув головой. — Правила запрещают подобное, и не нам с тобой их оспаривать.

— Но...

— Нет, — повторила она и добавила тише: — Прости, но против воли богов я не пойду.

Я хмуро кивнула, принимая отказ.

— Дам совет, — Терейя подлетела и замерла напротив моего лица, — держись своего хранителя. Без него ты не протянешь на Айгеросе и сутки. Поверь, я видела разных игроков, и на их фоне ты слабая. Хочешь выжить — держись... Каперса. — На имени капибара она, не сдержавшись, усмехнулась.

Я снова кивнула и зевнула, едва успев прикрыть рот ладонью. Да что ж такое-то? Мне всегда непросто вставать по утрам, но сейчас организм сопротивляется побудке с особым усердием. Веки казались свинцовыми: чтобы удерживать их открытыми, приходилось прилагать немало

сил.

— Который час? — спросила, проглотив очередной зевок.

— Полпятого утра. Рассвело уже!

— Я точно убью Каперса, — простонала я.

Закинула на плечо лямку мешка, махнула на прощание Терейе и выползла в коридор.

Глава 7

Противный грызун нашелся в холле. Завидев меня, он недовольно поморщился и заметил:

— Ты опоздала на две минуты.

— По наручным часам следил? — съязвила я.

Каперс холодно прищурился, дернул усами, но шпильку проигнорировал. Видимо, понял, что в полпятого утра я не лучшая собеседница.

— Пошли, Арина, — спокойно произнес он. — У нас сегодня длительный переход. До следующего кардарва — более сорока четырех миранов.

— Чего-о? — протянула я, глотая зевок.

— Мираны — мера расстояния на Айгеросе.

— Километр — мера расстояния на Земле, — произнесла я, скопировав тон Каперса. — Тебе это о чем-нибудь сказало? О чем-нибудь полезном?

Он вздохнул.

— В одном миране — тысяча двести тридцать шесть паренов.

Капбар выглядел настолько надменно, словно он — преподаватель по высшей математике, вынужденный объяснять первоклашке, что два плюс два равно четыре.

Я разозлилась.

Я вообще легко выхожу из себя, если меня закидывают в другой мир и, угрожая смертью, заставляют топтать непонятно куда в компании несносного грызуна. И особенно если все вышеперечисленное нужно делать в полпятого утра!

— В одном километре — тысяча метров. В одном килограмме — тысяча граммов. А в одном терабайте — эм... очень много мегабайт.

На последнем предложении мой пыл поутих. Отношения с информатикой у меня не сложились с первого класса. С того самого, где на телевизорах-макинтошах висели шторы-экраны для защиты зрения, а занудный учитель в толстых очках усыпляющим голосом рассказывал об устройстве ПК.

Каперс нахмурился, однако кивнул.

— Я тебя понял. Прости, но перевести значения в понятную тебе систему измерения я не могу. Просто поверь на слово: нам за сегодня надо преодолеть очень большое расстояние. Медлить нельзя. Поэтому, пожалуйста, — на этом слове мои брови поползли вверх, — давай отложим препирательства на другой раз. Нам надо выдвигаться.

— Ладно, — я вновь зевнула, — потопали.

Мы пробирались по лесам Айгероса уже часа два. За это время я уверилась в двух вещах. Первая: утро без кофе — настоящая пытка. И вторая: местные комары по назойливости и кровожадности дадут фору земным.

— Да как же вы надоели! — воскликнула я, прихлопывая очередного москита.

— У тебя в мешке должна быть бутылка с голубоватой водой, — сухо выдал Каперс. — Нанеси несколько капель на запястья, локти, шею и за ушами — тогда насекомые перестанут тебя кусать.

— Ты где раньше был?! — не сдержавшись, возмутилась я. — Меня тут жрут почему зря, а ты молчал?!

Каперс не ответил, только дернул левым ухом. Но по тому, как хитро прищурились его глазки, я поняла, что мохнатый зараза не «забыл», а сознательно не делился важной информацией.

— Мелкий пакостник, — буркнула я себе под нос, снимая мешок и зарываясь в коричневое нутро.

Бутылка с голубой водой нашлась сразу. Я быстро вытащила пробку и принялась. Жидкость пахла приятно, чем-то напоминая аромат гвоздики с апельсином. На секунду я замерла, напряженно глядя на капибара.

— Что еще? — недовольно фыркнул он.

— Это средство, — я легонько трянула бутылкой, — точно поможет от насекомых? Или ты решил устроить очередную пакость?

— Расслабься, я сказал правду. Хранители не умеют лгать. Но, если не веришь мне, можешь и дальше кормить дзарино.

— Кого?

— Ты зовешь их комарами, мы — дзарино. В любом случае решай шустрее. Нам нельзя медлить.

Я вздохнула, шлепнула свободной рукой по плечу, убивая очередного кровопийцу, и принялась мазать названные Каперсом места.

— В какую сторону мы идем? — спросила немного погодя. — И через какие земли будем проходить?

— Айгеросовские меры расстояния тебе ничего не сказали. Думаешь, с географией все сложится иначе?

Я скрипнула зубами.

Надменность хранителя выводила из себя настолько, что мне хватало пары секунд для разгона от состояния «Мандаринка в покое» до состояния «Бешеный мандарин». Лишь усилием воли я задушила недовольство. Чтобы выжить, надо как можно больше узнать об этом мире, а рассказать о нем может лишь Каперс.

Усмирив разошедшиеся эмоции, я улыбнулась.

— Не переживай, я быстро учусь. И мне правда очень интересно узнать! Ну Ка-а-ап, — заканючила, поняв, что хранитель не реагирует на мои уговоры. — Или ты сам не в ладах с географией родного мира? Если так, только намекни! Я никому не расскажу об этом! Обещаю!

Черные глазки гневно блеснули, а я мысленно захихикала. Коварно и самодовольно. Мой расчет оказался верен — сомнений в собственной великолепно-капибарской персоне Каперс не потерпит.

— Кто не знает Айгерос? Я?! Да как подобная глупость вообще могла возникнуть в твоей голове?! Что ж, ты сама напросилась! Слушай внимательно и не вздумай перебивать, — надменно выдал он и начал рассказ: — На Айгеросе три континента, их омывают Мареадский океан и четыре моря. Крупнейшие из них — Микаранское и Мураданское. Кроме континентов есть еще несколько архипелагов, островов, парочка из которых довольно крупные.

— А как местные жители перемещаются с одного континента на другой?

— По воде, под водой, по воздуху — кому как удобнее.

— А...

— Если не перестанешь перебивать меня, я прекращу этот разговор!

Я насупилась, но проглотила вопрос, готовый сорваться с языка.

— Итак, три континента. Крупнейший — Арайдос — расположен на юге. Собственно, по нему мы сейчас и идем. Второй по величине — Адагар — находится северо-восточнее Арайдоса. А на западе от него — Амагрейн, или, как его называют местные, Северная земля.

— Ты ж сказал, что он на западе, — нахмурилась я.

— Он западнее Адагара. А относительно Арайдоса — на северо-западе. Причем, я бы даже сказал, на северо-северо-западе.

— Тогда на Адагаре тоже снега?

— Нет. Адагар омывает теплое Микаранское море, поэтому снег там бывает редко. А если все же и выпадает, то, как правило, тает в течение месяца. Амагрейн же не может похвастаться таким полезным соседством и почти на полгода покрывается плотным снежным покровом. Арайдосу в этом плане повезло больше всех — зим как таковых тут нет. На три-четыре месяца температура опускается до десяти фораитоа...

Поймав мой непонимающий взгляд, Каперс вздохнул.

— Лигайты — местная раса, самая близкая к людям по физиологии, — надевают вязаные кофты поверх рубашек. В остальном те же штаны или платья. А, ну, может, еще барышни меняют легкие туфли на сапоги. Правда, последние больше похожи на туфли по щиколотку, — ворчливо пояснил он. — Невысокие, на каблуках и без меха.

«Полусапожки и ботильоны», — перевела я для себя.

— Так что по-настоящему холодно на Арайдосе не бывает, — закончил речь Каперс.

— А храм стоит на каком континенте? — Вопрос сорвался с языка раньше, чем я отдала себе в этом отчет.

Хранитель вздохнул — причем так устало и обреченно, будто великий мученик. Я же с трудом удержалась от желания стукнуть его чем-нибудь тяжелым по башке.

— Ни на каком, — все же ответил он. — Храм стоит на острове в сердце одного из архипелагов.

— Какого именно?

— Ираинского! Все, теперь вопросы закончились?

Я снова насупилась, однако в этот раз не смолчала:

— Надо нормально рассказывать, тогда вопросов не возникнет! А то что это — «одного из архипелагов»? Ты думаешь, я их все знаю? Прием, Кап, я тут лишь второй день! Не забыл?

Хранитель издал странный звук — то ли недовольно фыркнул, то ли чихнул — и отвернулся. Несколько минут топал молча, гордо задрав тупомордую голову, потом нехотя выдавил:

— Ладно, ты права.

Пришлось прикусить губу, чтобы не улыбнуться. Надо же, Его Хранительское Высочество признал собственную неправоту!

— Еще вопросы остались?

Я с готовностью кивнула.

— Почему названия континентов так похожи? Запутаться же можно!

— Так решили боги тотализатора. Они создавали Айгерос общими силами и установили определенные порядки: все континенты называются на «а», моря — на «м», архипелаги — на «и», реки — на «к», горы — на «р». Что-то еще?

Я вновь кивнула.

— Почему мне понятны меры времени, но не расстояния или температуры? Как могут минуты соседствовать с миранами и... фораитами?

— Изначально Айгерос создавался лишь как арена для тотализатора, но постепенно его начали заселять иномирцы. И тогда боги решили вдохнуть в Айгерос жизнь. Они взяли в других мирах уже существующих созданий и перенесли сюда. Наполнили мир чуждыми ему растениями, животными и расами. Смешали все и создали нечто новое. При этом каждый иномирец привнес что-то свое. Так тебе знакомы минуты и часы. Другому участнику будут понятны мираны, третьему — фораиты. А четвертому все вышеперечисленное окажется в новинку.

— А расы? Их тут много? Ты упомянул ли... ли...

— Лигайтов, — подсказал Каперс. — Мы будем проходить через их город. Еще увидишь, какие они — лигаиты. Но люди на Айгеросе тоже есть.

От внезапной новости я аж споткнулась. Быстро вернула равновесие и уставилась на хранителя.

— Их совсем немного и живут они в Северных землях Амагрейна.

— Почему ты раньше не рассказал о них?

— А смысл? Наш путь не пролегает через их территории. К тому же не думаю, что у вас нашлись бы общие темы для разговоров.

— Почему?

— Арина, — Каперс вздохнул, — они живут племенным строем. Их уклад сильно отличается от земного.

— А ты хорошо знаешь про наш уклад?

— Достаточно, чтобы заметить разницу между тобой и ними. Еще вопросы?

Я ненадолго задумалась, потом спросила:

— Всех участников тотализатора забрасывает на Арайдос?

— Нет. Точка входа для иномирца может оказаться где угодно. Но, как правило, боги делают так, чтобы вы появлялись в максимально безопасных для вашего вида климатических условиях. Смерть в первые же сутки от холода или жары — не та цель, которую преследует тотализатор.

— А какая у него цель? Ну, кроме розыгрыша ценного приза?

— Это вообще не цель. Это мотивация для участников. У богов другие ожидания от подобного мероприятия. Прежде всего — развеять скуку, — хмыкнул Каперс.

Я зло сощурилась. Раздражение и недовольство накатили с новой силой, заставив до хруста сжать кулаки.

— Что? — Хранитель невинно хлопнул глазками. — Думаешь, боги — это пони-трудяги? Вот уж нет. Раз в пятилетку им охота отдохнуть, а бонусом — сравнить своих созданий. Так сказать, оценить проделанную работу. Понять, чьи подопечные быстрее, выносливее, хитрее. Чья задумка лучше воплотилась в...

— Кап, хватит, — перебила сухо. — Я поняла.

В груди вязкой лужей разлились горечь и разочарование. Где-то под ребрами заскребли кошки — точнее, целая стая голодных уличных котов.

Я оказалась здесь только ради чужого развлечения. Эдакая лабораторная мышь, за которой наблюдают сверху, изучают и делают ставки. Я мечтала примкнуть к рядам британских ученых, а в результате стала всего лишь подопытным материалом. У вселенной точно есть чувство юмора!

Глава 8

Еще около часа мы шли в молчании. Выбрались из леса, миновали поле зерновых, обогнули небольшое поселение и взяли курс на виднеющиеся впереди горы.

Дорога набирала уклон, земля под ногами сменилась гравием. Идти стало тяжелее. Мешок оттягивал плечо, и приходилось постоянно перевешивать его с правой стороны на левую. Прорезиненная подошва кед иногда скользила на мелких камешках, даря миллисекундные инфаркты. В такие моменты — выровняв равновесие — я радовалась, что не надела предложенные сапоги. В них бы точно навернулась!

Каперс шел уверенно, шустро перебирая лапками. Иногда оборачивался, следя, чтобы я не отстала, и топал дальше. Вид у него при этом был крайне недовольный. Неудивительно, что на пятый подобный оборот я ответила взбешенным взглядом. Каперс мой молчаливый посыл понял и стал смотреть только вперед.

К обеду мы уже вовсю карабкались по местным предгорьям.

— Ты как? — спросил Каперс, остановившись метрах в двух от меня.

— З-замечательно, — выдавила сквозь зубы и поправила сползающую лямку.

— Если устала, можем передохнуть. Недолго, но минут...

— Нормально все, — огрызнулась я. — Топаем дальше.

Чем быстрее доберемся до проклятого храма, тем быстрее я окажусь дома! Снова увижу Семицветика, вернусь к привычной жизни и постараюсь как можно быстрее выкинуть из головы воспоминания об Айгеросе и всех его обитателях.

— Арина...

— Что Арина?! Что?! Ты же хотел, чтобы я топала в ваш идиотский храм? Вот я и топаю! Еще какие вопросы?

Недовольство и раздражение клокотали в груди, грозя вырваться потоком отборной ругани. Я устала. Физически и морально. Малодушно хотелось спрятаться и плакать, но я знала: это не выход.

— Арина, остановись, — холодно произнес Каперс, преграждая мне дорогу.

Я встала и смерила его хмурым взглядом.

— Давай передохнём, — настойчиво предложил он. — Ты устала. Не спорь, я вижу. Времени у нас немного, но минут десять погоды не сделают.

Проглотив тугой комок, вставший поперек горла, я скинула мешок на камни и села. Уперла локти в согнутые колени, запустила пальцы в волосы. Дышать старалась медленно, борясь с никому не нужным приступом слабости. Я справлюсь. Я обязательно выживу и вернусь домой.

— Мне жаль, — нарушил недолгое молчание Каперс.

Я непонимающе взглянула на него, и он пояснил:

— Жаль, что ты оказалась здесь, не желая этого. Остальные знают, ради чего рвутся к цели, а ты...

— Я тоже знаю, — перебила сухо, зарываясь в нутро мешка. — Я хочу вернуться домой.

Достала бутылку воды и сделала несколько глотков.

— Ты не поняла меня, — мягко возразил Каперс. — Для остальных этот мир — возможность добиться чего-то большего. Того, о чем они мечтали всю жизнь. Для тебя же Айгерос — испытание, главный приз в котором — прекращение самого испытания. Это не одно и то же.

Не сводя с него внимательного взгляда, я кивнула. Потом закрутила крышку, вернула бутылку в мешок и поднялась.

— Ну что, потопали дальше?

Каперс согласно дернул левым ухом. Сделал несколько шагов — и неожиданно замер.

Я нахмурилась. Что его насторожило?

— Арина, бегом! — вдруг рявкнул он и первым припустил вперед. — Быстро, быстро!

Не понимая, что происходит, я все же послушно сорвалась с места. Бежать по горной дороге оказалось крайне сложно — кеды то и дело норовили заскользить по мелкому гравию.

— Еще чуть-чуть! — крикнул хранитель, обернувшись. — Мы должны успеть!

Его взволнованность пугала и придавала ускорения невидимыми пинками под зад. Сконцентрировавшись на рыжем теле капибара, скачущем впереди, я усиленно перебирала ногами. А потом вдруг ощутила мелкую вибрацию, расходящуюся по телу. Понять ее природу я не успела. Крик Каперса сбил с мысли:

— Быстрее, Арина! Быстрее!

В любой другой ситуации я бы непременно съязвила, но сейчас чувствовала — страх хранителя оправдан. А в том, что это уже не просто беспокойство, а именно страх, сомнений нет.

Земля под нами заходила ходуном. Сверху, словно горох, покатались мелкие камни. Они врезались в горную тропу, отскакивали и летели дальше. Парочка приземлилась мне на голову, заставив охнуть от боли.

— Вон она! Ну же! Почти! — увидев что-то впереди, Каперс припустил с удвоенной скоростью.

Дорога вильнула и скрылась за поворотом. В три прыжка хранитель исчез из поля зрения, а у меня ёкнуло в груди. Умом я понимала, что капибар не мог никуда деться, что он рядом. Однако, как оказалось, один его вид придавал мне уверенности.

— Кап! — испуганно выкрикнула я, продолжая бежать и поскользываясь на гравии. — Ка-а-ап?!

Залетела за поворот, едва не потеряв равновесие, и... увидела лишь пустую дорогу. Сердце ухнуло и приземлилось, по ощущениям, где-то в желудке.

— Ка-ап?

— Сюда! Живо! — Рыжая морда вынырнула между камней.

Я кинулась к хранителю и юркнула в неприметную пещеру.

Узкий туннель уходил в глубь горы. Куда он ведет, я не знаю, но слепо доверилась Каперсу, который уверенно бежал вперед. Землетрясение усиливалось. За спиной раздался грохот; в воздух взметнулась каменная пыль. Не сбавляя скорости, я мельком обернулась и выругалась сквозь зубы — выход завалило. Лишенный притока естественного света, туннель быстро погружался во мрак.

Я передернула плечами, отгоняя навязчивые мысли о погребении заживо: «Держись, Мандаринка! Ты не помрешь в чужом мире рядом с надменной капибарой! Даже для тебя это слишком эпично!»

Когда мир вокруг нас поглотила тьма, Каперс выкрикнул короткое слово на незнакомом мне языке, и в воздухе зажглись желтые путеводные светлячки. Они летели над нашими головами и освещали узкий туннель, словно лампочки эвакуации.

Сколько продолжался забег, я не знаю. Даже когда землетрясение прекратилось, мы продолжали нестись во весь опор. Дыхание давно приносило боль, в боку колело, но страх не позволял остановиться.

Лишь спустя вечность Каперс перешел на шаг, а потом и вовсе остановился. Его меховые бока шумно раздувались, словно злобный невидимка пытался накачать грызуна велосипедным насосом.

— Что... это... было? — с трудом восстанавливая дыхание, спросила я.

— Точно не уверен, но, думаю, без вмешательства Гариальда тут не обошлось.

К моему неудовольствию, Каперс говорил почти нормально. Без жутких пауз между словами. Нечестно!

— Кто это?

— Бог гор.

— Если когда-нибудь ты с ним столкнешься, передай ему, что я... его... ненавижу...

Каперс по-доброму ухмыльнулся:

— Не сомневайся, обязательно передам.

— Ну и славно, — выдохнула я, опускаясь на каменный пол. — Где мы? Отсюда есть выход?

— Мы в туннелях Райгеновских гор. Думаю, я смогу вывести нас.

— Думаешь?

— Я, конечно, хорошо знаю географию Айгероса, но все же не настолько, чтобы помнить каждую щель.

— Звучит... обнадеживающе.

— С другой стороны, — Каперс довольно улыбнулся (что выглядело несколько пугающе на морде грызуна), — здесь нам вряд ли встретятся другие участники тотализатора. Если повезет, мы выйдем к Омаканской равнине. Она расположена всего в нескольких десятках миранов от бухты Намеры.

— И чем эта бухта хороша?

— От нее мы возьмем корабль до Ираинского архипелага, в сердце которого и стоит храм. Можно сказать, Гариальд оказал нам услугу! Без нужды я бы не сунулся в эти пещеры, но раз уж все так сложилось... — Он выразительно замолчал.

Я пожала плечами, не спеша радоваться. К Омаканской равнине или к еще какой, но надеюсь, Каперс выведет нас из-под земли. Пусть клаустрофобией я не страдаю, но здесь чувствую себя на редкость некомфортно.

— А сколько по времени придется гулять по этим туннелям, чтобы выйти к равнине? — спросила я немного погодя, вытягивая ноги и упираясь спиной в неровную каменную стену.

Дыхание медленно восстанавливалось, сердцебиение замедлялось. И лишь дрожь в коленках выдавала, что у меня только что случился крупнейший адреналиновый выброс за последние три года. Бурлящее в крови возбуждение подталкивало к действиям. Хотелось бежать, смеяться, швыряться мелкими камнями в пустоту, пуститься с Капой в пляс. Воображение уже вовсю рисовало хранителя в балетной пачке и пуантах, вальсирующего по узким горным проходам.

Однако вместо этого я сидела и концентрировалась на дыхании, ведя привычный мысленный диалог с самой собой: «Это все стресс, Мандаринка, — уверенно вещала моя рациональная половина. — Ты просто уже забыла, что так бывает. Привыкла, что худшее, что может с тобой приключиться, — звонок от неадекватного клиента или закрытие любимого сериала. А стресс в небольших дозах даже полезен: он бодрит и раскрывает потенциал. Вон как шустро ты, оказывается, умеешь бегать по камням и скальным туннелям!»

«Хотя, — усомнилась обиженная на весь мир (Айгерос, разумеется) эмоциональная половина, — если бы не дурацкий тотализатор и один надоедливый капибар, нам бы не пришлось скакать аки горная коза, норвя свернуть шею...»

— Идти день, — отозвался Каперс и прищурился: — О чем думаешь?

— Мм?

— У тебя такой вид, словно ты собралась меня освежевать. Причем прям здесь и сейчас.

— Не говори чепухи, — отмахнулась я, по-прежнему слишком погруженная в мысли. — Без тебя мне отсюда не выбраться.

Он хмыкнул и качнул головой:

— Какая прямолинейность!

Я вздохнула, вынырнула из омота размышлений и перевела взгляд на капибара.

— А смысл врать? Если тебя это действительно волнует, о твоём убийстве я не думала. По крайней мере, последние полчаса.

— Ты самая странная участница тотализатора из всех, что мне доводилось видеть, — улыбнулся Каперс. — А видел я почти всех.

Последним предложением он угодил точно в центр моего любопытства. Меткий, зараза!

— Кстати, а какие это бега? Ну, по счету.

— Пятьсот двадцать четвертые.

— Какие?! — ошарашенно выдохнула я. — А... Но... И сколько же тебе тогда лет? — Собрать разбегающиеся мысли и сформулировать их хоть в какой-нибудь цельный вопрос удалось лишь с третьей попытки.

— Много, — ухмыльнулся хранитель. — Хочешь попытаться высчитать точный возраст?

Я помотала головой, потом осторожно уточнила:

— И несмотря на внушительное количество прожитых лет, ты ведешь себя так... э-э-э... так...

Вот как деликатно сказать «по-идиотски»?

— Как «так»?

Каперс выглядел на редкость довольным. Казалось, его забавляла моя растерянность.

— Как подросток, — наконец определилась я.

Он вновь хмыкнул.

— Думаешь, если я начну разговаривать на старом айгеросовском наречии, цитировать летописи и учить тебя жизни, будет лучше?

Я представила описанную Каперсом картину и передернула плечами. Ну уж нет! Такой дозы занудства я просто не вынесу!

— Вот и мне кажется, что это не самая удачная идея, — выдал он, продолжая потешаться надо мной. — К тому же для своего вида я еще далеко не стар и могу позволить себе любое поведение, которое не дает мне заскучать.

— Да у вас тут, походу, все просто повернулись на развлечении себя любимых, — буркнула я, вспоминая о причинах создания божественного тотализатора. Но тут же переключилась на новую деталь, царапнувшую мое любопытство: — А какого ты вида?

Каперс на секунду хитро прищурился, будто прикидывая что-то в уме, потом выдал:

— Как это «какого»? Хранительского!

— Ты бы еще сказал «капибарского», — хмыкнула я, качнув головой.

Глупо было ожидать, что навязанный мне чуждым миром спутник ответит прямо. Хранители никогда не лгут, но вот недоговаривать или умалчивать им никто не запрещает.

Глава 9

День в туннелях Райгеновских гор показался вечностью. До боли однообразной и удручающе-скучной вечностью: вокруг сплошь серый камень, а единственное рыжее пятно — попа капибара, виляющая впереди.

Поначалу я мысленно хихикала над забавной походкой хранителя; потом грустила, думая о Семицветике; затем ныла, жалуясь Каперсу на усталость и натертые ноги. Если говорить начистоту, с ногами все было в порядке, но в тот момент мне просто до безумия хотелось ныть. Такое со мной иногда случается — как правило, в моменты смертельной скуки.

К моему удивлению, Каперс выказал определенную дозу понимания и сочувствия. Хомячковую дозу, если выражаться точнее. Мне разрешили присесть, разуться и размять уставшие ступни. Правда, потом заставили топтать с удвоенной скоростью, дабы нагнать упущенное время. Судя по всему, Каперс не сомневался, что за те пару минут, что его Капибарское величество разрешило мне передохнуть, я получила квалифицированный вьетнамский массаж стоп. Не меньше.

Еще какое-то время (часа полтора-два) я послушно шагала следом, не раскрывая рта. Потом моей выдержке пришел конец. Скука — самое ненавистное из всех состояний. После похмельного утра, разумеется.

Надеясь хоть как-то отвлечься, я пыталась играть с хранителем в города, однако, в силу разных миров игра не задалась: верить друг другу на слово, что названные поселения существуют, мы с Каперсом отказывались. Потом я решила снова потрясти его на тему айгеровской географии и народонаселения, но в этот раз хранитель оказался менее сговорчивым. Затем я начала зачитывать вслух стихи русских классиков. Правда, когда меня плавно снесло в Серебряный век, капибар принялся злобно коситься в мою сторону и выразительно морщиться. Видимо, Пастернак пришелся хранителю не по вкусу. Что ж, его право.

К вечеру — хотя понятие «вечер» очень относительно в отсутствие естественного освещения — я уже практически лезла на стенку. Однообразие обстановки, однообразие движения, однообразие недовольного фырканья Каперса...

— Ты как ребенок, — заметил он, когда в очередной попытке победить скуку я принялась напевать частушки бабок Ёжек из «Летучего корабля».

— Кто бы говорил, — буркнула хмуро и, не желая развивать эту тему, спросила: — Далеко еще до выхода?

— Не знаю. Надеюсь, что нет.

Я тяжело вздохнула, недобрым словом поминая местного бога гор, перевесила походный мешок на другое плечо и продолжила шагать. Частушки, однако, петь перестала.

Глупо утверждать, будто сейчас мое поведение подходит серьезному взрослому человеку. Но Каперс не понимает главного: именно напускное ребячество не дает мне скатиться в уныние и жалость к себе. Отвлекаясь на все подряд, я перестаю думать о том, что могу погибнуть в чужом для меня мире, что никогда не вернусь домой. Если чтобы оставаться сильной, нужно стать слегка сумасшедшей — пусть так. Главное — не потерять себя в этом сумасшествии, все остальное — мелочи.

Когда в конце каменного туннеля забрезжил свет, я радостно подпрыгнула, захлопала в ладоши и рванула вперед, точно гепард за антилопой! Каперс скакал рядом, счастливо повизгивая. Наперегонки мы выбежали на равнину, залитую светом полной луны (точнее, ее местного аналога), и там нас накрыла новая волна эйфории. Мы принялись носиться друг за другом, смеяться и жадно вдыхать полной грудью свежий воздух. Не знаю, как Каперс, но я ощущала себя так, словно только что стала победителем божественного тотализатора — не меньше. Обуревающие меня чувства не поддавались описанию. Это было восхитительно! Это было пьяняще! Это была...

Шутка.

На самом деле, когда впереди показался выход из туннеля, я чувствовала себя словно шахтер после забоя. Сил почти не осталось. Все, на что меня хватило, — выдать невнятный звук, который должен был самым невероятным образом передать все грани моей радости.

Каперс выглядел таким же усталым и потрепанным. Мы вместе доползли до выхода, едва переставляя ноги, как два престарелых английских бульдога, и медленно опустились на траву.

— Можно, мы никуда больше не пойдем? — Я просительно взглянула на хранителя.

Судя по всему, сил на ответ у него не осталось: он молча кивнул и растянулся на пузе.

Я осталась сидеть, без особого интереса разглядывая ночной пейзаж. Сейчас меня не волновало, в какой части Арайдоса мы находимся и получилось ли у нас добраться до Омаканской равнины. Из всех вопросов, которые только могли возникнуть у меня в голове, важен лишь один.

— Тут безопасно?

Каперс искоса взглянул на меня и нехотя буркнул короткое слово на том самом незнакомом языке, которое я мысленно окрестила капбарским наречием. Светлячки, сопровождавшие нас весь день, вспыхнули ярче, взорвались золотой пылью и начали медленно оседать, очерчивая вокруг нас невидимый купол. Когда контур замкнулся, свечение пошло на убыль.

— Теперь да, — устало выдохнул Каперс, стоило последней крупине света потухнуть. — Спи.

Последнее напутствие было явно лишним. Едва поняв, что на тему безопасности можно не беспокоиться, я тут же рухнула головой на вещевой мешок, подложила под щеку ладонь и отрубилась. Не сладко смежила веки, не погрузилась в нежные объятия Морфея — ничего подобного! Я банально выключилась, как севший телефон.

Есть люди-жаворонки, есть люди-совы, а есть я. Я вообще не птица. Скорее уж та самая Соня, что постоянно засыпала на безумном чаепитии Шляпника из «Алисы в Стране Чудес». И точно так же, как ее, меня использовали как подушку.

Поняла я эту новую для себя истину в момент пробуждения.

Каперс самозабвенно дрых, уместив лобастую голову мне на живот, и легонько подергивал задней лапой. Если против последнего факта я ничего не имею против, то первый доставляет вполне ощутимый дискомфорт: Каперс, как оказалось, весит немало.

На секунду в голове мелькнула коварная мысль отыгаться за вчерашнее пробуждение и «пирожки», но потом я снова глянула на посапывающего грызуна: на его милые ушки, черный нос и короткие усы, на виднеющееся пузико и подрагивающую во сне лапу...

Сердце дрогнуло.

Ох, Мандаринка, когда-нибудь подобная мягкотелость тебя погубит!

Я вздохнула и аккуратно дотронулась пальцами до жесткой рыжей шерсти. Едва касаясь, провела рукой вниз и, дойдя до шеи, опустила ладонь.

— Эй, соня, — я легонько потрепала хранителя по холке, — просыпайся.

Поддаваясь порыву, коснулась маленьких ушек, приглянувшихся мне еще с первого дня знакомства. Слегка подергала за одно из них.

— Подье-ом, дружочек! — позвала я вполголоса.

Каперс дернул ухом, высвобождая его из моих пальцев, и сонно фыркнул. Я улыбнулась.

— Ка-ап, прием! Пора вершить великие дела!

Судя по всему, сейчас хранитель был готов променять любые дела — великие и не очень — на пару лишних минут сна. Вот ведь жук! Как ему спать по утрам, так пожалуйста, а как мне — так шоковые побудки и «пирожки»?

«Что ж, ты сам напросился, — пришла коварная мысль. — Я честно пыталась сделать все по-хорошему!»

Собравшись с духом, я ужом выскользнула из-под устроившегося на мне грызуна и закусила губу.

— Какого?! — выругался Каперс, едва его голова встретилась с травой.

Он подскочил (что выглядело комично, учитывая бочонкообразное строение капибары) и, сонно моргая, огляделся.

К своей чести, скажу, что я не стала кричать о нападении инопланетян и требовать немедленно укрыться в убежище. К чести Каперса, замечу, что проснулся он довольно быстро. По крайней мере, его взгляд стал осмысленным уже через пару секунд после пробуждения.

— А ты мстительна.

— Вообще-то я честно пыталась разбудить тебя нормально. — Я пожала плечами, не чувствуя себя виноватой. — Но кое-кто дрых как убитый!

Каперс поморщился так, словно спать — это низко, гадко и вообще не про него.

— Я вчера потратил больше двух третей магического резерва, — пояснил он. — А такой расход всегда влечет за собой физическое истощение.

— Э-э... а на что ты его потратил? — я нахмурилась.

Особо крутого колдунства в духе Гендальфа с его «Ты не пройдешь!» я не заметила. Или Каперс просто слабенький в этом плане?

Хранитель, точно сумев прочесть мои мысли, хмыкнул и качнул головой.

— Световые шары — простое заклинание. Но удерживать его полдня, а потом преобразовывать в комплексную защиту второго уровня — довольно изматывающее занятие.

Я совсем по-другому взглянула на капибара. В груди проснулось исконно женское, почти материнское желание накормить беднягу и окружить его заботой. Поддаваясь этому чувству, подтянула к себе мешок и, развязывая тесемки, спросила:

— Будешь пирожок? Там вроде еще парочка оставалась... И не переживай, если по-прежнему чувствуешь слабость, можем тут задержаться. А если я могу как-нибудь помочь...

Договорить мне не дал громкий смех Каперса.

— Ну и наивность! — потешался он, шлепая лапой по траве. — Боги, как же просто ты веришь на слово! А какое у тебя лицо было! Ты бы себя видела!

Стало обидно. Точнее, даже не так. Ощущение было такое, словно мне только что плюнули в душу. Вот и беспокойся потом о мохнатых хранителях!

— Дурак ты, Кап, — расстроено бросила я, вставая и поднимая с земли дорожный мешок.

Вытащенный пирожок, разумеется, предлагать не стала. Есть его самой тоже не хотелось, но из чистого упрямства я откусила небольшой кусок и принялась его методично жевать.

— Ой, вот только не надо строить из себя обиженную! — Каперс закатил глаза. — Через четыре мирана будет небольшой городишко. Там и поедим, — распорядился он и уверенно двинулся в одном ему ведомом направлении.

Я зашагала рядом, жуя безвкусный пирожок — или просто я не чувствую вкуса? — и мысленно делала ставки: через сколько дней чаша моего терпения переполнится и я придушу противного грызуна? Два или три?

Спустя минут сорок обида утихла. Да и глупо дуться на Каперса дольше. Он заносчивый хранитель, который ненавидит землян. Я же представительница именно этой расы, по злой иронии таинственного Совета навязанная ему в подопечные.

Каперс — моя возможность выжить и вернуться домой. Для него я тоже всего лишь шанс. На что? Пока не ясно, но я обязательно выясню. Наши отношения — если их вообще можно так назвать — построены на корысти и невозможности изменить ситуацию. О дружбе и симпатии речи никогда не шло. Так что все честно.

Сделав такие выводы, я кивнула сама себе, перевесила мешок на другое плечо и скривилась: поясницу прострелило болью. Третий раз за утро! Да что ж такое-то?

Надо заметить, сегодняшней переход дается особенно тяжело. Несмотря на то что выдвинулись мы меньше часа назад, я уже чувствую себя уставшей и разбитой. Икры ног

ноют, колени предательски подгибаются, а спину ломит.

«Что, Мандаринка, старость подкралась незаметно?» — хмыкнула я мысленно и тут же ругнулась, больно подвернув ногу.

— Ты как, в порядке? — с беспокойством спросил Каперс.

— Да. Просто...

— Слабость?

Я кивнула. Он недовольно дернул усами.

— Плохо. Еще еда осталась? Проверь, пожалуйста, — попросил капибар, несмотря на мое твердое «нет».

Повторная ревизия не выявила потаенных запасов съестного. Видимо, Терейя не рассчитывала, что я протяну так долго. Обидно!

— В чем дело, Кап? — спросила я, затаив тесемки и закинув мешок за спину.

Каперс с ответом не спешил. Прошло секунд двадцать, прежде чем он заговорил.

— Райгеновские горы не совсем обычны. Находиться *рядом* с ними не опасно... чего нельзя сказать о пребывании *внутри*.

Я напряглась, ожидая услышать самое худшее.

В моем не на шутку разыгравшемся воображении «самым худшим» была новость о радиоактивности скальных туннелей. Лысеть в компании капибара решительно не хотелось. К тому же, по моим мысленным прикидкам, хранителю катастрофически не пойдет безволосость!

— Они вытягивают жизненные силы, — пояснил меж тем Каперс, явно не догадываясь о буйстве моей фантазии. — Не сильно. Но мы провели в них почти день...

Сначала я обрадовалась услышанному: все-таки приятно знать, что Айгерос не покушается на мою гордость — густую косу светло-русых волос. Потом нахмурилась, поняв, почему мы с хранителем отрубались, едва покинули пещеры, — сил почти не осталось. Буквально.

Я обдумала услышанное, прокрутила в памяти утренний разговор и, собрав мысленный пазл, остановилась.

— Кап, зачем ты так поступил?

— Как? — хмыкнул он, судя по всему, прекрасно понимая природу моего озарения.

— Не позволил поделиться с тобой пирожками. Ты ведь специально поднял меня на смех — знал, что это убьет мой порыв альтруизма. Но почему?

— Потому что тебе они нужнее. Мы прошли лишь треть пути, а ты уже чувствуешь слабость. Что было бы, скорми ты мне остатки еды?

— Да, но... А как же ты?

— Дотерплю. Не думай об этом, просто шагай, — посоветовал он и первым продолжил движение.

Я смотрела на удаляющегося хранителя и впервые за последние два дня испытывала к нему искреннюю благодарность. Как бы Каперс ни относился к землянам, он заботится обо мне... пусть даже в своей странной, несколько грубой манере.

Глава 10

Местные меры расстояния по-прежнему оставались для меня загадкой. До ближайшего города было четыре мирана, что (по заверениям хранителя) совсем недалеко. Однако через три часа пути стало очевидно, что мое представление о «недалеко» явно отличается от капибарского.

Когда на горизонте показались городские башни, я выглядела так, словно только что пешком сгоняла к Мордору: вымотанная, потная, с дрожащими коленями и грязными из-за постоянных падений ладонями. Чтобы завершить образ, не хватало лишь такого же потрепанного хоббита в компанию. Но надо сказать, Каперс вполне справлялся с этой ролью.

Я искоса взглянула на него и хмыкнула. Выглядел он неважно (если не сказать больше), но старательно делал вид, что все в порядке. Прижав уши и сощутив глаза, капибар упрямо топал вперед, притворяясь, будто это не его лапки постоянно подкашиваются.

Проклятая усталость усиливалась с каждым пройденным шагом, из-за чего последний километр показался самым длинным. Больше всего хотелось плюнуть на все происходящее, лечь посреди дороги и не шевелиться. И один раз я даже попыталась это сделать, но быстро передумала, получив тычок лобастой головой в бедро.

Черту города мы пересекли практически ползком. Двигались медленно, но уверенно: впереди Каперс, за ним я. Игнорируя удивленные взгляды прохожих, добрались до какого-то здания (из своего полусогнутого положения я видела лишь стену из криво сложенных камней и разохшуюся, не закрывающуюся до конца дверь) и остановились.

Каперс поддел лапой деревянный прямоугольник, просунул в него морду, сделал пару шагов и замер.

«Дверь придерживает!» — догадалась я.

Благодарно улыбнулась — на большее сил не осталось — и поползла внутрь. Как выглядел интерьер, мне было неинтересно. Я лишь порадовалась отсутствию вони (почему-то готовилась задохнуться от ароматов плесени, кислой капусты и старого пива) и ровным полам — меньше шансов споткнуться и упасть.

— Две комнаты и четыре порции обеда, — распорядился Каперс.

И откуда у него только остались силы на командный голос? Специально их берег, что ли?

— Конечно, хранитель, — отозвался хриплый мужской голос.

Поднять голову и взглянуть на говорившего я не могла. Да и не хотела. Сейчас все мое внимание было приковано к полу и собственным ногам. Последним, казалось, только дай повод, и они подогнутся, как надломленные.

— Вам повезло: наверху свободны две угловые комнаты с видом на сад. Я сейчас же...

— Нет, — сухо оборвал его Каперс. — Нас устроит только первый этаж.

Я мысленно заплодировала, оценив здравость замечания. В нынешнем состоянии что лестница, что Эверест — все едино.

— Э-э... конечно, — растерянно отозвался мужчина. — Если вы уверены, то прошу следовать за мной.

Он чем-то шкрябнул, дзынькнул — поди, ключи достал откуда-нибудь — и зашагал по оцененному мной полу. Быстро зашагал, уверенно.

Ха! Наивный! Еще не понял, что перед ним не чемпионы по бегу на короткие дистанции?

А нет, понял. Остановился, ждет.

Неспешным гуськом мы добрались сначала до незнакомца, а потом и до двух дверей, расположенных друг напротив друга.

— Вот, располагайтесь. — Мужчина открыл обе комнаты и посторонился.

— Обед подайте как можно скорее, — распорядился Каперс и толкнул меня в правый дверной проем.

Не ожидавшая такой подставы, я вякнула и упала.

— Как изволите, — отозвался провожатый и оставил нас.

Едва звук удаляющихся шагов стих, у меня над ухом рявкнуло:

— Арина, вставай!

— Не-е-ет, — совсем по-детски протянула я.

Вот пусть на мне хоть пляшет — не встану! Сил нет!

— Арина...

— Я устала и хочу спа-а-ать!

— Знаю, — согласился Каперс. — Но если ты сейчас уснешь, то не факт, что сможешь проснуться...

Оп-па, вот это поворот!

Новость огорошила настолько, что я сразу разлепила уже почти сомкнувшиеся веки и села, опираясь на сбитые ладони.

— Умница, — одобрительно кивнул он. — Осталось только дождаться еды и поесть. Потом сможешь поспать.

— Но ты же сказал...

— Не, — мотнул головой хранитель. — После еды можно будет спать без опасений. Сейчас твой организм продолжает терять жизненные силы, а еда — простейший способ их восполнить. К тому же этот постоянный двор окружен защитным куполом наподобие тех, что ставят над кардарвами. Не такой сильный, конечно, но он заблокирует отток жизненных сил к Райгеновским горам.

— Ненавижу ваши горы, — буркнула я, изо всех сил борясь с зевотой и сонливостью. — И бога вашего горного тоже.

— Не переживай, — дружелюбно фыркнул Каперс, — я его тоже не переношу.

— Сла-а-а-вно, — не сдержавшись, я все-таки зевнула.

В коридоре раздались торопливые шаги, а потом девичье:

— Ой, а что же вы на полу у входа-то сидите?

Я устало подняла голову и без особого интереса мазнула взглядом по румяной девушке-пышке лет восемнадцати. Вроде миленькая: две густые черные косы, челка до бровей, красная повязка на голове. Полноватое тело упаковано в длинное клетчатое платье, на талии светло-серый передник.

В руках Пышка держала огромный деревянный поднос.

— Ставь рядом, — распорядился Каперс.

— Так, может, это... на стол лучше? С полу-то как-то того... не по-людски.

— Ставь рядом, — с нажимом повторил он.

— Ну, как знаете, — Пышка пожала плечами и опустила поднос передо мной. — А ваш обед-то куда подать?

— Ко мне в комнату.

— Тоже на пол?

Я мысленно хмыкнула, а Каперс недовольно дернул ухом.

— Нет, поставь на стол. Иди, — приказал он, видя, что девушка собирается сказать что-то еще.

Едва она вышла в коридор и звук ее шагов начал отдаляться, хранитель повернулся ко мне.

— Ешь, — потребовал он не терпящим возражения тоном.

Я вздохнула и посмотрела на расставленные на подносе тарелки. С одной стороны, есть действительно хочется. С другой, удержать в ослабевшей руке ложку — задача та еще!

— Арина, не тни. Я тоже устал и проголодался.

— Так иди к себе. — Я слабо пожала плечом, не понимая, почему он вообще торчит у меня в комнате.

— Нет, — Каперс упрямо мотнул головой. — Сначала прослежу, чтобы ты поела, а не уснула рядом с подносом.

В словах Каперса была логика. Точнее, целая прорва логики. В голове действительно нет-нет да мелькала мысль прилечь на секундочку. Усталость туманила разум настолько, что притупляла чувство опасности и инстинкт самосохранения.

— Арина, ешь, пожалуйста, — гораздо мягче попросил Каперс.

Кивнув, я потянулась и взяла кусок хлеба. Наплевав на местный этикет и то, как это выглядит со стороны, принялась макать серый мякиш в густую подливку тушеного мяса. Вытаскивала потяжелевший ломоть, кусала размокший край и макала снова.

Умяв таким способом весь хлеб, я ощутила в себе силы взять в руки ложку — вилки почему-то не предлагалось — и доесть оставшееся мясо.

— Кап, иди к себе, — отставив пустую тарелку, настояла я. — Тебе тоже надо восстановить силы.

— Нет. Только после того, как ты все доешь, — упрямо возразил он.

— Я не лягу спать, обещаю. Хочешь, как доем, зайду к тебе?

Хранитель не спешил с ответом. Смерил меня тяжелым взглядом, мельком глянул на поднос с едой, вздохнул и наконец кивнул:

— Хорошо. Только заходить не обязательно. Просто стукни пару раз и скажи что-нибудь, чтобы я услышал твой голос. Хорошо?

Просьба показалась странной, но, рассудив, что у всех есть право на причуды, я согласилась. Выпроводила четвероногого хранителя и снова сконцентрировалась на подносе с едой. Так, что теперь на очереди? Ага, жареная курица! Поехали!

Раньше я не догадывалась, что могу столько съесть. И вот странность: чем больше еды исчезало у меня в желудке, тем сильнее разыгрывался аппетит. Если поначалу мне казалось, что умять даже треть из принесенного Пышкой невозможно, то под конец я начала всерьез опасаться, что еще чуть-чуть, — и я отправлюсь на поиски этой самой Пышки требовать добавки!

После жареной курицы настал черед отварного картофеля (точнее, его местного аналога оранжевого цвета). Следом я принялась за рыбу, запеченную в тесте, потом — за какие-то зеленые шарики, размером с теннисные, фаршированные мясом. Тушеные овощи, густой суп-пюре странного фиолетового оттенка, рагу из ребрышек, пироги (сладкие и соленые), плетенки с повидлом... Я съела все. До последней крошки.

Запивая теплым травяным отваром самый внушительный обед в своей жизни, я мысленно сравнивала себя с Робинот Бобином Барабеком. Думаю, сегодня даже английский обжорка остался бы под впечатлением от вместительности моего желудка!

Составив пустую посуду на поднос — и как Пышка вообще доперла такую тяжесть? — я поднялась, сыто потянулась и пошла выполнять данное хранителю слово.

Дверь его комнаты оказалась плотно закрыта. Интересно, как Каперс это сделал? Головой, что ли, захлопнул?

— Кап, — позвала я, стукнув несколько раз по дереву, — как и обещала, докладываю: обед съеден, я не сплю. Правда, удивительно, что меня не разорвало на части от такого количества еды. — Я хмыкнула и снова постучала. — Ау-у, ты сам-то не спишь?

Ответа не было.

— Кап? Можно зайти?

Взявшись за круглую ручку, я неуверенно повернула ее вбок и замерла, покусывая нижнюю губу Каперс просил не соваться к нему... Но вдруг он уснул? Уснул, не поев! Беспокойство закопошилось под кожей, словно стайка крошечных мышей.

Нет, зайти все-таки стоит. Если он спит, то разбужу его! А если бодрствует... почему тогда не отвечает?!

Уверившись в правильности принятого решения, я толкнула дверь бедром. Правда, стоило ей открыться на пару сантиметров, как ее тут же с силой придавили с той стороны.

— Спасибо, что пришла, — голос Каперса прозвучал странно. — Я рад, что ты в порядке; а теперь, пожалуйста, иди спать. Утром я разбужу тебя.

— Утром?!

Сейчас же часа четыре, не больше! Не знаю, что он обо мне думает, но так долго спать я не умею.

— Не волнуйся, издеваться не стану. — Хранитель по-своему понял мое восклицание. — Приятных снов, Арина.

Я отстранилась от двери и хмуро качнула головой — Каперс явно темнит. Интересно, что он от меня скрывает?

Глава 11

Как я вернулась к себе в комнату и рухнула спать прямо в одежде, стерлось из моей памяти. Мозг здраво рассудил, что эти воспоминания мне ни к чему: главное — довести тело до кровати и отключиться. Собственно, именно это он и сделал.

Проснулась я так же внезапно, как уснула: просто открыла глаза и поняла, что выпалась. Села, сонно зевая, потянулась и огляделась.

В комнате, кроме меня, никого.

Это что получается, я проснулась раньше Каперса? Он же собирался разбудить меня. Хм, интересно, который час?

Обувшись, я дошла до окна, отодвинула занавеску и выглянула на улицу. Пусто, тихо, темно... Однако очертания домов, заборов перед ними и булыжников на мостовой легко угадываются — значит, ночь пошла на убыль.

Потеряв интерес к улице, я приблизилась к зеркалу и хмуро взглянула на себя: мятая со сна одежда, спутанные волосы, в которых застряли травинки и веточки; пара грязных разводов на щеках и шее... М-да, красота неопишная!

Душ легко мог бы исправить ситуацию, если бы не одно «но»: в моей комнате ванная не предусмотрена. Здесь вообще, кроме узкой кровати, стула и овального зеркала на стене, ничего не предусмотрено.

Однако сдаваться так просто не в моих правилах. Пригладив одежду, я выскочила в коридор и отправилась на поиски местной администрации. Где-то же люди моются, верно? Надо просто узнать, где именно.

Быстро пролетев мимо одинаковых дверей с выжженными номерами, я выскочила в холл — тот самый, в который мы с Каперсом вползли из последних сил.

Просторное помещение слабо подсвечивали прямоугольные матово-белые камни. Почти все свободное место занимали круглые столы, на которых ножками вверх умостились стулья. А ближе к выходу — той самой раскошей двери — располагалась небольшая стойка, пустующая в это время. Надо сказать, что в зале вообще, кроме меня, никого нет.

Хм, и что же делать?

Я неуверенно переступила с ноги на ногу, сморщила нос и еще раз внимательно оглядела помещение. В самой дальней от входа стене — там, где свет камней едва разгонял густые тени, — нашлась еще одна дверь. Неприметная, почти сливающаяся с деревянной обшивкой зала. Но заинтересовала меня не она, а полоска света, пробивающаяся в узкую щель над полом.

Прикидывая, как получше завязать разговор и плавно перевести его на вопрос моей помывки, я зашагала в выбранную сторону... и чуть не врезалась носом в дверь, когда та вдруг резко распахнулась.

— Ой, а чего вы не спите-то? — всплеснула руками знакомая Пышка. — Рань же еще несусветная! Четыре утра только-только минуло!

Почему Пышка не спит в это время, меня не интересовало. Гораздо более животрепещущим оставался санитарно-гигиенический вопрос. Его я и озвучила.

— Так это... могу вам воды натаскать. Одно ведро там, — Пышка махнула рукой в сторону двери, из-за которой совсем недавно выскочила, как черт из табакерки, — почти согрелось. Мы-то всегда ставим их с вечера на теплую печь. Только вам того... не хватит, чтобы хорошую теплую воду развести-то. Точнее, как — пальцы-то сводить не будет, но вот понежиться не получится.

— Мне лишь бы помыться.

— Ну, тогда-то обождите минуток пять, я быстро натаскаю. А как закончу, позову вас.

— Куда? — Сбитая с толку, я нахмурилась.

По книжкам Семицветика, мне должны были организовать помывку «в номер». Причем не простую, а практически в духе русского спа: с кедровой бочкой и сменой воды.

— Так в мыльню. Майсер-то там!

На очередное незнакомое слово мысли пустились в чехарду. Что это? Кто это? Оно безопасно? Я с ним справлюсь?

Стоило бы спросить у Пышки напрямую, но взыграла глупая гордость: выставлять себя невеждой не хотелось. Поэтому в ответ я просто кивнула.

— Мне воду сразу намешать или потом вы сами скажете, сколько холодной лить на ведро горячей?

— Э-э, потом скажу. Тогда встретимся здесь через пять минут?

Пышка кивнула и поспешила обратно в то помещение, из которого вылетала.

Я же направилась в комнату за чистыми вещами и расческой. Интересно, а Терейа положила кусок мыла или решила «не тратиться»?

Мыла в мешке не оказалось. Зато на самом дне я нашла небольшой пузырек с тягучей бледно-желтой жидкостью. Отвинтив деревянную крышечку, придирчиво понюхала находку, капнула на пальцы и покатила между подушечками. Жидкость вспенилась. Что бы это ни было — шампунь, гель для душа, средство для мытья посуды, — помыться им точно можно. Вот и отлично!

Захватив сменные штаны и рубашку (абсолютно идентичные тем, что на мне), я вышла из комнаты.

Пышка уже ждала в холле. Завидев меня, она улыбнулась и поманила за собой.

«Душик, душик, красота!» — я мысленно мурлыкала веселый мотив, послушно следуя за провожатой.

Но едва мы вошли в небольшое помещение, выложенное камнем, как песенка в моей голове резко встала на «паузу», а точнее — сразу на «стоп».

Я во все глаза смотрела на то, что стояло посреди комнаты, и пыталась сопоставить ожидания с реальностью.

Это гроб?! Или огромный черный шкаф, лежащий на спинке? Огромный черный шкаф, похожий на гроб?!

Чувствуя нарастающее беспокойство, я приблизилась к отполированному каменному прямоугольнику и осторожно, стараясь не касаться, осмотрела чудовище. В длину метра два с половиной. Матовый, с тонкими темно-синими прожилками, пульсирующими в приглушенном свете комнаты. Крышка, похожая на полусферу, плотно прилегает к матовым краям... шкафа.

Пока мной безраздельно владели шок пополам с ужасом, Пышка шустро просеменила к машине, нажала на что-то и легко сдвинула крышку.

Толстенную крышку! Такой и убить недолго! И с чего я вообще доверилась Пышке?! Мало ли что она задумала! А если убить? Похоронить заживо в этой мыльне? И Кап меня не найдет! Или найдет, но уже посеревшую и разбухшую! Да еще и с немой голово-о-ой!..

Так, стоп.

Поняв, что меня окончательно сносит на волнах нарастающей паники, я отвесила себе невидимую оплеуху. Успокоилась, Мандаринка! Иначе такими темпами к обеду ты превратишься в законченного параноика. Расслабься, главное — не думать о плохом. Все в порядке. Это шкаф. Просто шкаф. И ни на что другое он совершенно не похож...

— Давайте я вам сейчас все наполню, а потом, как вы залезете, закрою крышку, — принялась хлопотать Пышка, подтаскивая одно из металлических ведер к боку чудовища.

— Зачем закрывать? — испуганной курицей кудакнула я.

Мантра о гармонии со шкафом полетела ко всем чертям.

— Как зачем? — Девушка хлопнула ресницами. — Ну так вы ж мыться-то хотели!

— Хотели, — кивнула я, изо всех сил стараясь казаться невозмутимой.

Мозг же тем временем спешно искал пути отступления. Следуя его командам, я бегло оглядела комнату, заметила на каменной лавке металлический ковш.

В голове сложился план действий, и я запела соловьем:

— Знаете, вы, наверное, идите, а я тут сама все сделаю...

— Вы? — растерянно переспросила Пышка.

— Конечно! Я, знаете ли, страсть как люблю майсеры наполнять! — с перепугу вспомнила незнакомое слово и выпалила его с такой легкостью, будто каждый день произносила.

— Да-а? — недоверчиво протянула Пышка. Я рьяно закивала. — Ну, как хотите. Только это... ко мне все на «ты».

Я продолжала кивать, как автомобильная собачка, которых раньше частенько ставили на салонные торпеды: ритмично и без остановок.

«Все что угодно, милая, только топай уже!» — отправляла я мысленный посыл.

Видимо, посыл до адресата дошел: Пышка пожала плечами и вышла, прикрыв за собой дверь. Оставшись одна, я снова повернулась к черному гиганту.

Сдвинутая крышка позволила заглянуть в нутро «шкафа». И вот тут меня поджидал новый сюрприз: вместо дна у майсера оказалось настоящее решето!

Это ж как в нем вообще моются?

Хмурясь, я обошла шкаф по периметру и потыкала в его полированные бока. Ноль реакции. Постучала по углам, попинала основание, погладила бортики — без изменений. Майсер на мои манипуляции не реагировал.

Ай, и бог с ним! Все равно в этот пенал не полезу, даже под страхом смерти!

За пару минут я бодро перетащила оставшиеся два ведра ближе к майсеру и, захватив ковш, вздохнула.

— Что, Мандаринка, совсем как дома в период плановых проверок теплотрасс? Раком и с ковшиком... Зато хоть чайник двадцать раз кипятить не надо: вода уже нагрета! — улыбнулась, подбадривая себя.

Однако в своих ожиданиях я немного ошиблась: перегибаться через майсер и через ванну — не одно и то же. Помывка в айгеросовской мыльной стала почти пыткой: бортики «шкафа» оказались гораздо выше, чем я решила вначале. Чтобы не налить воду на пол, мне пришлось практически повиснуть на майсере, как полотенце на бельевой веревке. До пола я доставала лишь носочками кефов.

Спеша закончить мучительный «утренний душ», быстро промыла волосы на один раз, умылась и обтерлась, намочив край полотенца. Залезть в пугающее нутро местной ванны я так и не смогла.

Закончив, натянула чистую одежду, расчесалась и выскочила в коридор.

— Ой, — вякнула я, во что-то врезавшись.

— Простите, — раздалось над головой обеспокоенно. — Вы не ушиблись?

Меня аккуратно приобняли за плечи, помогая удержать равновесие. Я потеряла ушибленный нос, посмотрела вверх и... поплыла.

«Дайте два!» — мелькнула шальная мысль, пока я обалдело разглядывала стоящего передо мной мужчину.

Высокий — выше меня головы на две, — с внимательными зелеными глазами, правильными чертами лица и длинными пепельными волосами. Да ради одного такого мужика можно было согласиться и на Айгерос, и на дурацкий тотализатор!

— Так вы не ушиблись? — переспросил идеал во плоти, не дождавшись ответа.

— А? — Я моргнула и тряхнула головой, скидывая оцепенение. — Нет, все в порядке.

— Вас что-то напугало? Вы так спешно покинули ту комнату...

«Давай, Арин, расскажи ему про жуткий шкаф и помывку с ковшиком наперевес. Он оценит, ага!» — насмешливо предложил внутренний голос.

— Э-э-э...

«Боже, главное — не выглядеть полной дурой! Вперед, Мандаринка! — подбадривало меня женское начало. — Ты должна познакомиться! Может, это самый шикарный мужчина, что тебе уготовано встретить, а ты тут мокрая, как курица, и мямлишь. Соберись!»

— Э-э-э... — заезженной пластинкой продолжала выдавать я.

«Это провал», — припечатал голос разума.

— Что ж, — незнакомец понимающе улыбнулся и отступил в сторону, — вижу, мое общество вам неприятно...

Да ты шутишь?! Мужик, стой! Сейчас я соберусь с мыслями, и у нас завяжется прекрасный диалог!

— В таком случае, — продолжил меж тем мой идеал, — не смею задерживать. Теплых солнечных лучей и ласкового ветра, прекраснейшая. — Он откинул полы темно-зеленого плаща и галантно поклонился.

«Давай, Ариш, хоть пожелай ему чего-нибудь хорошего!» — обреченно посоветовал внутренний голос.

— Э-э-э, — выдала я полюбившийся за последние пару минут звук, — спасибо. Вам тоже всего доброго, здоровья и... э-э... горячей воды...

«Беги-и, — простонал внутренний голос. — Просто беги. Избавь этого идеального мужчину от своей глупости!»

Щеки опалило огнем стыда. Брякнув короткое «до свидания», я прошмыгнула мимо красавца и поспешила в комнату, мысленно костеря себя на все лады. Ну почему всегда одно и то же? Стоит мне встретить кого-нибудь, в чьих глазах хочется выглядеть хорошо, как я тут же выставляю себя полной дурой!

Все! Вернусь в комнату и носа оттуда не высуну! Минуты позора лучше переживать в одиночестве.

Однако Айгерос, судя по всему, придерживался иного мнения. Иначе как объяснить то, что в комнате меня уже ждали?

— Вот скажи мне, Арина, — вместо приветствия начал Каперс, — неужели это так сложно — сидеть в безопасности и терпеливо ждать, пока за тобой не придут?

Я растерялась, не ожидая встречи с хранителем, но быстро взяла себя в руки.

— Ты не говорил, что из комнаты нельзя выходить. Или надо было безвылазно тут сидеть? Без еды, воды и туалета?

— Ты была в мыльне. — Каперс не спрашивал, а утверждал. И утверждал обвинительно.

— Да, людям иногда нужно мыться.

— Арина-а, — простонал он, — неужели ты правда не понимаешь? Ты должна — нет, даже обязана! — вести себя крайне осмотрительно! В этом городе наверняка есть другой участник тотализатора. И нам очень повезет, если всего один. А чего хотят все участники, кроме тебя? Правильно: победы любой ценой!

— Ну так пусть побеждают! Мне-то что?

Каперс закатил глаза и подошел ко мне. Несколько секунд сверлил тяжелым взглядом, а потом вдруг мягко ткнулся лобастой головой в мое колено.

— Дура ты, Арин, — устало выдохнул он. — Все еще не поняла, насколько Айгерос опасен? Я же... переживал.

Внезапное признание выбило из колеи. Это что же получается: мой черствый хранитель не такой уж и черствый?

Поддаваясь порыву, я наклонилась и запустила пальцы в жесткую шерсть.

— Кап, — позвала тихо, — а если я умру, ты почувствуешь?

— Да. Но не сразу. Это и пугает...

— А мое тело, — я на секунду закусила губу, — оно вернется на Землю?

— Нет. Боги не готовы тратить энергию на возврат... выбывших.

— Выбывших, — эхом повторила я. — Дурацкое слово. И боги ваши дурацкие. И тотализатор, — вздохнула я, пожевала губу, потом добавила: — Прости, Кап.

Хранитель поднял голову и удивленно посмотрел на меня.

— За то, что заставила волноваться.

Каперс кивнул и, как мне показалось, едва заметно улыбнулся.

— Ладно, — привычно заворчал он, — пойдем быстро позавтракаем, пополним запасы в дорогу, и пора бы уже выдвигаться. Мы вышли немного южнее, чем я рассчитывал, — до бухты Намеры еще несколько дней пути.

— Хорошо. Сейчас только в рюкзак все скидаю...

— Во что?

— Ну, в мешок, — перевела я на понятный Каперсу язык.

Прошла, взяла со стула мешок и комком запихнула внутрь грязную одежду с пузырьком жидкого мыла. Утрамбовала как можно плотнее, чтобы освободить место под еду и воду, затянула тесемки и закинула ношу за спину.

— Все, я готова!

Каперс фыркнул, не разделяя моей радости от скорых сборов, и первым вышел в коридор.

Глава 12

И вот я снова в холле. Стулья спущены на пол, странные камни-светильники сияют ярче, а за некоторыми столиками уже сидят первые постояльцы.

Из дальней двери вышла Пышка с подносом, полным еды. Расставив тарелки перед седым мужчиной с заплетенной в косы бородой, она с улыбкой направилась к нам.

— Один горячий завтрак, кружку чаиры и еды в дорогу на три дня, — распорядился Каперс, едва Пышка остановилась возле нашего столика.

— Конечно! — с готовностью отозвалась она и перевела на меня обиженный взгляд. — Что же вы не позвали меня майсер-то спустить? Вы ж в гостях! А все сами, сами... Неужто думаете, мы негостеприимные хозяева?

Я растерялась, не понимая причин недовольства.

— Прости... оно как-то по привычке само вышло, — добавила неуверенно, надеясь сгладить ситуацию.

— Да ладно, чего уж. — Девушка вздохнула. — Пойду принесу вам завтрак.

— Кап, — я повернулась к хранителю, едва Пышка отошла, — что ее обидело?

Хранитель с ответом не спешил. Он замер истуканом и подергивал лишь кончиками усов. Приглядевшись, я поняла, что меховая зараза из последних сил сдерживается, чтобы не заржать!

— Спорим, ты даже не поняла, как работает майсер? — хрюкнул он. — Высшие и низшие боги! Как ты вообще умудрилась в нем помыться? — На последней фразе выдержка отказала бравому грызуну: он рассмеялся.

Я насупилась и буркнула:

— Как, как... молча! Перегнулась через борт и поливала на голову из ковша.

Каперс уже не смеялся. Он ржал, как полковой конь!

— Я... хочу... это увидеть! — выдавал капибар по слову в секундных перерывах между приступами хохота. — Арина, ты бесподобна!

«Смейся, смейся, — обиженно думала я. — Посмотрела бы я на тебя в нашем мире. Как бы ты, например, справился с гидромассажной ванной!»

— Ох, прости, — пытаюсь успокоиться, выдохнул Каперс. — Я просто не могу перестать представлять тебя, висящую на майсере!

Я хмыкнула и, глядя на веселого капибара, тоже улыбнулась.

— Но все-таки, что могло обидеть Пышку?

— Пышку? — Он нашел взглядом названную девушку и довольно прищурился. — А она, кстати, очень даже ничего по местным меркам. У лигайтов ценятся округлые формы.

— Она — лигайт?! — Я перегнулась через стол, разглядывая румяную подавальщицу.

Выглядела она как обычный человек, разве что ростом выше. Но и на Земле можно встретить девушек под метр девяносто. А в остальном: круглое лицо, загорелая кожа, густые черные волосы, заплетенные в косы, — ничего примечательного.

— У нее хвост, — подсказал Каперс, с довольным выражением морды наблюдая за моей реакцией.

— Где?!

Я практически распласталась по столу, желая приблизиться к открывшейся с новой стороны Пышке.

— Думаю, в том же месте, где и у всех, — внизу спины. — Хранитель хмыкнул. — Только,

пожалуйста, не надо лезть к ней под юбку, желая проверить. Лигайты не выставляют хвост на всеобщее обозрение. Для них это очень интимно.

Я разочарованно застонала.

— Интересно, как он выглядит? — спросила вслух, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Обычно, — отозвался Каперс. — Короткий, покрытый кожей и лишь у самого кончика — чешуей.

— Ого! — восторженно выдохнула я, а в следующую секунду прищурилась. — А ты, значит, под юбки к лигайтам лазил?

Он снова рассмеялся.

— Нет, Арин. Под юбками у них я не был. На юге Арайдоса есть поселение лигайтов, в котором принципиально не скрывают своих тел.

— То есть просто голышом, что ли, скачут?

— Практически, — улыбнулся Каперс. — Они носят лишь украшения: серьги, ожерелья, браслеты, пояса. Последние, кстати, довольно широкие и самое сокровенное все же прячут. А вот хвосты видны.

Я быстро провела аналогию с племенами Амазонки и кивнула.

— Эти же лигайты, как ты заметила, вполне цивилизованны и очень гостеприимны. Для них обидеть гостя — ужасная грубость, которая вызовет осуждение у общества. Поэтому, с точки зрения Пышки, — Каперс хмыкнул на данное мной имя, — ты не позволила в должной мере окружить тебя, как гостя, заботой.

— Оу, — я нахмурилась. — А я могу как-нибудь извиниться или исправить ситуацию?

— Ты уже извинилась, так что не переживай. Если хочешь, можешь похвалить завтрак и кровать. Ей будет приятно.

Я радостно кивнула, откинулась на спинку стула и принялась ждать еду.

Пышка появилась минут через семь. Принесла поднос с завтраком и матерчатый прямоугольник. Пока она составляла тарелки на стол, я по совету хранителя восхитилась удобством кроватей и выразила глубочайшую признательность за проявленное гостеприимство. Каперс одобрительно кивнул, а Пышка зарделась. У меня на душе тоже стало светлее.

Когда мы с хранителем вновь остались вдвоем, я перевела взгляд на стол.

Ого! Да с таким питанием через полгода-год даже гигантский майсер станет маловат! Это ж сколько тут еды? Какая-то каша жуткого илисто-зеленого цвета, лепешки, оладьи, странные синие бобы и знакомые с ужина оранжевые клубни местного картофеля. Жаренное в семенах мясо, свежие не то фрукты, не то овощи и что-то, по виду напоминающее фиолетовый пудинг. В большой, с виду литровой кружке плескалась темно-коричневая жидкость. Пахла она странно.

— Что это? — спросила я, морщась от запаха.

— Чаира, — последовал лаконичный ответ. — Попробуй. Думаю, тебе понравится.

— Как-то я сильно в этом сомневаюсь.

Каперс не стал комментировать мое заявление. Он молча наблюдал и, судя по всему, ждал.

Что ж, если ему так важно, чтобы я это попробовала...

Я вздохнула, придвинула кружку, снова поморщилась и быстро сделала маленький глоток. Замерла, оценивая. А потом сделала новый глоток — на сей раз большой и жадный.

Да это же почти кофе! Крепкий, пряный, с горчинкой и нотой корицы!

Каперс довольно дернул ухом и пододвинул ко мне зеленую кашу. Уже не сомневаясь, я смело притянула жутко выглядящее месиво и зачерпнула полную ложку. По вкусу каша напомнила

тыквенную. Не самая моя любимая, но вполне съедобная.

— Сделай себе одолжение, — к Каперсу вернулся привычный надменный тон, — съешь как можно больше. Не хочу потом постоянно останавливаться на твоих перекусы.

Отвечать с полным ртом некрасиво. Так что я просто прожгла хранителя недовольным взглядом и вернулась к каше.

Вот после таких приемов пищи с легкостью поверишь, что лигайты любят пышек! Они их сами же и откармливают!

Когда я, разделавшись с кашей, принялась за оладьи, в голове сложился пазл и стало ясно, что не давало мне покоя последние десять минут.

— Почему ты не ешь? — прожевав, спросила я. — Останавливаться ради твоих перекусов мне, знаешь ли, тоже неохота, — произнесла, скопировав интонации Каперса.

К моему удивлению, он ничуть не возмутился.

— Мне реже требуется еда, чем людям. Особенно землянам, — поддел он. И, будто бы этого мало, добавил: — Земляне вообще очень прожорливы.

Наверное, стоило обидеться. Или разозлиться. Или как минимум потерять аппетит. Но я понимаю: Каперс бьет по инерции, от нелюбви к моей расе. Только это его проблемы, не мои. И лишать себя завтрака из-за подобных глупостей я не собираюсь.

Пожав плечами, сделала очередной глоток чаиры и взяла кусочек зеленого... чего-то. Не сладкий, не соленый, но сочный. Огурец? Пусть будет айгеровский огурец — мне без разницы.

Спустя три кусочка огурца стало ясно, что больше в меня просто не влезет. Собственно, об этом я и сообщила хранителю. Запахнув в рюкзак матерчатый прямоугольник, в котором, как пояснил Каперс, лежит еда в дорогу, я встала из-за стола.

Проходя мимо Пышки, хранитель назвал ей буквенно-цифровую комбинацию. Девушка понятиливо кивнула, поблагодарила нас за то, что решили «погостить» именно у них, и попрощалась.

— Что это за пароль? — не выдержала я через некоторое время.

— Все твои нужды оплачивает Совет богов тотализатора. А номер — это привязка к тебе как к участнику.

— То есть я что, могу обчистить местные магазины, купить крепость и спрятаться за ее высокими стенами?

Каперс завис. Потом удивленно посмотрел на меня.

— Не знаю. На тотализаторе еще не было таких... игроков, — произнес он после короткой заминки.

Поди, подбирал, как сказать «идиотов» поделикатнее. Я мысленно хмыкнула.

Вслух же предложила:

— Так давай я стану первой!

— Нет, Арин, — качнул головой Каперс, — так нельзя.

— Но почему? Ты же сам сказал, что никто не пробовал. Вдруг можно?

— Нет, — упрямо возразил он. — Ты должна добраться до храма.

Я хотела повторить недавний вопрос — почему? Но ответ вспыхнул в сознании, как неоновая вывеска на дешевых киосках.

Я — возможность Каперса что-то доказать таинственному Совету. И ради этой возможности он протащит меня не только через Арайдос, но и через Адагар и Амагрейн, если потребуется.

«Не привязывайся к нему, Ариш, — мягко, по-отечески посоветовал внутренний голос. — Помни: вы партнеры. Причем временные. Он использует тебя, а ты — его. Твой настоящий

тотализатор — не борьба за волшебный мир. Он здесь и сейчас, происходит каждую минуту. Рядом с хранителем. Все просто: тот, кто использует свой шанс, свою возможность первым, тот и выиграет».

Я тяжело вздохнула и согласилась. С обоими: и с голосом разума, и с Каперсом.

— Хорошо. Потопали к твоему храму.

— Мы уже это делаем, — хмыкнул он, шагая рядом.

Глава 13

В свете восходящего солнца город выглядел удивительно уютным, почти сказочным. Двух-, трехэтажные домики под полукруглыми крышами всех цветов и оттенков; невысокие заборчики, ограждающие лужайки с клумбами и ягодными кустами; выложенные камнями улицы. И люди — точнее, лигайты, — спешащие по делам.

Если бы я не знала, что под одеждой они прячут хвосты, — ни за что бы не догадалась, что передо мной нелюди. От землян их отличает лишь рост. Теперь, шагая по улицам Гайвимара — так называется городок, где мы оказались, — я поняла, что Пышка была низкорослым лигайтом. Большинству из встреченных горожан я достаю головой максимум до подмышки.

Наконец, пройдя несколько цветных кварталов, мы вышли из города. Сначала двигались вдоль проторенной дороги, потом забрали правее. Пейзаж оставался до ужаса однообразным: поля по одну сторону, редкий лесок — по другую. В очередной раз все движение свелось к механической перестановке ног: правая, левая, правая, левая...

Это у Семицветика в книжках герои катаются то в каретах, то верхом. И им всегда не до скуки: приключения, принцы, brave воины, маги! А тут... Молчаливый грызун и монотонное движение по прямой — вот и все развлечение!

После обеда мы вышли к Разлому. Огромный каньон рваной линией убежал за горизонт. По одной стороне, где шли мы, рос лес. По другой — глинистая почва и редкие деревья, непонятно каким чудом пустившие корни. Что внизу, я не видела: обрыв слишком глубокий, чтобы рассмотреть с такого расстояния, а подойти ближе Каперс не позволил.

Мы двигались вдоль Разлома уже часа полтора, когда хранитель внезапно замер.

— Что случилось? — Я нахмурилась.

— Тш-ш! — шикнул он, дернув ухом.

Чувствуя нарастающее беспокойство, я огляделась. Ничего. Кроме нас, тут никого нет. Но тогда почему...

— Кто-то приближается, — напряженно выдохнул Каперс и повернулся к лесу.

Я повторила движение хранителя.

— Опасный?

— Не знаю. Но уйти не успеем. Приготовься. Кто бы там ни был, движется он прямо на нас.

Издали донесся сухой треск: кто-то мчался напролом, сминая попадающиеся на пути ветки. Скинув мешок на землю, я бегло огляделась и в два широких шага оказалась рядом с увесистой палкой: длинная, прямая, она вполне сгодится как оружие. Быстро подняв ее, я вернулась к Каперсу. Вцепилась в ветку до побелевших костяшек и приготовилась. Хранитель подался вперед, щеря выступающие зубы.

Треск стал почти оглушающим.

В следующий момент из леса перепуганной птицей вылетела невысокая девушка с пепельно-серыми волосами. Увидев нас, она закричала.

— Помогите! Пожалуйста, помогите! — повторяла она срывающимся голосом.

Следом за ней из чащи выскочил мужчина — точнее, особь мужского пола, в штанах и рваной рубашке. Лысый, серокожий, с бугристыми костяными наростами на голове и огромными когтистыми лапами.

Я застыла, словно парализованная.

Это в книжках все brave и отважные, не знающие поражений, смело бросаются в самое пекло. В реальной жизни есть лишь я: обычная девушка, не обладающая суперсилой, не владеющая ни боевыми искусствами, ни магией. Просто я... И я очень хочу жить.

Не переставая молить о помощи, девушка добежала до нас и юркнула мне за спину.

— Кап? — взволнованно позвала я, не в силах отвести взгляд от приближающегося гиганта —

нас разделяло метров двадцать, не больше.

— Я разберусь, — коротко бросил Каперс. — Только подпущу поближе.

Беспокойство стянуло горло удавкой.

Мой маленький хранитель хочет в одиночку биться с серой громадиной? Да у него и шанса не...

Додумать я не успела.

Закричав, капибар кинулся вперед, поднырнул под когтистой лапищей и с размаху впечатался головой в незащищенный живот гиганта. Тот, пошатнувшись, утробно зарычал, схватил Каперса за загривок и отшвырнул в сторону. Даже со своего места я расслышала, как в момент удара о землю выбило воздух из легких хранителя.

Вскочив, он снова бросился на гиганта. Увернулся от правой руки, укусил противника за голень, отскочил и вновь атаковал. Прошмыгнув между ног, с силой лягнул задними лапами под колено. Гигант не удержал равновесие и припал на одну ногу, успев задеть Каперса когтями. Рыжий бок окрасился алым.

Сзади испуганно взвизгнула девушка.

Резкий звук вырвал меня из оцепенения. Замахнувшись тяжелой веткой, я кинулась на помощь хранителю.

Первый удар пришелся гиганту по ребрам.

— Арина, ушла! — рявкнул Каперс, уворачиваясь от серой лапищи.

Я не ответила. Вместо этого атаковала вновь, на этот раз целясь в шею. Промазала.

Гигант поднялся, отшвырнул капибара почти к краю Разлома и двинулся на меня. Я попятилась.

— Какая удача, — оскалился он, — сразу минус два конкурента. Сла-а-а-вно.

Зараза! Этот даже слушать не станет, что мне плевать на дурацкий тотализатор!

— Я выпотрошу сначала тебя, а потом ее, — продолжал он. — И псинку твою тоже выпотрошу.

— Это капибар, а не псинка! — огрызнулась я, пружинисто оттолкнулась от земли и прыгнула на гиганта.

В этот же момент сбоку атаковал Каперс. Мой удар был заблокирован, а вот хранительский достиг цели. Обрадовавшись, я на секунду отвлеклась и поймала ребрами тяжелый кулак. Меня отшвырнуло, с силой приложив о землю. Правую половину тела словно лизнуло огнем, перед глазами поплыло.

— Черт, — со свистом выдохнула я, вставая, — а в книгах все казалось проще.

Гигант вновь оскалился — видимо, предвкушая скорую победу. Еще бы! Он уступает капибару лишь в маневренности, в остальном же перевес на его стороне: в габаритах, росте, силе. Каперс просто физически не сможет одолеть эту махину. Рыжая шерсть в некоторых местах потемнела, напитавшись кровью, однако он не отступал.

«Если маленький грызун не сдастся, ты тоже не смей опускать руки, Мандаринка!» — даже не подбодрил — потребовал! — внутренний голос.

Изловчившись, Каперс вновь ударил гиганта по коленям. Тот пошатнулся. Так близко от края Разлома...

Еще сильнее стиснув зубы — до такой степени, что свело челюсть, — я швырнула ветку в противника. От резкого движения невидимый огонь, лижущий мои ребра, полыхнул с новой силой.

Гигант повернулся ко мне.

— Что, мало тебе? Так я добавлю! — зарычал он.

Воспользовавшись тем, что противник отвлекся, Каперс подпрыгнул и боднул его в бок. По инерции гигант отступил на шаг... Покачнулся на краю, взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, — и полетел вниз.

Я устало опустилась на землю.

— Спасибо!

— Ты зачем полезла?! — одновременно выкрикнули Каперс и незнакомка, подбегая ко мне.

Поняв, что речь хранителя планируется более длительной и эмоционально-насыщенной, девушка замолчала.

— Какие проклятые боги тебя дернули сунуться к фхаринцу? — негодовал Каперс. — Совсем спятила?

— Если это твое «спасибо», то не за что, — хмыкнула я.

— Я бы сам справился!

— Ты маленький, а он — здоровенный.

Услышав последнее заявление, Каперс изумленно вытаращился на меня, а девушка хихикнула.

— Чего? — не поняла я.

— Он же хранитель! — произнесла она таким тоном, словно это должно все прояснить.

Не прояснило.

— И?

— Для него разделаться с фхаринцем — не проблема!

— Хранители сильнее любого участника тотализатора, — объяснил Каперс.

— Но он задел тебя!

— Конечно, — серьезно кивнул он. — Вид и запах крови дурманит фхаринцев. Они входят в азарт схватки...

— Или охоты, — добавила незнакомка.

— Или охоты, — на удивление покладисто согласился Каперс. — И в этом азарте теряют концентрацию. Их легче достать.

— Так ты... специально?

— Разумеется! Боги, Арина, ну вот зачем ты влезла? — вернулся он к заезженной пластинке. — Теперь лечить тебя надо... Не двигайся.

Я послушно замерла, и Каперс, тряхнув мордой, выдал длинную фразу на непонятном мне языке. Грудь будто обхватило невидимым обручем, а затем... боль ушла. До конца не веря в случившееся, я осторожно коснулась ребер и улыбнулась. Действительно ничего не болит!

— Спасибо! — поблагодарила искренне.

— Пожалуйста, — буркнул хранитель и повернулся к незнакомке. — Тебе тоже пожалуйста. И всего доброго.

Она ненадолго растерялась. Потом прижала руки к груди и подалась вперед.

— Не прогоняйте! Разрешите мне пойти с вами! Обещаю, со мной не будет хлопот!

— С тобой уже хлопотно. Ты привела фхаринца.

— Я... Я не специально. — И без того большие серые глаза стали казаться огромными из-за проступивших слез. — Он выпрыгнул словно из ниоткуда и погнался за мной... Я испугалась. Простите-е-е, — на последнем слове незнакомка заревела в голос. — Пожа-а-алуйста, не гонит-

е-е.

Я переводила непонимающий взгляд с Каперса на девушку и обратно. Единственный вопрос, который на повторе крутился в моей голове, звучал примерно как: «Что вообще здесь происходит?»

— Она кайатира, очередная участница тотализатора, — пояснил Каперс. — И судя по всему, хранитель ее бросил. Верно?

Последнее слово адресовалось девушке. Вместо ответа она заревела в два раза громче, размазывая слезы по бледным щекам.

— Верно, — перевел Каперс. — Обидно, но бывает. Особенно с кайатирами.

— Обидно? Обидно?! — не веря собственным ушам, переспросила я. — Кап, ты шутишь? Как же ей без хранителя выжить?

— Не мои заботы.

— Что это вообще за хранитель такой, который бросает своего подопечного? Куда смотрят ваши дурацкие боги?

Девушка вдруг прекратила плакать и уставилась на меня в священном ужасе.

— Дурацкие? — икнула она. — Высшие и низшие боги — великие и милостивые! В благодати своей они дарят нам шанс на исполнение заветной мечты! Никто кроме них не в силах этого сделать!

О-о-о, как все запущено.

— Ваши мечты им до фени. Единственное, о чем они пекутся, — развлечение себя любимых.

Священный ужас в глазах незнакомки стал еще священнее. М-да, тяжелый случай.

Я повернулась к Каперсу.

— А почему хранитель ее бросил?

— Не захотел возиться с кайатирой, — просто ответил он. — Подобное поведение не приветствуется, но на него закрывают глаза. Особенно в случае с кайатирами.

Я нахмурилась, не понимая, чем могла провиниться милая девочка-ромашка. Каперс вздохнул, недовольно дернул усами, мазнул надменным взглядом по незнакомке и потребовал:

— Покажи ей.

— Но...

— Или всего доброго.

Девушка пискнула, испуганно замерла, а потом... превратилась в зверька. Небольшого и ужасно милого! Больше всего похожего на светло-серую выдру, только с треугольными ушками вместо круглых и с длинными пушистым хвостом.

— Даже не вздумай ее тискать, — сурово произнес Каперс, стоило мне потянуться к выдре.

Миг — и передо мной вновь девушка с густыми серыми волосами до плеч. Девушка-оборотень.

— Ну и бессердечная же скотина досталась тебе в хранители! — в сердцах выдохнула я. — Как можно было бросить на произвол судьбы такую милую... кайатиру, — на незнакомом слове я запнулась.

— Тебе понравилось? Если хочешь, можешь меня тискать, гладить — делать что вздумается! Только возьми с собой!

— Нет, — вперед меня ответил Каперс.

— Но почему? — Я непонимающе взглянула на него.

— Арина, моя подопечная — ты. Ты одна. Подписаться на еще одну, да еще и кайатиру, я не

стану!

— Чем вам кайатиры не угодили?

— Они слабые, — просто ответил он. — И всегда погибают в первую неделю тотализатора. Ни одна не продержалась дольше.

— По-твоему, это повод их бросать? Или что, думаешь, им жить не хочется? Может, пора завязывать с вашим хранительским расизмом и перестать вести себя как... как...

— Ну же, — холодно прищурившись подтолкнул Каперс, — закончи фразу. Как кто мы себя ведем?

— Как сволочи!

Кайатира пискнула и зажала рот ладошками. Видимо, моя прямолинейность шокировала маленькую выдру.

Несколько томительно долгих секунд Каперс сверлил меня злым взглядом, потом выдохнул:

— Ладно. Хочешь тащить ее за собой — пожалуйста. Но имей в виду: она в отличие от тебя здесь по своему желанию и от приза отказываться точно не станет. Готова подпустить к себе того, кто, возможно, ударит в спину?

«Оу, — задумчиво протянул внутренний голос. — А вот этот момент мы упустили из виду. Сострадание — это, конечно, хорошо. Но вернуться домой в целостности и сохранности — намного лучше».

— Я не предаю! — Кайатира порывисто схватила меня за руки и заглянула в глаза. — Обещаю!

— Ты не хочешь выиграть? Не хочешь попасть в мир собственных грез? Там, где тебе место? — добавила вкрадчиво, позаимствовав последнюю фразу из арсенала Семицветика.

— Я... — девушка сглотнула. — Я хочу попасть в другой мир. Но выжить я хочу больше.

Каперс недоверчиво хмыкнул.

— Тогда не иди к храму, — озвучила я простейший из вариантов, который прельщает меня с самого начала. — Просто спрячься где-нибудь и пережди тотализатор в безопасности.

«У тебя же нет надоедливого хранителя, заставляющего топтать к цели», — добавила мысленно.

— Где мне спрятаться? Я ничего здесь не знаю; не имею понятия, куда идти и что делать...

Я вздохнула, пожевала губу и повернулась к Каперсу.

— Кап, скажи, впереди будут какие-нибудь поселения?

— Да, — кивнул он. — Ритберг в двух днях пути отсюда. Думаю, я смогу договориться, чтобы там за ней присмотрели.

— Тогда можешь оставаться с нами до Ритберга, — разрешила я, высвобождая ладони из цепких пальцев. — Как тебя зовут?

— Диара.

— Я Арина, это Каперс, — коротко представила нас и хмуро добавила: — Но учти, Диара, попробуешь нарушить наше соглашение — мы бросим тебя, и выживай как знаешь. Все понятно?

Кайатира энергично закивала.

— Выдвигаемся, — скомандовал Каперс.

— А твой бок? — Я указала на темную от крови шерсть.

— Все уже давно затянулось, — фыркнул он. — Однако помыться получится лишь ближе к вечеру. Так что придется тебе потерпеть мой неприглядный вид еще полдня.

Я не стала пояснять, что беспокоит меня вовсе не его вид, а состояние: судя по всему, Каперс не терпит жалости к себе.

— Хочешь, я понесу твой мешок? — с готовностью предложила Диара, стоило мне взяться за тряпичные лямки.

— Я бы не советовал, — не оборачиваясь, бросил хранитель. — Еще убежит со всем барахлом и едой. Потом бегай, лови ее.

— Нет! Я бы ни за что... Да я никогда...

— Расслабься. — Я опустила ладонь на худенькое плечо новой спутницы. — Каперс просто ворчун. Не принимай на свой счет.

Диара послушно кивнула и пристроилась сбоку от меня. Я же, улучив спокойную минутку (без агрессивных фхаринцев и жарких споров), принялась разглядывать кайатиру. Невысокая, хрупкая, белокожая, с густыми пепельно-серыми волосами и глазами цвета графита. В полном обмундировании участника тотализатора, включая жилетку и кожаные сапоги.

Вид кайатиры вызывал лишь две ассоциации: беззащитная и ранимая. Я не вижу в ней угрозы. С одной стороны, это хорошо. С другой — может создать много проблем в будущем.

Поймав внимательный взгляд Каперса, я кивнула.

«Все в порядке. Я знаю, что делаю, и осознаю риск», — сказала без слов, но хранитель понял: кивнул в ответ и, как мне показалось, облегченно выдохнул.

Глава 14

Первое время мы шли молча. Каперс недовольно пофыркивал, Диара шугалась каждого резкого звука и испуганно вцеплялась мне в руку. Я же в очередной раз пыталась понять, как безобидные посиделки с пиццей и пивом могли закончиться божественным тотализатором в компании иномирного зоопарка. Капибара-сноб и трусливая оборотень-выдра — набор тот еще!

Я вздохнула и, наверное, в сотый раз за последние пару часов высвободила предплечье из пальцев Диары. Если она и дальше продолжит с такой силой хвататься за меня по поводу и без, в Ритберг я прибуду с синяками!

— Ди, — позвала я и поморщилась: испугавшись внезапного звука, кайатира вновь вцепилась в меня клещом, — расскажешь, как ты здесь оказалась?

«Уж точно не на лифте приехала!» — насмешливо фыркнул внутренний голос.

— Мой мир называется Майакрит, и он прекрасен, — с восторгом заговорила она. — Вокруг лишь густые леса да полноводные реки. Жизнь там спокойна и умиротворенна. А рассветы настолько непередаваемо прекрасны, что захватывает дух!..

Я нахмурилась.

— Если на Майакрите все так замечательно, зачем мечтать о других мирах?

— Это мое предназначение.

— То есть? Если несложно, можешь объяснить подробнее?

— Конечно, — Диара кивнула. — Каждый год среди новорожденных кайатир выбирают Мечтателей. По достижении трех лет их передают в Башню Грез и там растут на историях об удивительных мирах, созданных великими высшими и низшими богами.

— Но зачем?

Она хлопнула ресницами, удивляясь моей недогадливости, и пояснила:

— Чтобы Айгерос мог притянуть одного из нас.

Вот тут у меня случился, как говорят в народе, когнитивный диссонанс. Граждане из Башни Грез в курсе, что кайатиры здесь не выживают?

— Их растят на убой, — буднично заметил Каперс, искоса наблюдая за мной.

Я же окончательно перестала понимать происходящее. И вконец меня выбила из колеи спокойная реакция Диары.

— Ты... в курсе? — ошарашенно спросила я.

— Я допускала такую возможность, — она смущенно опустила взгляд. — Нам, конечно, рассказывали о победителях среди наших и о том, что они в другом мире...

«Ага, в лучшем из миров», — холодно заметил внутренний голос.

— ... но я догадывалась, что если хотя бы часть из того, что написано в книгах, правда, то кайатирам никогда не выстоять против иномирцев.

— Тогда почему ты оказалась тут? Почему не послала эти мечты к чертовой бабушке?!

Пусть Диара и не в курсе относительно семейных уз славянских злых духов, общую идею она уловила.

— Трудно отказаться от того, во что веришь с пеленок, — ответила Диара, грустно улыбнувшись. — Возможно, некоторые мечты действительно стоят того, чтобы умереть за них. К тому же всегда остается надежда, что именно у меня все получится... Что в моем случае все будет иначе... Понимаешь?

Я понимала. Возможно, гораздо больше, чем могла предположить кайатира. Однако вслух сказала совсем иное:

— По мне, лучше быть проигравшей, но живой.

Мы шли вдоль Разлома до самого вечера. Лишь когда стемнело настолько, что идти, не спотыкаясь, стало невозможно, Каперс остановился.

— Заночуем здесь, — распорядился он, ставя защитный купол. — Мы с Ариной тут, ты — там.

Повернувшись к Диаре, хранитель кивком головы указал на дальний край очерченной золотым контуром поляны. Кайатира поникла, будто оставленный без воды цветок, и медленно побрела в указанное место.

— Почему ей нельзя с нами? — спросила я вполголоса.

— Потому что я так решил.

— А если ночью будет холодно?

— Обернется. В шкуре тепло, поверь мне, — хмыкнул Каперс, а потом хмуро добавил: — Не стоит быть с ней излишне милой. Вы все равно скоро расстанетесь.

— Но...

— Арина, я уже все решил. Обсуждения и жалобы не принимаются. Так что закрыли тему.

Я вздохнула и, присев, принялась возиться с тесемками дорожного мешка. Потом зарылась в него и выудила три лепешки. Отложив две в сторону, последнюю отнесла кайатире.

— Спасибо, — робко поблагодарила она, заглядывая мне в глаза.

Я сдержанно кивнула и поспешила вернуться к Каперсу.

— Черт, — ругнулась сквозь зубы, сев рядом, — такое ощущение, что я над ребенком издеваюсь!

Хранитель хмыкнул.

— Кайатиры прилипчивые. Я предупреждал: не стоило брать ее с собой. Тотализатор — не то место, где стоит проявлять великодушие.

— Может быть, — я пожала плечами. — Но я просто не смогла ее бросить.

Взяв лепешку, оторвала от нее небольшой кусок и принялась методично жевать, глядя вверх. Небо нависало над нашими головами темным полотном, на котором россыпью бисера блестели первые звезды. Интересно, как они называются?

— Скажи, — прервал недолгое молчание хранитель, — неужели ты действительно никогда не мечтала о волшебных мирах, полных магии и чудес?

— Никогда, — соврала я.

— Но мечты ведь дают людям крылья...

— Ага, только потом они ломаются о реальность. Не суровую и жестокую, как любят говорить многие, — а вполне обычную. Земную. По мне, лучше не иметь крыльев, чем иметь и потерять их.

— Что у тебя случилось? — тихо спросил Каперс, не сводя с меня внимательного взгляда. — Никто не разочаровывается в мечтах просто так.

В голове замелькали непрошенные воспоминания того дня, который разделил мою жизнь на «до» и «после». В груди заныла старая, не затянувшаяся рана, а на плечи надавило беспросветное отчаяние. Будто заново я услышала веселую мелодию звонка, которая теперь вызывает ледяные мурашки; а за ней — сухой голос полицейского. Вновь ощутила в животе щекочущее ощущение, сродни падению, когда земля резко уходит из-под ног, и тугую удавку на шее, мешающую вздохнуть.

Можно мечтать сколько угодно и о чем угодно. Но мечты бесплодны — они не способны дать желаемое. По крайней мере, мне.

— Ничего не случилось, — проглотив горькие воспоминания, спокойно отозвалась я. — Не

всем, знаешь ли, нужны розовые пони и единороги. Кто-то предпочитает реальность.

Каперс еще какое-то время гипнотизировал меня внимательным взглядом, потом качнул головой.

— Как скажешь. Давай уже доедай и ложись спать. Завтра рано вставать. Хочу прибыть в Ритберг как можно скорее и наконец-таки отделаться от этой кайатиры.

Утро наступило рано. Безбожно. Судя по всему, на Айгеросе, как и на Земле, ритм жизни заточен под жаворонков. Права и нужды сов бессовестно попираются.

Каперс разбудил нас в предрассветных сумерках, с барской лапы выделил пять минут на завтрак и заставил топтать дальше. Я шла, зевая во весь рот, и пыталась проснуться. Рядом раздражающе бодро вышагивал капибар, а сбоку от него, постоянно спотыкаясь и еле переставляя ноги, брела сонная кайатира.

— Совсем не выспалась? — Я искоса глянула на временную спутницу.

— На Майакрите мы ведем ночной образ жизни, — зевнув, пояснила она. — Если необходимо, можем, конечно, бодрствовать и днем, но предпочитаем темное время суток. А здесь все иначе. — Диара совсем по-детски потеряла глаза. — К тому же с момента прибытия на Айгерос мне не удавалось нормально выспаться...

Я ненадолго задумалась, пожевала нижнюю губу и спросила:

— Слушай, а ты тяжелая в зверином облике?

— Арина, — предостерегающе рыкнул Каперс.

— Нет! — одновременно с ним отозвалась кайатира.

Я еще раз посмотрела в светящиеся надеждой серые глаза, перевела взгляд на хмурого хранителя и снова повернулась к Диаре.

— Обращайся. Я понесу тебя, а ты сможешь поспать еще немного.

— Спасибо!

— Арина-а-а, — протянул Каперс, глядя на меня как на последнюю идиотку.

Я лишь улыбнулась в ответ. «Жаворонок» хранитель просто не в состоянии понять весь трагизм ранних побудок для «сов».

Диара с готовностью обернулась и забралась ко мне на руки. А у меня ушла вся выдержка, чтобы не завизжать от восторга: на ощупь кайатира оказалась мягкой и пушистой, словно варежка из ангорской шерсти!

Таким странным трио — капибар, человек и выдра, свернувшаяся калачиком, — мы вышли к озеру Заката. В лучах утреннего солнца вода казалась бледно-розовой, точно молочный коктейль с клубникой — не хватало только шапки взбитых сливок. Вечером же, как пояснил Каперс, поверхность окрашивается в малиново-алый — цвета заката. Собственно, именно за эту особенность озеро и получило свое название:

— Десять минут, чтобы умыться и передохнуть. Потом идем дальше. Вопросы? — по-военному сухо выдал Каперс.

Мы с Диарой синхронно мотнули головами.

Спустив выдру с рук и скинув мешок на землю, я направилась к озеру, надеясь, что холодная вода поможет проснуться. Дойдя до самой кромки, остановилась, в очередной раз зевнула и пошла вдоль берега.

— Арина, ты куда? — тут же встрепнулся Каперс, который успел зайти в воду по брюшко, по-видимому, собираясь смыть засохшую на шерсти кровь.

— Никуда. Я рядом. Но умыться хочу без свидетелей.

«И хоть минутку отдохнуть от навязанного зверинца», — добавила мысленно.

Обогнув высокие пушистые кусты, снова остановилась. Присела, зачерпнула полные ладони

воды и едва не заорала, когда перед носом возникло лицо Фиарин.

— Тихо, это я, — шикнула она, зажимая мне рот. — Все, успокоилась?

Я перестала вырываться и кивнула, продолжая ошарашенно пялиться на недавнюю знакомую. Мне казалось, мы все выяснили и наши дороги больше не пересекутся.

— Почему с тобой *эта*? — мотнув головой в сторону той части берега, где осталась Диара, требовательно спросила русалка. — Ты вроде бы утверждала, что не жаждешь победы.

— Расслабься, все честно. Мне правда до лампочки ваш дурацкий приз. Кайатира с нами лишь до Ритберга.

— А потом? Прихлопнешь мелочь?

Я нахмурилась, заметив мелькнувшую тень кровожадности во взгляде Фиарин.

— Нет. Она останется там, пережидать тотализатор в безопасности.

— Что же мешает тебе составить ей компанию?

— Каперс.

— Что, — она хмыкнула, — попытаешься убедить, что это хранитель заставляет тебя топтать в храм?

— Не веришь, спроси его сама, — спокойно ответила и зачерпнула полные ладони воды — этак за разговорами я и умыться забуду!

— Хочешь, я его утоплю? — вкрадчиво предложила Фиарин.

Я замерла. Взяла себя в руки, провела ладонью по лицу, снимая капли, и в упор посмотрела на русалку.

— Необязательно сейчас, можно в Ритберге. Через него течет река, я чувствую, — продолжила она.

«Можно подождать, пока Каперс договорится о безопасности для Диары, избавиться от него и попроситься к кайатире в компаньонки. Она не откажет», — соблазнял внутренний голос, зазвучав вдруг с интонациями Фиарин.

Я недовольно поджала губы: мне не понравилось то, как быстро это предложение нашло отклик у моей рациональной половины.

Вслух же заметила очевидное:

— Ты не справишься с хранителем. Он сильнее тебя, как и любого участника тотализатора.

— Но не сильнее нас с Рандерготом, — улыбнулась Фиарин. — Не спеши с ответом. Подумай. Если решишь принять мое предложение, просто приведи своего маленького грызуна к реке.

Я хмуро кивнула.

— И следи за подкидышем, — она перевернулась на спину, подставив утреннему солнцу плоский живот, покрытый редкими чешуйками. — От нее пахнет трусостью и решительностью — никогда не знаешь, во что выльется столь противоречивая смесь.

Я снова кивнула и поднялась.

— Удачи тебе, Арина, — подмигнула Фиарин, глядя на меня снизу вверх. — И, надеюсь, до скорой встречи у реки.

Не прощаясь, я вернулась к спутникам.

— Ты в порядке? — ко мне подлетела Диара в человеческом облике. — Тебя долго не было, мы уже начали волноваться. И выглядишь ты... не в духе, — под конец ее голос прозвучал совсем тихо.

— Утром я всегда не в духе, — буркнула я и вернулась к мешку.

Проверила еще раз его содержимое, затянула потуже ляжки и, закинув ношу за спину, встала. Поймала на себе внимательный взгляд хранителя, упрямо вздернула подбородок и первой зашагала дальше.

«Я ему ничего не должна! — убеждала себя мысленно. — И оставаться лишь удачной *возможностью* — не по мне. Моя цель — пережить тотализатор и вернуться домой. Переждать все действие в безопасном месте — лучший план. И у меня нет причин чувствовать себя виноватой: на Айгеросе друзей не бывает».

Глава 15

На обед мы не останавливались — перекусили на ходу холодным мясом, запеченным в тонком слоеном тесте. Диара, привыкнув к моему обществу и научившись не замечать Каперса, болтала без умолку. Она рассказывала о своем мире, о Башне Грез, о других кайатирах и, разумеется, о величии высших и низших богов. На пятый заход восхваления напыщенных индюков, как мысленно звала их я, Каперс не выдержал.

— Ты не могла бы померить пыл? — едва различимо, не разжимая зубов, выдохнул он. — Надоело слушать, какие высшие замечательные. Может, раздать им за это конфетки? Из восхваляющих их кайатир. Что скажешь?

Диара испуганно охнула и вцепилась мне в руку. Хорошо хоть в другую! Правая уже расцвела первыми синяками.

— Кап, отвянь от нее, — устало бросила я, стряхивая тонкие пальцы с предплечья.

— Хочешь строить из себя хорошую, притворяясь, что ее слепая фанатичность еще не сидит в печенках?

— Сидит, — не стала отнекиваться я. — Точно так же, как и твоя заносчивость.

Каперс зло дернул ухом и прибавил ходу. Я безразлично пожала плечами и легко подстроилась под новый темп. Диара тоже не отставала.

— Прости, что надоела разговорами, — пискнула она через некоторое время. — Просто впервые с моего прибытия на Айгерос кто-то заметил меня...

— А как же фхаринец? — холодно хмыкнул капибар, не поворачивая головы.

— Во мне впервые увидели Диару, а не кайатиру, — добавила она тихо.

«Аринка, не смей вестись!» — потребовал внутренний голос, и я была с ним абсолютно согласна... но проклятые чувства играли свою партию.

Сложно притворяться бездушной сволочью рядом с таким по-детски беззащитным существом.

— Расскажи мне о богах, — попросила я, стараясь нарушить затянувшееся молчание. — Ты много восхваляешь их, но ни разу не упоминала, какие они.

Справа мученически застонал Каперс.

— А ты не знаешь? — Серые глаза расширились от удивления, но Диара тут же одернула себя: — Конечно, не знаешь. Прости, забыла. Ладно... с чего бы начать? — Она задумчиво накрутила на палец светло-серую прядь. — Наверное, с общих сведений? — Посмотрела на меня и, дождавшись кивка, продолжила: — Боги делятся на высших и низших. Высшие, или старшие, как их еще называют, олицетворяют силу природы и сущего: солнца, ветра, дождя, леса, земли...

— Гор, — добавила я, скривившись.

Каперс хмыкнул, а Диара удивленно хлопнула длинными ресницами.

— Так ты знаешь?

— Только одного.

«Зато какого!» — хихикнул внутренний голос.

Кайатира растерянно пожала плечами, не зная, как комментировать мое замечание. И стоит ли. Потом продолжила:

— Высших богов восемнадцать, а низших — двадцать восемь. Низшие, или младшие, отвечают за состояние: богатство, удачу, склонность к победам или авантюрам. Говорят, что младшие менее... ответственны, — деликатно произнесла она. — И за это их не очень любят в Совете богов.

— Совете богов? — ухватилась я за знакомое словосочетание.

— Верховный орган богов тотализатора, — с готовностью пояснила Диара. — Он следит за порядком на Айгеросе, за хранителями и участниками. Любое решение принимает абсолютным большинством, из-за чего некоторые из старших выступают против участия младших в Совете. Нам говорили, — она в волнении заломила тонкие пальцы и продолжила полусшепотом, — что младшие импульсивны; что они принимают решения в угоду сиюминутным желанием или капризам; что они ненадежны и надеяться на их покровительство... глупо.

Под конец фразы ее голос звучал не громче шелеста листвы. Видимо, подобные высказывания относительно поведения богов — слишком дерзкие для маленькой кайатиры.

«Получается, низшие — подростки, наделенные властью, — подытожила я мысленно. — И эти подростки делают ставки: дойду я до финиша или нет. Очаровательно!»

— Пф-ф! — Каперс громко фыркнул, привлекая к себе внимание. — Можно подумать, старшие поступают иначе! И те и другие слишком вовлечены в тотализатор эмоционально, чтобы оставаться беспристрастными. Только высшие делают вид, что их решения — плод долгой работы мысли и расчетов. А на самом деле они точно так же следуют лишь собственным прихотям.

— Ты знаком с богами? — восхищенно выдохнула Диара, глядя на капибара с внезапно проснувшимся обожанием.

В нашем мире так себя ведут фанатки рок-звезд, если пообещать им проход за кулисы: только что на месте не подпрыгивают от нетерпения.

— К сожалению. — Каперс поморщился. — Сборище снобов и лицемеров!

— А разве... — Диара втянула голову в плечи и осторожно закончила: — хранители не находятся в прямом подчинении у богов?

— Находятся. — То, как раздраженно Каперс дернул ухом, красноречивее любых слов дало понять, что сам он от такого расклада не в восторге. — Но любить и почитать их мы не обязаны. Надеюсь, на этом вопросы кончились? — И хотя обращался хранитель к нам обеим, смотрел он исключительно на меня. Я кивнула. — Тогда сделайте одолжение: прекратите болтать и прибавьте ходу. Завтра до обеда мы должны прибыть в Ритберг.

Диара пристыженно опустила взгляд и засемила с двойным усердием. Каперс бодро перебирал лапками-столбиками и иногда недовольно пофыркивал на Диару, стоило той начать жаться в его сторону. Я же держалась на пять шагов позади. В голове снова всплыл разговор с Фиарин и ее предложение.

У меня осталось меньше суток, чтобы принять решение. Вероятно, самое трудное и самое важное за последние годы. Я не имею права ошибиться.

За час до вечерних сумерек мы повернули от Разлома налево.

— Докуда он идет? — Я оглянулась на огромный каньон, оставленный за спиной.

— До самого Мареадского океана, — отозвался Каперс и с мечтательной улыбкой прикрыл глаза. — Жаль, ты не видела Разлом с воды. Удивительное зрелище. Словно гигантские врата, обычно закрытые, дают шанс заглянуть за грань дозволенного. Будто готовы поделиться некой тайной. Сложно передать эмоции, которые ощущаешь, глядя на величие Разлома. А знаешь, что самое забавное? — Приоткрыв один глаз, он искоса взглянул на меня. — Прекраснейшее место на Айгеросе возникло случайно — из-за ссоры.

— Ссоры? — подала голос Диара, робко выглядывая из-за моего плеча.

— Ага, было дело. — Хранитель хмыкнул. — Хавридеор — бог земли и Дайрикким — бог воды поцапались не на шутку. Мы тогда думали, они сорвутся и, как дикие намиры, вцепятся друг другу в глотку. Вот было бы зрелище!

— А повод? — Я перевесила опостылевший за последние дни мешок на другое плечо.

— Ты думаешь, богам нужен повод? Они же творческие личности! — Каперс качнул головой. — Непостоянные в своем мнении, обидчивые и легкоранимые. Я не помню, кто на чью территорию полез, потому что «внезапно передумал», но суть проста: Хавридеор хотел

устроить на месте Разлома пустыню, а Дайрикким — полноводную реку. Несколько противоречивые желания, не находишь? — он насмешливо дернул усами. — Когда ситуация накалилась до предела, вмешался Гариальд — твой любимый бог гор — и устроил землетрясение. Но переборщил с силой, и в результате образовался Разлом.

— Как я погляжу, Гариальд спец по землетрясениям, — не удержалась я от шпильки, вспоминая наш забег по Райгеновским горам.

Каперс понимающе улыбнулся, а Диара нахмурилась.

Еще минут тридцать мы топали в тишине, потом хранитель заговорил вновь:

— Ночевать остановимся возле Жимвинских болот. Защитный купол я, конечно, поставлю, но все равно прошу, будьте осторожны. Особенно ты, Арина.

— А чего сразу Арина?!

— Ты моя подопечная, — просто ответил Каперс. — К тому же если тебя сожрут недавно вылупившиеся дариоки, мне будет обидно.

— Э-э?!

«Вылупившиеся кто?!» — Мысли оказались чуть более содержательными, чем речь.

— Просто держись рядом и никуда не суйся. За остальным я прослежу.

Дожила, Мандаринка: раньше ты ела яйца, а теперь яйца, точнее их жильцы, могут съесть тебя. Однако!

— А нам обязательно останавливаться возле этих болот? Или это неотъемлемая часть экскурсии?

Каперс широко ухмыльнулся:

— Это кратчайший путь.

— Тогда я голосую за более длинный, но безопасный!

— А еще ты, помнится, голосовала за намира, — продолжал веселиться он. — Но, как видишь, на Айгеросе напряженка с исполнением желаний.

— Только если они не «божественные», — поддела я.

— Разумеется, — с напускной серьезностью отозвался Каперс. — Вот если тебя вдруг примут в пантеон тотализатора, то будет тебе и тигр, и маршрут какой пожелаешь...

— И капибара посговорчивее.

— Ну у тебя и запросы! — притворно ужаснулся он. — Да такие чудеса даже ради богов не случаются!

Не сдержавшись, я захохотала.

Глава 16

К Жимвинским болотам мы вышли уже в темноте. Быстро натаскали веток — влажных и мшистых, ибо других не было, — и послушно замерли, дожидаясь, пока Каперс поставит защитный купол. Потом общими усилиями подтянули бревно, покрытое мягкой зеленью, к будущему костру. Каперс с помощью магии высушил и поджег ветки, и теперь их громкий треск слышался на несколько шагов вокруг.

Зарывшись в нутро мешка, я выудила оттуда вяленое мясо, кусок сыра и несколько ломтей уже подсохшего хлеба. Поделила нехитрый ужин поровну и раздала спутникам. Диара тут же соорудила себе некое подобие бутерброда и с наслаждением впилась в него зубами. Каперс проигнорировал оставленную возле его бока еду.

Я пожалала плечами и вернулась к бревну. Нашла подходящую веточку, очистила ее от сучков и тонкой коры и нанизала свою порцию ужина на импровизированный шампур. Однако стоило мне протянуть «шашлык» над огнем, как сбоку раздался низкий протяжный вой.

Диара взвизгнула, а я напряглась.

— Что это было? — спросила обеспокоенно.

— Не что, а кто, — мягко поправил хранитель и спокойно, словно ничего жуткого под боком не выло, пояснил: — Недавно вылупившиеся дариоки. Злятся: чуют наше присутствие, а подобраться не могут.

— Очень информативно. — Я передернула плечами.

Дариоки вновь завывли, на этот раз сзади. Потом опять сбоку.

— Разгрузочный день, граждане! — раздраженно крикнула я в темноту болот.

Каперс качнул головой.

— Не дразни их.

— Твой барьер выдержит?

— Конечно.

— Тогда... — Я снова повернулась в темноту. — Обломитесь и хуйте! — закричала еще громче.

Дариоки снова завывли. На этот раз обиженно и жалостливо.

— Кажется, они не рады вынужденной диете.

— Еще бы, — Каперс хмыкнул. — Не будь здесь купола, они бы, не разбираясь где кто, в один присест сожрали хранителя, человека и кайатиру.

Станным образом в моей голове это прозвучало как «холодец, буженину и пирожное» — довольно нелепое сочетание, если задуматься.

— Айгеровские хрюшки, — буркнула я и перевернула «шашлык» — одна его сторона уже подрумянилась.

Закончив с ужином — Каперс к еде так и не притронулся, — мы стали укладываться на ночлег. Диара испуганно втягивала голову в плечи, тряслась как осиновый лист, но упорно отказывалась уходить спать к краю защитного купола. Даже крик хранителя не возымел эффекта. В итоге, поняв, что эти двое могут препираться до самого рассвета, я вмешалась и разрешила кайатире спать рядом, за что тут же была стиснута в объятиях.

Каперс мое решение никак не прокомментировал, только раздраженно фыркнул и первым лег поближе к костру. Я устроилась возле теплого бока хранителя. С другой стороны от меня свернулась клубком крошка-выдра.

Несмотря на пугливость, Диара уснула первой. Не прошло и десяти минут, как ее дыхание выровнялось, а сама она тихо засопела. Вторым в царство сновидений отбыл Каперс. Ко мне же сон не шел. И дело было вовсе не в душевных терзаниях или навязчивых мыслях, крутящихся в голове. Все оказалось намного прозаичнее — дариоки. Голодные заразы выли

почти не переставая! Причем так громко и протяжно, что даже соседский бигль, который частенько устраивал концерты с завыванием, мерк на их фоне! Как при таком шуме умудрились уснуть Каперс и Диара, для меня осталось загадкой.

Я ворочалась, утыкаясь то в один, то в другой меховой бок; легла на спину и пыталась считать звезды, воображаемых овец, налоговые и пенсионные выплаты по собственной зарплате; затыкала уши — все без толку.

Заснула я лишь под утро, когда вымотанный организм сделал мне одолжение и отключился. Неудивительно, что просыпаться уже через пару часов сил не было. Лишь когда Каперс несильно прикусил меня за икроножную мышцу, я закричала и села.

— Ты обалдел?!

— Я пытался по-хорошему, но по-хорошему ты не просыпалась, — спокойно отозвался он. — Вставай. Нам пора выдвигаться.

Вот ведь Энерджайзер!

— Доберемся до Ритберга, с тебя чаира.

— Хоть две, — улыбнулся Каперс. — Только топай.

— Договорились.

Я зевнула, поднялась и, размяв затекшее ото сна на земле тело, закинула за спину вещевой мешок. Не сказать, что после полученного обещания энергии в теле прибавилось. Однако мысли о местном кофе невидимыми ручонками подталкивали в спину, помогая переставлять ватные ноги.

Я брела с полуприкрытыми глазами, уверенная, что кайатира, привычно вцепившаяся в мое предплечье, не позволит врезаться в куст или дерево. Вот только я не учла, что кусты и деревья — далеко не единственное, чего следует опасаться на болоте. Подобная беспечность стоила мне микроинфаркта, когда левая нога резко ушла под воду до середины голени.

— Твою ж!.. — в сердцах выругалась я, хватаясь за опешившую от моего крика кайатиру.

Каперс, топавший на несколько шагов впереди, в два прыжка оказался рядом.

— Арина, что? — коротко выдохнул он, бегло осматривая меня с ног до головы. — Цела?

— Да, только кед промочила. — Я поморщилась. — И напугалась немного.

— Немного? Ты завизжала так, что не удивлюсь, если тебя услышали в Ритберге!

Упс, неловко получилось.

— Это от неожиданности. Извини... те, — добавила, взглянув на Диару.

— Ладно, забыли. Идем дальше, — буркнул Каперс, разворачиваясь. — Надеюсь, ты не перебудила дариоков. Их сон, конечно, крепок, но и ты блажила от души.

— А где... они... спят?

Вопрос прозвучал рвано: прыгая на одной ноге, я пыталась стряхнуть мутную воду с промокшего ботинка. Черт, а ведь это мои любимые кеды!

— Что, хочешь пойти и проверить? — Каперс насмешливо прищурился, глянув на меня через плечо.

— Знаешь, иногда можно просто ответить на вопрос, а не пытаться поразить собеседника остроумием, — раздраженно рыкнула я и снова трянула ногой — дурацкая тина, казалось, успела въестся намертво.

Как ни странно, Каперс не обиделся на мое заявление. Напротив, он рассмеялся — открыто и искренне.

— А ты не врала, когда говорила, что по утрам всегда не в духе!

— Я бываю в хорошем настроении утром, — возразила упрямо. — Но при условии, что это

самое утро начинается не на рассвете, а хотя бы часиков в десять.

— Потерпи, — улыбнулся он. — До Ритберга осталось немного, а там я куплю тебе чаиру.

— И душ! — Я выразительно указала на мокрую штанину.

— И душ, — покладисто согласился Каперс.

Краем глаза я поймала задумчивый взгляд Диары. Закусив губу и едва заметно нахмурившись, она гипнотизировала спину идущего впереди кашибара.

— Все в порядке? — спросила я вполголоса.

Диара вздрогнула и устала себе под ноги.

— Как думаешь, — произнесла она тихо, — если бы у меня был хранитель, он бы так же обо мне заботился?

Я растерялась, не зная, что ответить.

— Нет, я понимаю, что он сам же меня бросил, — сбивчиво, будто оправдываясь, протараторила Диара. — Но если бы я была не кайатирой, а... кем-нибудь другим? Например, человеком. — Она взволнованно заправила за ухо прядь пепельных волос. — Стал бы кто-нибудь обо мне заботиться?

— Не стоит отказываться от того, кем ты являешься, в угоду чужим прихотям. Кайатиры — прекрасные создания, и если один глупый хранитель оказался не в силах оценить такого подопечного, то это делает жалким хранителя, а не тебя.

— Д-да. Наверное, ты права.

— Вы чего отстали? — недовольно крикнул Каперс, который за время нашего с Диарой разговора умудрился уйти шагов на двадцать вперед. — Я думал, кто-то торопится получить свою порцию чаиры, — поддел он. — Если не пошевелишься, наше соглашение отменяется!

— Вот зануда. — Я качнула головой и прибавила ходу.

— Заботливый, — вздохнула сбоку Диара.

Еще вчера мне казалось, что главную опасность на болотах представляют дариоки. Как выяснилось, я ошибалась: полчища комаров, которых Каперс звал дзарино, доставляют гораздо больше проблем, чем спящие в это время суток любители ночных концертов.

Если бы не оставленное Терейей средство, боюсь, до Ритберга мы могли бы не добраться. Разозленные дзарино окружили нас плотным черным облаком и, кажется, решили свести с ума назойливым писком. Даже вонь болот — а вокруг нещадно пахло сероводородом — блекла на фоне надоедливых насекомых!

Отмахиваясь от айгеровской мошкеры, я постоянно оступалась. Неудивительно, что уже через час обе мои штанины окрасились зеленым, а в кедах образовалось два небольших филиала Жимвинских болот.

Диара выглядела такой же уставшей и зеленой. Кожаные сапоги, которые я в свое время отказалась надевать, скользили, вынуждая ее ойкать и цепляться за меня в попытке удержать равновесие. Диара извинялась, поскальзывалась, снова ойкала и висла на мне.

Лишь Каперс выглядел более-менее сносно. Лапки его, конечно, тоже покрылись болотной тиной, но несильно — ровно настолько, насколько они погружались в мягкий торф. Каким-то чудом хранитель умудрялся не наступать в неприметные, заполненные вонючей, водой ямы.

Я пыталась идти за ним след в след, но, во-первых, из-за мельтешащих перед глазами дзарино сделать это оказалось не так-то просто; а во-вторых, шаг кашибары и человека сильно отличается. В итоге я оставила это пустое занятие... и тут же провалилась в очередную ловушку, полную стоялой воды.

— Ненавижу ваши болота! — зарычала в сердцах. — Какой бог их сотворил?

— Раминор, — ухмыльнувшись, отозвался хранитель. — Он теперь тоже в твоём списке? Рядом с Гариальдом?

— Всенепременно, — выдохнула я, отмахиваясь от надоедливых насекомых.

— Но, Арина, — робко пискнула Диара, — болота — важная часть экосистемы. К тому же, насколько я поняла, дариоки вылупляются именно здесь... — скомканно закончила она, поймав мой полный раздражения взгляд.

Сейчас мне совершенно плевать на экосистемы, голодных дариоков, дурацких богов и навязанный тотализатор! Единственное, чего я хочу, — выбраться из облака дзарино и вылить воду из кедров. Даже жажда чаиры отошла на второй план.

Когда почва под ногами стала тверже, а впереди показались первые хаджеры, у меня открылось второе дыхание. Я зашагала раза в полтора быстрее, чем немало удивила держащуюся за меня Диару — с ее невысоким ростом ей пришлось практически бежать. Каперс понимающе хмыкнул и тоже прибавил ходу.

— Выбрали-и-ись, — облегченно выдохнула я, едва мы ступили на мягкую траву, а надоедливое облако насекомых осталось позади. — Далеко еще Ритберг? — спросила, повернувшись к хранителю.

— Нет. Пройдем рощу и окажемся почти у ворот.

— Шикарно, — улыбнулась я и напомнила: — С тебя две чаиры и душ!

— Я не забыл, — кивнул он, пряча лукавую усмешку.

«Все, Мандаринка, до цивилизации с ее благами остался последний рывок, — наставлял внутренний голос. — Собралась, оп-оп!»

Я вытряхнула из обуви тинистую воду, заправила за уши пряди, выбившиеся из косы, и уверенно двинулась за хранителем.

— А мы можем немного отдохнуть? — подала голос Диара.

— В Ритберге и отдохнешь, — бросил Каперс, не поворачивая головы.

— Арин, — меня дернули за руку, — попроси его, а? Тебе ведь он не откажет.

Ага, как же!

— Прости, Ди, мне самой охота добраться до города как можно скорее.

— Пожалуйста! Совсем чуть-чуть! — Девушка заискивающе посмотрела на меня огромными серыми глазищами.

Сердце дрогнуло, но голос остался тверд.

— Прости, Ди, — повторила я. — Если так сильно устала, обернись, и я понесу тебя...

— Не надо, — обиженно качнула головой Диара и отпустила мою руку, которую сжимала с самого утра. — Я дойду.

— А раз дойдешь, то нечего ныть, — грубо одернул ее Каперс, который, как оказалось, прислушивался к каждому нашему слову.

Я пожалала плечами, не чувствуя особой вины. Во-первых, выход я предложила, и то, что маленькую выдру он не устроил, не моя проблема. Во-вторых, до города, по заверениям хранителя, осталось немного.

Остаток пути прошел в молчании. Каперс игнорировал Диару, Диара — меня, а я — дабы замкнуть круг — Каперса.

Наконец мы вышли из рощи и, как и обещал хранитель, практически уперлись в высокие ворота из кованого железа.

Город окружала высокая стена из белоснежного камня. С самого верха в сторону леса смотрело несколько огромных арбалетов. У ворот несли вахту двое стражников в плотных коричневых доспехах и синих плащах.

Однако удивили меня не доспехи, не плащи и даже не вытянутые шлемы, а то, что каждый из стоящих мужчин отбрасывает две тени.

— Это я так перегрелась и устала? — деликатно уточнила у хранителя. — Или у тебя тоже в глазах двоится?

— Расслабься. — Каперс хмыкнул. — Это миокрейты. Для них двойная тень — норма.

— А почему?

— Одна — обычная, вторая — полностью подконтрольна хозяевам. Сильнейшие из миокрейтов способны убивать с ее помощью.

На этом моменте я резко перехотела заходить в город и встала посреди дороги.

— Арина-а, — застонал хранитель.

— Это город миокрейтов? — сухо уточнила я.

— Да.

— И любой достаточно сильный и обученный горожанин может меня прикончить?

— В теории — да. Но...

— Обойдусь без душа и чаиры.

— Арина-а-а-а!

— Не знаю, как эту ситуацию видишь ты, но для меня вход в город равносителен ночной прогулке по фавелам. Ничем хорошим это точно не закончится.

— Ты нагнетаешь, — возразил Каперс.

— Разве? Ты ведь сам постоянно повторяешь, что все на Айгеросе желают мне зла. А теперь просишь зайти в город, где меня может грохнуть тень?!

— Я знаю, как это выглядит...

— Уверен?

— ... но, пожалуйста, — продолжил он, проигнорировав мой скептицизм, — доверься мне. Здесь с тобой ничего не случится, главное — не снимай медальон участника. — Он указал на болтающуюся на моей груди бляху, о которой я успела уже триста раз забыть. — Миокрейты чтят тотализатор. Они не тронут тебя. Обещаю.

Я тяжело вздохнула, взвесила на ладони украшение, найденное в кардарве, и скрепя сердце кивнула:

— Ладно. Но если со мной что-нибудь случится...

— Не случится, — уверенно перебил Каперс. — Даю слово.

Я снова кивнула, в волнении закусив губу и пошла вперед. По одну сторону от меня шагал хранитель, по другую — кайатира, с перепугу выпятившая плоскую грудь с медальоном.

Однако беспокойство и настороженность враз вытеснили эмоции, захлестнувшие меня, стоило войти в город.

Все постройки были сложены из того же белого камня, что и стена. А крыши, ставни и двери пестрят яркими оттенками всех цветов. Я растерялась, не зная, на что смотреть в первую очередь. Взгляд хаотично метался от одного места к другому, выхватывая лишь детали: вывески, флюгеры, уличные палатки, растения в светло-серых кадках и натянутые полосатые маркизы. Повозки, запряженные массивными двулапыми существами, чьи тела покрыты короткой фиолетовой шерстью. Мельтешащих птиц в разноцветных тканевых манишках и с конвертами в лапках.

Отовсюду звучали обрывки фраз, смех, короткие приказы извозчиков, правящих двуколками. И конечно, по улицам сновали горожане.

Я стояла и, будто ребенок, не могла перестать разглядывать сказочных созданий — миокрейтов. Высоких, узкоплечих, белокожих, с тонкими чертами лица и длинными разноцветными перьями, заменявшими волосы. Дамы умудрялись укладывать их в

аккуратные, не слишком замысловатые прически; перехватывали лентами или вплетали живые цветы.

— Что, нравится? — голос Каперса вырвал меня из плена иномирной красоты.

— Здесь удивительно!

— А ты заходить не хотела, — по-доброму поддел он. — Пошли, угощу тебя чаирой, как и обещал.

— Может, для начала душ?

На фоне прекрасных миокрейтов я ощутила себя не просто хрюшкой, а самой некрасивой из всех поросят: чумазой, растрепанной, воняющей болотом.

— Как угодно. Тогда нам сюда, — распорядился Каперс и деловито зашагал по мостовым Ритберга.

Глава 17

Место, куда нас привел Каперс, больше всего напоминало спа: приглушенная музыка, нежные, едва уловимые цветочные ароматы, интерьер с преобладанием натурального дерева и светлых тканей. Обслуживали нас молодые девушки-миокрейты в одинаковых платьях золотого цвета. Одинаковых, но необычных.

Еще по дороге сюда я отметила, что миокрейты не выставляют тела напоказ. Платья и рубашки имели высокий ворот, закрывающий горло, и длинные рукава. Юбки доходили до самой земли, а брюки не предусматривали варианты капри и «семь восьмых» — только длинные прямые штанины, собирающиеся складками на ботинках. Видимо, чтобы мужчины не оголяли щиколотки даже сидя. Разумеется, ни о каких шортах или бриджах речи не идет. Даже встреченные мной дети были полностью «упакованы».

И тем удивительнее выглядели форменные платья работниц спа с небольшим полукруглым вырезом и узкими рукавами по локоть. Единственное, чего не коснулись отличия, — длина: юбка, как и положено, доходит до пола, при ходьбе открывая лишь мыски туфель.

Я хотела спросить о причинах подобных отличий и уже даже открыла рот, но Каперс, будто прочитав мои мысли, заговорил первым:

— В традиционных платьях неудобно работать. Когда это стало понятно, хозяева заведения подали прошение в городской совет. Им разрешили.

— А без разрешения нельзя? — удивилась я.

— Нельзя. У миокрейтов с этим строго.

В этот момент в общий зал вышла статная женщина с длинными перьями цвета бургундского вина и идеально прямой осанкой.

— Ждите здесь, — коротко распорядился Каперс и зашагал к незнакомке.

Когда между ними осталось не больше метра, женщина присела. Причем настолько грациозно, словно она тут не присед делает, а как минимум реверанс на великосветском рауте!

О чем они говорили, я не слышала. В какой-то момент незнакомка кивнула, вежливо улыбнулась и, дождавшись, пока капибар отойдет на несколько шагов, плавно поднялась.

— Я обо всем договорился, — пояснил Каперс, вернувшись к нам с Диарой. — За вами придут и проводят куда следует. Бояться ничего не стоит, — капибар выразительно взглянул на меня. — Просто сделайте то, что скажут, и наслаждайтесь.

— Хранитель, — возле нас остановилась девушка с бледно-голубыми перьями, — все готово. Позвольте, я провожу.

Однако Каперс в провожатых не нуждался. Бросив нам короткое «встретимся здесь», он первым зашагал в один из коридоров. Следом увели робко оглядывающуюся на меня Диару. Потом настала моя очередь.

— Прошу сюда, — чуть поклонилась девушка в фирменном золотом платье.

Я с готовностью пошла за ней, мысленно ликуя, что скоро снова буду похожа на человека, а не на дачника, вскопавшего поле картошки в одиночку. Голыми руками.

Меня проводили в небольшую, очень аккуратную комнатку, обставленную деревянной мебелью. Выдали фирменного цвета халат, тапочки и попросили оставить грязную одежду на стуле возле входа. Потом — после того, как я переоделась, — проводили в купальни.

О да, это были именно купальни — большие, круглые, выложенные разноцветной мозаикой всех оттенков от белого до темно-оранжевого. И никаких жутких майсеров!

Девушка-миокрейт подвела меня к ступенькам в самую большую купальню и приняла халат. Я же сразу забралась в теплую воду. Во-первых, хотелось поскорее смыть с себя вонючую тину. А во-вторых, как-то неловко щеголять нагишом перед незнакомкой. Особенно если эта незнакомка прекраснее любых земных фотомоделей.

Задержав дыхание, я с головой погрузилась в воду и тут же вынырнула, убирая назад потяжелевшие волосы. Подплыла к бортику, с любопытством стала следить за девушкой возле полированного белого стола. Она коснулась поверхности в правом верхнем углу, и вода в купальне стала мыльной. Постепенно взбилась пушистая пена, а помещение заполнил едва уловимый аромат диких ягод.

Я блаженствовала!

Встречу Каперса, расцелую этого грызуна! Это же намного лучше, чем душ!

Радостно крутанулась вокруг своей оси, пуская волны и отправляя крошечные мыльные пузырьки в полет. Потом снова повернулась в сторону миокрейт и успела увидеть, как она коснулась стола в правом нижнем углу. Тут же вода пришла в движение — закрутилась на манер воронки. Сильным течением меня подхватило и потащило по кругу.

— Что-то не так! — испуганно вякнула я, встретив лицом большой сугроб душистой пены.

— Просто расслабьтесь и наслаждайтесь, — донесся до меня приглушенный голос миокрейт.

Расслабиться?! Да она издевается!

Меня мотыляло по кругу, как белье в центрифуге, — быстро и беспощадно. Из связных мыслей осталась лишь одна, в которой я радовалась крепости своей вестибулярной системы. Ощущения были непередаваемые! Происходящее одновременно напоминало тяжелые студенческие вечеринки с немереным количеством алкоголя, советскую карусель «Сюрприз», курс подготовки космонавтов и режим стирки «хлопок».

Через пару минут я перестала бороться с мощным потоком воды и поплыла по течению, надеясь не захлебнуться.

«Интересно, на Айгеросе любая попытка помыться опасна для жизни и психического здоровья или это только мне так везет?» — отстраненно рассуждала я, пока меня полоскало.

Однако прежде чем я пришла к какому-либо умозаключению, жуткая центрифуга остановилась. Все еще не веря собственному счастью, я осторожно смыла пену с глаз.

— Ну вот, — улыбнулась миокрейт, — теперь переходите в соседнюю купальню, и я вас помою.

— А это турбополоскание за помывку не считается? — опешила я.

Девушка качнула головой и пояснила:

— Тина Жимвинских болот очень въедливая, другого способа от нее избавиться нет.

Это что же, если бы я не выпросила у Каперса «душ», то сама бы не отмылась от вонючей зелени?!

Все еще ошарашенная сделанным открытием, я выбралась из купели, оглянулась и едва сдержала крик: мыльная вода была темного илистого цвета. Жуть какая! И меня полоскало в этом?!

— Не переживайте, — правильно поняла мой ступор миокрейт, — ваш хранитель пожелал, чтобы вы получили лучший из возможных травяных настоев. Вот увидите, когда мы закончим, от Жимвинских болот не останется ни следа, ни запаха. Не сомневайтесь.

— А что, могло остаться? — уточнила я, опускаясь в новую купель.

— Конечно, — уверенно кивнула девушка. — Сложнее всего избавиться от запаха. Но вам переживать не о чем.

Я настолько погрузилась в раздумья — часто ли возникает нужда в спа-пакете, как у меня, все ли горожане могут себе его позволить и почему Каперс вдруг оказался такой душкой и не устроил подлянки? — что выпала из происходящего. Просто послушно делала что просили: опускала голову в воду, наклонялась вперед, подставляя под мочалку спину, вытягивала руки-ноги.

В себя пришла, когда над ухом раздалось:

— Вот и все.

Я моргнула, выныривая из оцепенения, и посмотрела на миокрейт.

— Держите полотенце. Вытирайтесь, надевайте халат и садитесь во-он туда, — она кивком указала в конец комнаты, где стояла широкая белоснежная ширма.

За ней нашелся длинный туалетный столик с мягким пуфом и большое настенное зеркало, по одну сторону которого расположился вертикальный ряд кристаллов. Сев, я поспешно отвернулась в попытке спасти глаза от слепящего света. Стало легче. К счастью, миокрейт не возражала против подобной позы. Она спокойно встала у меня за спиной, взяла со столика один из гребней и занялась моими волосами. Я же от нечего делать принялась разглядывать другие гребни, тонкий узор рамы, собственные пальцы, сцепленные на коленях, пол...

В этот раз испуганный взвизг сдержать не удалось. Я попыталась вскочить, но миокрейт с силой надавила мне на плечи и усадила обратно.

— Простите за резкость, но ваш хранитель предупреждал о возможной реакции... такого рода, — деликатно произнесла она, — и просил напомнить, что ни один миокрейт не причинит вреда участнику тотализатора.

Я кивнула, не в силах отвести взгляд от собственной тени. Точнее, от другой тени, скачущей вокруг моей!

— Зачем это? — спросила внезапно севшим голосом.

Вместо ответа девушка перекинула со спины на грудь прядь моих волос. Абсолютно сухую прядь!

— Это наша магия. Именно поэтому свет кристаллов такой яркий. — Миокрейт мельком глянула на ряд светящихся камней. — Он формирует четкую тень наших клиентов, с которой удобно работать. Воздействуя на тень, мы воздействуем на тело. Сейчас, например, я сушу вам волосы.

Нормальный тут у них фен! Так и инфаркт заработать недолго!

Досушив и расчесав волосы, девушка проводила меня в комнатку, где я оставила грязные вещи. Моя одежда нашлась на том же самом стуле, только теперь она была совершенно чистой. Даже любимые кеды вернули светло-серый цвет, избавившись от илистого налета!

Не мешкая, я быстро оделась, повесила на шею медальон участника. Волосы решила пока не заплетать. Успеется еще. Я и так все время держала их в тугой косе, пусть тоже немного отдохнут. Довольно крутанувшись возле ростового зеркала, я выскочила в коридор и зашагала за провожатой.

В холле меня уже ждали. Каперс вольготно разлегся на двухместном диване цвета какао. Диара, ссутулившись, сидела в небольшом плетеном кресле.

— Давно вы тут? — улыбнулась я, подходя ближе, и замерла, принюхиваясь: от кайатиры пахло тиной.

Судя по тому, как дернулись крылья носа Диары, она тоже заметила разницу ароматов и... нахмурилась.

— Нет, не очень, — ответил за двоих Каперс, спрыгивая с дивана. — Я отправил послание знакомому, о котором рассказывал. Мы должны встретиться в ресторации на площади Солнца через двадцать минут.

— А как ты его отправил? Ну, послание.

Мы вышли на улицу и влились в шумный поток горожан.

— Видишь птиц в манишках? — Хранитель указал на одного пернатого в синей одежке. — Это курьеры. Цвет формы зависит от срочности и приватности отправляемого сообщения. Желтые — обычная доставка. Синяя — срочная не приватная. Зеленая — обычная приватная. Красная — срочная приватная.

— А как они понимают, кому какая посылка и как ее следует вручить? Эти птицы разумны?

— В определенной мере — да. Что, — он усмехнулся, — уже хочешь себе одну из них?

— И вовсе нет. — Я тут же перестала разглядывать серебристого пернатого с длинным хвостом и отвернулась.

— Врушка, — беззлобно поддел Каперс.

Я пожала плечами и снова тайком глянула на приглянувшегося «почтальона» в синей манишке.

Глава 18

В предположениях я не ошиблась: Каперс действительно прекрасно ориентируется в городе. Проворно петляя в оживленном потоке улиц, он вывел нас к площади со статуей в центре. Каменная женщина в длинных одеждах тянулась к небу, на ее губах застыла добрая улыбка, а взгляд был обращен куда-то за облака.

— Амарихтис — богиня солнца, — пояснил хранитель, заметив мой интерес.

— Какая красивая! И выглядит как человек.

— Почти. Отсюда не видно, но на скулах, затылке и вдоль позвоночника у нее чешуя.

— Она вообще-то в платье, — заметила я очевидное. — Или погоди... Ты заглядывал к ней под платье?!

— Арина, Арина, — качнул головой хранитель. — Что ж ты чуть что, сразу рвешься заподозрить меня в распутстве? То с лигайтами, то с богинями... Мне, конечно, приятно, — хмыкнул он, — но ты мне льстишь. К тому же Амарихтис — зануда.

— Даже больше, чем ты?

— Ты не представляешь, насколько.

Каперс хитро подмигнул, и я невольно улыбнулась в ответ.

— Далеко еще до ресторации?

— Почти пришли. Вон она.

Впереди как раз показалось приземистое двухэтажное строение с синей крышей и красными оконными рамами. На улице, сбоку от входа, в тени полосатой бело-желтой маркизы прятались круглые столики со стульями. Ровно под краем навеса выстроились в ряд массивные горшки с фиолетовыми кустами. Между этажами растянулась вывеска — «Ресторация Ди Лано».

Мы сели на улице. Каперс заказал обед на троих, кувшин роадиры — легкого вина, насколько я поняла из объяснений, — и обещанную мне двойную порцию чаиры.

К моменту, когда появился знакомый Каперса, я успела выпить желанный кофе и разделаться с салатом. Настроение постепенно возвращалось к отметке «жизнь прекрасна».

— Не ожидал тебя здесь увидеть, — произнес на удивление крепкий миокрейт, занимая свободный стул. — Чем обязан?

Не стесняясь, незнакомец взял пустой бокал — мой, между прочим! — и наполнил его роадирой.

— Присмотри за кайатирой, — без предисловий перешел к делу Каперс.

— Я не хранитель, — хмыкнул гость. — А если бы даже и был, не стал бы с ней связываться.

— Она отказалась от участия и не пойдет в храм.

Незнакомец удивленно заломил бровь и посмотрел на притихшую Диару.

— Чего так? Не хочешь выиграть?

— Скорее, очень хочет выжить, — ответил за нее Каперс. — Обещала не высовываться и сидеть тихо. Медальон на ней, так что местные вреда ей не причинят. От тебя требуется только держать ухо остро и прятать ее, если через город будут идти другие участники. Ничего сложного.

— А эта? — Миокрейт кивнул в мою сторону и отпил из бокала.

— Эта — моя.

— Эта вообще-то здесь и может сама за себя ответить. — Я прищурилась, глядя в темно-фиолетовые глаза незнакомца.

Не знаю чем, но миокрейта позабавил мой ответ. Он откинулся на спинку стула и широко улыбнулся.

— Дерзкая, — одобрительно кивнул он.

— А с утра еще и злобная!

Мужчина рассмеялся и повернулся к Каперсу.

— Неплохая тебе подопечная попалась. Под статью!

Тот насмешливо фыркнул, однако комментировать сказанное не стал. Вместо этого спросил:

— Так что, присмотришь за кайатирой?

— Да куда ж я денусь? Эй, — выдра вздрогнула, когда взгляд миокрейта метнулся к ней, — как тебя звать?

— Диара, — пискнула она.

— Ко мне можешь обращаться Черный Коготь.

— Это имя? — Я глянула на пальцы мужчины: когти на них выглядели вполне обычно — такие же бледно-серые, как и у других миокрейтов.

— Нет. Это то, как ко мне обращаются остальные. Мы не называем чужакам истинных имен.

Я кивнула и, потеряв к происходящему интерес, сосредоточилась на обеде. Улыбчивая официантка принесла нам еще один бокал, который я тут же пододвинула к себе, и большое блюдо с гарниром. По виду как пшено: маленький, желтенький, рассыпчатый. Крупу щедро разбавляли овощи, бобовые и зелень.

«А мясо-о?» — разочарованно простонал внутренний голос.

Рядом раздался низкий смех Черного Когтя.

— Что, малышка, не привыкла к растительной еде?

— Привыкла. Это дополнительная еда, которую я ем в нагрузку к основной.

Он снова рассмеялся.

— Прости, но здесь тебе придется ограничиться лишь дополнительной. Миокрейты не едят животных продуктов.

— Ну-у, это полезно, — заключила я после недолгой заминки и решительно наполнила тарелку гарниром.

Каперс фыркнул.

— Спасибо. — Он повернулся к Черному Когтю. — Я не забуду.

— Надеюсь, — серьезно кивнул тот. Залпом опустошил бокал и вновь посмотрел на притихшую Диару. — Что, мелкая, пошли?

Она затравленно глянула на миокрейта, на меня, затем — на Каперса.

— Топай уже. Нечего тут глазки строить. — Он недовольно дернул усами.

— Пока, Ди!

Я попыталась улыбнуться. Однако улыбка вышла откровенно кислой. Проклятье! Ощущение такое, будто мы ей не жизнь спасаем, а сдаем в питомник для бездомных животных!

— Пока, — тихо отозвалась Диара.

Поднялась и следом за миокрейтом направилась к выходу с летника. Уже оказавшись по ту сторону кустов, она снова бросила полный надежды взгляд на Каперса и понуро опустила голову, едва он отвернулся.

— Нам тоже не стоит рассиживаться. Доедай и пошли, — распорядился Каперс.

— Как? Уже?

— А чего медлить?

Я растерялась. С одной стороны, причин медлить действительно нет. С другой, выйти из Ритберга — значит, вновь оказаться в опасности.

— Вот только давай без драмы, — Каперс выразительно фыркнул. — Мы не на отдыхе, если ты не забыла. Так что нечего смотреть на меня с такой тоской.

— И вовсе не с тоской!

— Ну естественно. Тебе-то виднее. Ладно, не страдай. Хочешь, сделаем небольшой крюк по городу? Покажу тебе пару достопримечательностей.

— Давай.

Я с готовностью кивнула и сняла рюкзак со спинки стула. Каперс спрыгнул на пол.

— Тогда вперед!

По улицам Ритберга я шла, почти не глядя по сторонам. Каперс вещал об истории города, заставил остановиться возле фонтана, похожего на флейту. Принялся пересказывать легенду, по которой эта флейта принадлежала сначала богу вдохновения, а потом перешла к богу веселья. Или наоборот? Не помню. Я слушала вполуха, погрузившись в раздумья.

Грудь сдавливало от волнения.

Что делать? Что мне делать?

Я не убийца и не желаю Каперсу зла. Но я и не жертва — не разменная монета, которой можно заплатить за желанную вещь. Вдруг впереди нас поджидает встреча с очередным фхаринцем? Или с кем похуже? Каперс пусть и хранитель, но явно не всемогущий. А если нам повстречаются сразу два игрока с хранителями? Три?

— Одновременно с этим собором начали строительство моста надежды, — продолжал экскурсию Каперс. — Вон он, видишь? Этот мост стал первым, соединившим оба берега Ритберга. Он же до сих пор остается главным.

Нутро сжалось.

Мост. Мост над рекой. Там ли Фиарин? Ждет ли она Каперса? Или забыла о своем предложении?

— Кстати, обрати внимание на дорогу. Здесь цвет брусчатки меняется. Есть легенда, что это связано с...

Глупо врать — я не хочу умирать. Не хочу, чтобы мое тело гнило брошенным в чужом мире. Чтобы Семицветик так никогда и не узнала, почему я не добралась домой тем злополучным вечером. Чтобы мой конец стал лишь чьей-то неудачной ставкой на тотализаторе. Но готова ли я пожертвовать чужой жизнью ради спасения своей?

— Эй, ты вообще слушаешь? — Каперс обернулся и смерил меня недовольным взглядом. — Если что-то упустишь, повторять я не стану.

— Слушаю.

— Да? И что же я сказал про брусчатку? Почему Альтор Второй приказал ее заменить?

Я зависла. Кто такой Альтор? Почему его аж два? Царь? Король? Лорд-магистр?

— Потому что э-э... по легенде э-э... цвет символизирует...

Плохо, когда не знаешь да еще и забудешь! Я на госах так не напрягалась, как сейчас!

— ... перемены, которые случились с... э-э...

Каперс начал недовольно притопывать лапой.

Что это значит? Ответ неверный? Черт! Можно мне помощь зала?

— В чем дело? — перебил он. — О чем ты думаешь?

— Об Альторе.

— Арина, — мне достался выразительный взгляд, — я не упоминал никакого Альтора. Тут вообще никто с таким именем не живет. Причем уже лет так триста.

Упс!

— Так о чем ты думаешь? О кайатире, что ли, беспокоишься? Не стоит. Она в безопасности. Ты сделала для нее то, чего никто не стал бы делать.

— Это ты сделал.

В горле встал ком. Каперс ведь действительно защитил не только меня, но и ее. Довел. Уберег.

— Не смейся! Ради нее я бы даже не пошевелился.

— Но тогда почему?

— Ради тебя. Тебе было важно помочь ей. Лично я до сих пор не понимаю причин для подобной заботы, но ты попросила, и я помог.

Ком в горле раздулся, словно иглобрюх. Я с трудом могла сделать полноценный вдох.

— Давай уже закончим осмотр города и продолжим путь. До моста осталось всего ничего.

Колени подогнулись. Пришлось спешно выравнивать равновесие, чтобы только не клюнуть носом землю. Каперс фыркнул. Что-то еле слышно проворчал и продолжил деловито вышагивать впереди. Забавный. И лапки-столбики забавные. И попа эта круглая.

В памяти всплыло, как он точно так же вышагивал, когда вел меня в кардарв — в безопасное место. Будто заново я услышала надменное фыркание, когда Каперс отказался от еды после Райгеновских гор, чтобы мне досталось больше. Вновь почувствовала тяжелую голову, упирающуюся мне в колено; услышала полный беспокойства голос — там, в Гайвимаре, когда Каперс не нашел меня в комнате. Вспомнила, как он испугался, стоило мне закричать на болотах, и какой у него при этом был взволнованный вид.

— Кап, подожди, — прошептала я одними губами.

Он не услышал.

— Каперс, стой!

Сомнения исчезли. Я знала, как поступить. Всегда знала. Только почему-то позволила внутренним страхам ненадолго взять верх.

— Чего? — он обернулся и непонимающе уставился на меня.

— Давай завершим экскурсию сейчас? Я готова выйти из Ритберга.

— Пф, очень за тебя рад. А я не готов повернуть в полуметре от финиша. Мы почти досмотрели достопримечательности. Мост — последняя.

— Плевать! Не люблю мосты. Пошли обратно!

Неважно, как это выглядит со стороны. Пусть я кажусь капризным ребенком — пусть! Я сберегу Каперса.

— Ты, Арина, конечно, чудная. Но сейчас твое поведение вообще ни в какие рамки не вписывается. Пошли.

— Нет!

— Как знаешь.

Недовольно дернув ухом, Каперс зашагал к мосту.

— А ну стоять!

Я кинулась, попыталась поймать хранителя. Но тот ловко отскочил. И будто назло бегом преодолел оставшиеся метры.

— Ха! Не поймала! — оскалился он, уходя все дальше.

— Да стой же ты, дурень! Река опасна, в ней...

Договорить я не успела.

Огромная волна возникла будто из ниоткуда и накрыла мост. Мутная вода хлынула на улицы, в нос забился запах ила. Отовсюду зазвучали крики, визги. Началась беготня.

— Ка-а-аперс!

Я кинулась к нему, но кто-то схватил меня за плечо.

— Участница, нельзя! Там опасно!

Да что ты говоришь?!

— Отпусти! — я дернулась, вырываясь из хватки. — Да отпусти же!

Вода с шумом уходила, стекала пенистыми ручейками обратно в реку. Сначала показались перила, потом каменные балясины, затем и сам мост. Пустой, черт бы его побрал!

— Каперс!

Я добежала до того места, где в последний раз видела хранителя. Огляделась испуганно. Кинулась к ограждению.

— Каперс!

Проклятье! Ну где же ты?

Капбары ведь умеют плавать? Конечно умеют! А хранители вообще живучие. Не могло какое-то цунами причинить вред Каперсу. Это ведь... Каперс! Давай, мой хороший, покажись. Не смей помирать так нелепо!

Я скинула рюкзак и сиганула с моста. Вода больно ударила по ушам, забилась в нос.

— Фиарин, не надо! — закричала я, всплывая и отплевываясь. — Не трогай его, пожалуйста! Фиари-ин!

Недавние страхи, собственная безопасность — все вдруг стерлось из мыслей. Главным осталось дозваться иномирной русалки. Не позволить свершиться непоправимому. Я ныряла снова и снова, слепо шарила пальцами в мутной воде. Захлебывалась и била руками.

— Ка-аперс! — мой голос совсем охрип. — Ка-а-аперс!

Мышцы сводило от холода, сердце сжималось от страха. Это моя вина. Моя!

— Каперс! Фиарин! Кто-нибудь!

Когда меня схватили поперек туловища и потащили вверх, я забрыкалась. Рано! Я не готова вылезать из воды! Я еще не нашла его! Не спасла!

— Все в порядке, участница. Мы поможем вам, — зазвучал рядом обеспокоенный голос.

Мне? Нет! Надо помочь Каперсу!

— Что с ней?

— Не знаю. Кажется, ее зверя смыло.

— Помутнение?

— Позвать лекарей? — голоса зазвучали одновременно, перебивая один другой.

Я огляделась. Мы в лодке: пятеро миокрейтов и я. А Каперс? Взгляд снова метнулся к воде.

— Вы знаете кого-нибудь в Ритберге? Участница, ответьте! — меня встряхнули.

— Д-да. Коготь. Черный Коготь.

— Его дом здесь неподалеку, — отозвался старый миокрейт. — Мы вас доставим. Пожалуйста, не вырывайтесь Острый Ключ, держи ее! Северный Ветер, налегай на весла Высшие и низшие боги, это не участница, а какая-то намира.

Дорогу к дому Когтя я не запомнила. Помню только, как звала Каперса. Как хотела сжаться от ужаса и чувства вины. Меня била такая дрожь, словно это и не дрожь вовсе, а плети, которыми полосуют осужденного. Я сама себя осудила.

Когда мы оказались перед большой белой дверью, старый миокрейт постучал. Дождлся, когда та откроется, и что-то быстро заговорил. Я не расслышала слов. По правде сказать, я перестала здраво оценивать происходящее. Даже когда Коготь забрал меня у сородичей и силой усадил на диван в гостиной, я не могла успокоиться.

— Не хотела! Я не хотела!..

— Чего, Арина?

— Этого! — испуганно взмахнула руками. Неужели он не понимает? — Смерти Каперса, тотализатора, Ритберга, Айгероса — всего этого!

— Ты не хотела тотализатора?

— Разумеется! Я хочу домой, на Землю. А Каперс заставляет меня топтать в этот идиотский храм, потому что может что-то доказать Совету... А я не хочу! Но и убивать его не хотела! Просила остановиться! Даже поймать пыталась, а он... а он...

— Ты знала об опасности?

Я всхлипнула. Закусила губу, уставилась во внимательные глаза Когтя — и разревелась в голос.

— Знала, — выдохнула между всхлипами. — И не остановила раньше. Это моя вина, Коготь. Моя!

— Тише, маленькая намира. Тише.

Меня ласково погладили по голове. Отстранились. Раздались шаги.

Я не видела, куда Коготь пошел и что делал. Уткнувшись лицом в ладони, я самозабвенно редела. Лишь когда мне в пальцы ткнулось что-то гладкое и холодное, подняла взгляд. Что? Бокал?

— Пей, маленькая намира. Тебе это нужно.

Наверное, стоило как минимум спросить, что в бокале. Все-таки мутная темно-розовая жидкость выглядела странно. Но я просто не нашла в себе сил. Молча кивнула и залпом опрокинула содержимое бокала. Горло обожгло, по телу пронеслась волна тепла. В голове поселилась приятная легкость.

— Ну как? Легче? — Коготь заглянул мне в лицо.

Я кивнула — и комната вокруг меня закружилась.

— Не переживай. Ничего с твоим хранителем не случится. Как ты его назвала? Каперс? — его губы дрогнули в усмешке. — Забавное имечко.

— У вас тоже есть эти дурацкие маринованные бутоны? — я шмыгнула носом.

— Нет. Бутонов у нас нет. Зато есть надоедливые жуки-вонючки, которых мы зовем каперсами.

Я моргнула. Послышалось? Или...

— Жуки-вонючки?

— Надоедливые, — с готовностью подсказал Коготь.

Я икнула. Икнула еще раз. И заржала. Как тот полковой конь.

Страхи, переживания, вина — чувства выходили из меня шумным потоком смеха. Заставляли сгибаться пополам, сжиматься, обнимая себя за бока.

— О боги, — голос Когтя прозвучал будто издалека. — Как чувствовал, что магирена на тебя повлияет сильнее, чем на нас. Но чтобы настолько... Он точно меня убьет.

Меня подхватили на руки. Взвизгнув, я уцепилась за мощную шею и снова засмеялась. Поймала пальцами темно-коричневые перья, радостно улыбнулась.

— Какие они классные, Коготь! Как у птицы! Вот бы мне такие — я бы взмахнула ими и улетела. Далеко-далеко. И никогда бы не вернулась! А ты можешь летать? А чирикать?

Коготь усмехнулся. Лестница под нами заскрипела. Шаг, шаг, шаг.

— Миокрейты не птицы, намира.

— И не чирикают?

— Только в самых редких случаях.

— А сейчас не такой случай? Давай чирик?

— Это в тебе говорит магирена. Но не переживай, она скоро отпустит.

— То есть не чирик?

Он тихо засмеялся.

— Если так хочешь, то чирик.

Мы зашли в какую-то комнату. Спины коснулось покрывало, головы — подушка.

— Все, птенчик, отдыхай. Тебе надо поспать.

— Но Каперс...

— Справится, не волнуйся. Спи.

Ласковое прикосновение к волосам — и звуки будто исчезли. Наверное, стоило заозираться. Или хотя бы приподняться на локтях. Однако тело вдруг налилось такой тяжестью, будто по моим жилам потек жидкий свинец. Зевнув, я позволила себе поддаться этому чувству — и тут же уснула.

Глава 19

Когда я проснулась, был вечер — еще ранний, судя по длинным солнечным лучам. Комната оказалась небольшой, но очень уютной. Выкрашенные в горчичный цвет стены, отполированный до блеска паркет, тяжелые зеленые шторы. Массивная кровать, резной комод, кресло с высокой спинкой. Все цвета темные, но, несмотря на это, помещение вовсе не кажется мрачным. Наоборот — камерно-уютным. В таком наверняка приятно коротать осенние вечера, с книгой и закутавшись в плед.

На кресле я с удивлением обнаружила свой дорожный мешок. Откуда он тут? Я ведь бросила его на мосту, перед тем как прыгнуть за Каперсом.

Каперс!

Мысль острой иглой пронзила сознание и отдалась болью в висках. Я зашипела.

— Гадкий пернатый меня накачал, — выдохнула сквозь зубы. — И вырубил. Тоже мне, павлин-клофелинщик!

Ругаясь себе под нос, я вышла из комнаты, спустилась на первый этаж. Остановилась, растерянно вертя головой. Куда теперь? Направо или налево?

— Ты здорово напугал девочку, — услышала я знакомый голос миокрейта.

Налево. Ну почему, как мужчины, так обязательно налево?

— Да брось, это было даже забавно, — насмешливо фыркнул... Каперс?

Не думая, я сорвалась на бег. Вбежала в просторную гостиную и кинулась к сидящему на диване капибару. Сгребла его в объятия, уткнулась носом в жесткую шерсть и разревелась.

— Арина, угомонись! — сдавленно выругался он. — Задушишь!

Я отстранилась, размазывая слезы по щекам, и счастливо оглядела Каперса. Меня переполняли облегчение, радость встречи и легкость.

Однако я недолго наслаждалась моментом. Не прошло нескольких секунд — и к коктейлю позитивных эмоций добавились пережитые, но еще не забытые страх потери, отчаяние и злость на хранительское упрямство.

— Ты почему не остановился, когда я просила?! — возмутилась задним числом. — Что, обязательно надо было переться на этот проклятый мост? Или ты из принципа меня не послушался?! Ты хоть знаешь, как я испугалась? За тебя, дурень мохнатый!

— Почему ты передумала? — глухо спросил Каперс, едва я замолчала.

— Что?

— Почему пыталась не пустить меня на мост? Точнее, почему передумала убивать?

— Ты знал?!

— Разумеется. Я почувствовал фхаринца и кайатиру задолго до того, как они выскочили из леса. Неужели ты думаешь, я не ощутил присутствия еще одного участника рядом с тобой на озере Заката? Или не понял, кто поджидал меня в реке под мостом?

— Но тогда... Зачем пошел к ним?

— Мне было любопытно, что же ты задумала. Как оказалось, моя подопечная попыталась от меня избавиться. До чего же предсказуемо и глупо!

— Я передумала, — возразила упрямо. — Просила ведь остановиться.

— И почему же?

— Поняла, что не желаю твоей смерти. Никогда не желала! Я не убийца, Кап. И ваш мерзкий тотализатор этого не изменит.

— То есть тебя просто совесть замучила? Заранее, так сказать? — хранитель раздраженно

дернул ухом.

— Вовсе нет. Просто когда я пыталась воскресить в памяти самые неприятные моменты пребывания на Айгеросе, то против воли вспоминала лишь твои добрые поступки. Ты обижал меня словами, но не действиями. На самом деле все, что ты делал, было мне во благо. Не думай, что я не понимаю или не ценю этого.

— А как же мои отношения с Советом? Ты ведь сама все слышала: твоя победа — моя возможность.

— На что?

Каперс не спешил с ответом. Он буравил меня взглядом, точно надеялся сквозь мою голову разглядеть стоящую позади мебель. Хмурился и молчал.

— Скажи ей, — устало вздохнул Коготь.

— Не могу. Сам знаешь.

— Скажи ей то, что можешь, — настаивал он. — Она имеет право знать.

Каперс недовольно поджал губы.

— Знаешь, что я сегодня увидел? — Коготь сцепил пальцы в замок и подался вперед. — Напуганную до полусмерти участницу тотализатора. Участницу, которая совсем не рвется к победе. Которая ежедневно рискует жизнью из-за прихоти ее хранителя. И которой дали шанс на спасение. Возможно, единственный шанс, — подчеркнул он. — А все, чего хотела эта девочка, — спасти тебя. Правда, пусть даже частичная, — меньшее, чем ты можешь отплатить ей.

— Как высокопарно, — скривился Каперс. — Но ты забываешь одну маленькую, но важную деталь: эта девочка, как ты выразился, собиралась меня убить. И не в порыве эмоций, а расчетливо и продуманно.

Уголки рта миокрейта дрогнули в ухмылке.

— Не пытайся убедить меня, будто хоть на минуту воспринял ее намерения всерьез. К тому же думать об убийстве и довести задуманное до конца — не одно и то же. Тебе ли не знать. — Фиолетовые глаза прищурились. — Расскажи ей. То, что можешь.

Я почти не дышала. Слушала, замерев от напряжения, и ждала.

Наконец Каперс повернулся ко мне.

— Забавно, — прищурился он, — стоит оставить тебя хоть на полдня, ты находишь себе нового защитника. Шустрая, ничего не скажешь.

Я молчала, не реагируя на двусмысленность фразы. Возможность получить ответы хотя бы на часть вопросов перевешивала все.

— Что ж, раз так жаждешь правды, слушай. Мне нужно, чтобы ты выиграла этот тотализатор. Тогда мое наказание отменят.

— А в чем оно заключается?

— Не могу сказать. Как и причину, по которой наказан, — добавил Каперс. — Еще вопросы?

— Почему именно я должна победить, чтобы тебя простили?

— Все знают о моей нелюбви к землянам. Помогать тебе подобным — мне претит. Да я бы с большим удовольствием бросил землянина, как последнюю кайатиру, и с радостью наблюдал бы за его смертью!

Неприкрытое презрение, отчетливо прозвучавшее в голосе хранителя, не оттолкнуло. Я успела привыкнуть к его нетерпимости. Сейчас гораздо больше интересует другое.

— За что ты нас так ненавидишь?

— Это не имеет значения, — холодно отрезал Каперс и спрыгнул с дивана. — Ладно, раз наша маленькая семейная драма окончена, можем двигаться дальше.

— На ночь глядя? — снова вмешался Коготь, выразительно глянув в окно. — Не глупи. Оставайтесь у меня. Переночуете, нормально позавтракаете и, полные сил, направите крылья к храму.

Предложение хозяина дома понравилось мне гораздо больше, чем сомнительная перспектива ночевки под открытым небом. И я поспешила поддержать:

— Кап, давай останемся, а? До заката ведь правда всего пара часов осталась.

— А я смотрю, вы неплохо спелись. — Хранитель прищурился. — Уверен, ты уже много раз пожалела, что передумала избавляться от меня. Может, я вообще вам тут помешал?

— Не придумывай. Просто мне действительно неохота спать на земле, когда есть возможность провести эту ночь в кровати.

— Я буду рад, если вы остановитесь у меня, — мягко произнес Коготь. — Вашу кайатиру я пока пристроил в дом двоюродной сестры — там ей будет удобнее. Меня мелкая шугалась, как голодного дариока! Арина же еще успеет немного прогуляться по городу, она ведь так толком и не видела Ритберг...

— Уже темнеет, — попробовал было возразить Каперс, но его перебили:

— Ты сам знаешь, что здесь безопасно. А для участника турнира — подавно. Ты и так гонишь ее, как жаккара. Пусть девочка хоть немного отдохнет, осмотрится. Когда еще выпадет шанс погулять по иномирному городу?

Он поморщился.

— Не уверен, что это хорошая идея.

— В Ритберге есть другие участники, кроме Арины и кайатиры? — улыбаясь в предвкушении, спросил Коготь.

— Нет.

Нет? А Фиарин?

Я нахмурилась, но с вопросами не полезла. Хотя, честно признаться, любопытство заскреблось в груди, как голодный кот в пять утра, — требовательно и бескомпромиссно.

Еще с минуту хранитель и миокрейт играли в гляделки: веселый взгляд против хмурого, пока наконец Каперс не уступил.

— Ладно, Арин, можешь осмотреть окрестности, — разрешил он. — Но неподалеку! Если почувствую, что ты куда-нибудь ускакала, то даже проклятые боги тебе не помогут.

— Спасибо!

Я вскочила, благодарно улыбнулась миокрейту и, получив дружеское подмигивание в ответ, выскочила из гостиной. А затем и из дома.

Глава 20

Вечерний Ритберг выглядел очень уютным и странно знакомым. Почти родным. Я неспешно брела вниз по аккуратной улочке, приветливо улыбаясь прохожим и получая легкие кивки в ответ. Скользила взглядом по фасадам и вывескам, заглядывала в стеклянные витрины, украшенные рисунками.

Возле одной из таких витрин, рассматривая игрушки, приплясывала девочка лет восьми-девяти. Длинное синее платье подпрыгивало вместе с хозяйкой и открывало вид на коричневые полусапожки, стянутые тонкой шнуровкой. Проходившая мимо дама в элегантной шляпке хмуро поджала губы, явно не одобряя подобного бесстыдства, и поспешила отвернуться.

Мне же непосредственность девочки понравилась. На фоне остальных миокрейтиков — безукоризненных, идеальных — она единственная казалась настоящей.

Когда между нами осталось не больше семи шагов, девочка вскинула голову, заглядывая мне в глаза и широко улыбнулась полубеззубой улыбкой.

— Ты правда участница божественного тотализатора?

Она в три прыжка оказалась рядом.

— А как же!

Я подмигнула и, присев, положила медальон на ладонь. Пока девочка разглядывала искусную гравировку, так похожую на ловца снов, я разглядывала саму девочку: ее рыжие перья, доходящие до худеньких плеч, разноцветную повязку и едва заметные веснушки.

— Краси-и-иво. Можно потрогать?

— Не знаю, — растерялась я. — Хранитель ничего не говорил по этому поводу, сама я не спрашивала.

— А если легонько? — заговорщицки прошептала девочка.

— Ну, если легонько, то, думаю, можно.

Сморщив нос-пуговку, она оттопырила тонкий пальчик, быстро коснулась медальона и тут же отдернула руку. Лицо ее при этом засветилось такой искренней радостью, что я сама не сдержала улыбки.

— Пуховое Перышко, куда ты убежала? — К нам спешно подошла молодая миокрейтик, придерживая длинную юбку. — Ох, простите, пожалуйста, если она вам помешала. Я только на минутку отвернулась, а ее уже и след простыл!

— Нет, нет, — поспешила заверить я. — Все в порядке.

Беспокойная морщинка между медно-рыжих бровей женщины разгладилась.

— Меня зовут Летящая Утром. Большое спасибо, что приглядели за моей дочерью.

— Она участница тотализатора! — радостно выдала Перышко, снова начав приплясывать.

Я знаю, милая, — улыбнулась Летящая. — Пошли домой. Думаю, папе тоже будет интересно послушать, кого ты сегодня встретила. Доброго вам вечера и еще раз спасибо. — Она слегка склонила голову.

— Пока-пока! — помахала мне Перышко и пружинисто заскакала рядом с матерью.

Я смотрела им вслед и кусала нижнюю губу. В груди болезненно заныло.

С гибели родителей прошло почти шесть лет, а душевная рана так и не затянулась. По правде сказать, не думаю, что она когда-нибудь затянется. Я просто научилась жить со своим прошлым и теми потерями, которые оно хранит. Но моменты, как этот, бередят утихшие эмоции, напоминая, что у меня было и чего я лишилась.

— Вы так очаровательно смотрелись с этой девочкой, — раздался за спиной мягкий голос.

Вздвигнув, я обернулась и увидела идеал мужчины во плоти — тот самый, перед которым в прошлый раз умудрилась выставить себя полной дурой. Незнакомец был все так же неотразим: в том же темно-зеленом плаще, подчеркивающим оттенок глаз, с теми же идеально гладкими волосами цвета платины. Аж дыхание перехватило!

— Простите, прекраснейшая, — герой девичьих грез слегка поклонился, — я ни в коей мере не хотел вас напугать.

«Вот даже не думай начать „экать“, как в прошлый раз!» — предупредительно рыкнул внутренний голос.

— Вы не напугали, — улыбнулась я и возликовала — синдром немоты в присутствии красавчика оставлен в прошлом! — Если только совсем немного, — добавила, смутившись под внимательным взглядом.

— Если позволите, я с радостью заглажу мою оплошность и угощу вас бокалом магирены.

Я мысленно ужаснулась, вспомнив эффект.

— А я... не пью, — произнесла, еще больше заливаясь краской.

Да-да! Вот такая я вся благовоспитанная и не употребляющая! И краснею я исключительно от неприемлемого для меня предложения, а не потому что вспомнила, как заставляла миокрейта чирикать. Никак иначе!

— Тогда шавиару или чаиру?

Бли-и-ин! Да что ж за слова-то? Почему мой встроенный гугл-переводчик не работает на названия?

— Чаиру, — выбрала я знакомый напиток, решив не рисковать.

— Здесь неподалеку есть десертная, где подают лучшую чаиру в городе. Вы позволите?

Мужчина галантно протянул руку, и я, смущаясь, как школьница на первом свидании, вложила в нее пальцы. Мы зашагали по улицам Ритберга легко и естественно — так, словно делали это миллион раз: вдвоем и взявшись за руки. От здания к зданию, точно гирлянды, протянулись плотные нити с висящими на них крошечными кристаллами. Их приглушенный свет разгонял вечерний сумрак и мягко очерчивал идеальный профиль незнакомца.

— Как вас зовут? — произнесла я тихо, не желая рушить магию момента.

— Зовите Сейр.

Оценив формулировку, я хмыкнула.

— Это ведь не имя.

— Одно из них, — мой спутник склонил голову набок, заинтересованно глядя на меня. — Его короткая форма. А как мне можно обращаться к вам?

— Арина.

— Это тоже сокращенный вариант?

«Ага, от Никитиной Арины Арсеньевны», — фыркнула я про себя, вслух же выдала гораздо скромнее:

— Можно и так сказать.

Сейр прищурился, словно ожидал услышать иное, но быстро взял себя в руки и улыбнулся.

— У вас удивительное имя, прекраснейшая. Я искренне счастлив, что вы согласились на мое скромное предложение.

Мы остановились возле аккуратного домика с сахарно-розовыми ставнями — на этом моменте мой внутренний голос завопил однозначное «Фу-у!» — и большой вывеской в форме пирожного-корзинки, на которой значилось «Сорок шесть ванильных облаков».

Сейр галантно придержал дверь, пропуская меня в десертную, и вошел следом.

Внутреннее убранство вполне отвечало кошмарам, родившимся в моей голове, когда я увидела вывеску. Светлая мебель, обитая тканью с розовым цветочным принтом; висящие под потолком искусственные облака; небольшие растения в украшенных кружевом горшках. Не хватало только радужного пони за стойкой с десертами, чтобы завершить картину.

Сейр подвел меня к одному из диванчиков — приторно-розовых! — усадил и едва уловимым жестом подозвал официантку.

— Могу я полагаться на свой вкус? — с улыбкой уточнил он.

Я кивнула, морально готовясь получить что-нибудь воздушное и невообразимо сладкое.

Однако в своих опасениях я ошиблась. Это стало понятно, едва официантка поставила передо мной дымящуюся кружку чаиры и темный прямоугольник, отдаленно напоминающий брауни.

Оценив десерт, я с облегчением выдохнула, посмотрела выше и замерла, заметив плохо скрытое предвкушение во взгляде собеседника. Внутренний голос предупредительно зарычал, пуская волны дрожи по телу. Я передернула плечами, избавляясь от щекочущего ощущения, и с удивлением поняла: вместе с ним исчез флер очарования идеалом.

— Кто вы? — спросила я, едва мы с Сейром остались наедине.

— Сейр, — с полуулыбкой отозвался он.

— Вы не участник. — Я не спрашивала, а утверждала.

Ошибиться невозможно: другая одежда, отсутствие медальона и хранителя — передо мной кто угодно, но не один из моих товарищей по несчастью.

«Эти товарищи вообще-то уверены, что вытянули золотой билет Вилли Вонки», — напомнил внутренний голос.

— Верно.

— Вы были в Гайвимаре, а теперь вы здесь, в Ритберге.

Сейр не перебивал, с мягкой полуулыбкой наблюдая за мной.

— Так кто вы?

— Ты ведь уже сама догадалась. Только почему-то боишься признаться.

Переход на «ты» удивил гораздо меньше, чем осознание, что...

— Вы — один из богов тотализатора?

— Именно!

— Высший или низший?

Сейр качнул головой.

— А вот это уже неважно. Лучше попробуй десерт. — Он выразительно глянул на брауни у меня на тарелке. — Думаю, тебе понравится.

Я мазнула взглядом по сладости, но не притронулась к ней. Сейчас меня гораздо больше волновало иное:

— Что вам от меня нужно?

Губы Сейра дрогнули в намеке на улыбку.

— Просто компания. Дружеское общение. К тому же, мне показалось, я тебе понравился.

Щеки против воли вспыхнули пожаром.

— Тут нечего стесняться, — он понимающе улыбнулся и кончиками пальцев мягко коснулся моей ладони.

Я испуганно отдернула руку и поспешно глотнула чаиры, выигрывая себе хоть несколько

секунд, чтобы успокоиться. Одно дело восхищаться привлекательным незнакомцем, совсем другое — богом, который следил за мной. Глупо полагать, что ему действительно нужно «дружеское общение». А истинные причины нашей встречи, боюсь, мне не понравятся.

— Я не очень компанейский человек, — наконец произнесла я. — Интересных историй не знаю, шутки травить не умею, да и чужие не всегда понимаю. Большое спасибо за приглашение, но...

— Ты всерьез думаешь, что это разумно — отказывать богу?

Сейр выглядел спокойным, но я отчетливо ощутила исходящую от него угрозу. Стало жутко.

«Плохо дело», — вздохнул голос разума.

«Это я и сама знаю, — огрызнулась мысленно. — А план у нас есть?»

«Я пока ничего не придумал. Я нервничаю», — признался он.

Поняв, что внезапных гениальных идей не предвидится, я осторожно, стараясь не спровоцировать опасного собеседника, уточнила:

— Что все-таки могло понадобиться богу от простой землянки?

Сейр довольно прищурился — как рыбак, почувствовавший, что рыбка попалась на крючок.

— Сущая мелочь, я бы даже сказал — пустяк.

Так я и поверила! Ради пустяков боги с Олимпа не спускаются.

— Мне нужно, чтобы ты отказалась идти в храм, — выдержав мхатовскую паузу, наконец озвучил Сейр и расслабленно откинулся на мягкую спинку дивана. — Тебе ведь и самой не хочется туда, верно? Так зачем же ломать себя, заставляя делать что-то через силу?

Я не спешила с ответом, обдумывая услышанное. Потом едва заметно качнула головой:

— Дело ведь не во мне, правильно? Дело в Каперсе. Если я откажусь от участия в тотализаторе, его не простят.

Сейр прищурился. Причем так выразительно, что я невольно поежилась. Голос разума вновь дал о себе знать, завыв тихонько: «Аринка, тормози! Злить бога — не лучшая идея!» И в кои-то веки я с ним солидарна. Однако нужно во всем разобраться, а значит, отступить нельзя. По крайней мере, сейчас.

— Почему вы не хотите позволить Каперсу вернуть себе расположение Совета? Что особенного в моем хранителе, раз богу пришлось вмешиваться лично?

— Тебя это не касается, — холодно отрезал он. — Ты влезла не в ту игру, девочка.

— Влезла? Меня втянули! К тому же не я, так другая землянка шла бы к храму. Только в отличие от меня она бы *хотела* добраться до вашей святыни. — На последнем слове я презрительно скривилась.

— На нее я бы даже не стал тратить свое время.

— В каком смысле?

— Я бы просто избавился от нее. Или него, — безразлично добавил Сейр. — Но тебе, Арина, я даю шанс. Останешься в городе — выживешь. Отправишься к храму — умрешь. Все просто.

Да что ты говоришь?! Проще уж не придумаешь!

— Я поняла расклад, — кинула хмуро. — Теперь мне можно уйти?

— Ты так и не притронулась к десерту, — неодобрительно покачал он головой. — Попробуй.

— Спасибо, но я не хочу. Да и сладкое на ночь вредно...

— Ешь! — рявкнул он, заставив меня вздрогнуть.

Тот, кого я совсем недавно называла идеалом во плоти, сейчас пугал. Да, глубоко в душе я

хотела ответить резко, смело. Посмеяться над богом, как героиня Семицветиковых книжек — у них всегда хватает для этого дерзости. Однако во мне не нашлось и крупинки той дерзости. Балом правил здравый смысл, который настойчиво не советовал объявлять войну местному богу.

Одеревеневшими пальцами я кое-как сжала маленькую вилочку и, отломив кусочек десерта, запихнула его в рот.

— Вкусно ведь, правда?

На лицо Сейра вернулась дружеская симпатия. Только теперь, зная, какие демоны скрываются под этой маской, я больше не считаю его притягательным. Дважды на одни и те же грабли я не наступаю. Особенно если эти самые грабли стукнули меня по лбу всего секунду назад.

— Вкусно, — сухо кивнула я.

— Тогда доедай. Ешь, — с нажимом повторил бог, стоило мне замешкаться.

Монотонно запихивая в себя куски десерта, я просчитывала варианты развития ситуации. Хуже всего то, что ни один из них мне не нравится. Недавний урок я усвоила, и повторять ошибки не собираюсь. Но и умирать раньше времени в чужом мире желания нет.

— Ах, чуть не забыл, — вдруг спохватился Сейр. — Если проболтаешься своему жуку-вонючке о нашем разговоре — умрешь. Не сомневайся, я быстро об этом узнаю — спрятаться не успеешь.

— Какая вдохновляющая самоуверенность, — буркнула я, слишком поздно прикусив болтливый язык.

Однако Сейр не обиделся. Вместо этого он широко ухмыльнулся, явно довольный собой, и поделился:

— Поверь, у меня есть на то причины. Доела? Умница. А теперь свободна. Ну, чего сидишь? — снова прикрикнул он. — Встала и пошла!

Я послала Сейру убийственный взгляд и, не прощаясь, выскочила из десертной.

Глава 21

Я неслась по улицам Ритберга, злая, как слетевшая с катушек фурия. С губ срывалась отборная брань, а кулаки сжимались с такой силой, словно в каждой руке я стискивала шею Сейра. Список ненавистных богов Айгероса не просто пополнился — теперь в нем появился однозначный лидер!

Возле дома Когтя я остановилась. Нерешительно замерла у калитки и закусила губу. Не хочу показываться Каперсу на глаза в таком состоянии. Не хочу отвечать на вопросы, которые у него непременно возникнут. И врать ему тоже не хочу...

Я стояла, ухватившись пальцами за забор, и старалась выровнять дыхание.

«Все хорошо, Мандаринка. Ты справишься... как-нибудь, но справишься. Только не психуй», — уговаривал меня внутренний голос.

Медленно выдохнув через нос, я толкнула калитку и ступила на серую насыпную дорожку. Прислушалась к шороху гравия: приглушенный, он звучал словно шепот волн, омывающих галечный пляж. Выждала пять секунд, позволяя себе насладиться моментом; прикрыла глаза и сделала новый шаг.

Я превратилась в одно большое ухо, жадно ловящее каждый пережат камешков под ногами. Под успокаивающий хруст прошла еще семь шагов и остановилась, когда звук вдруг изменился. Посмотрела вниз. Черт! Цветы! Спешно отступила, присела. Коснулась пальцами помятых лепестков — полупрозрачных, с тонкими ажурными краями и бледно-лиловыми прожилками. Кто бы ни занимался цветами, он наверняка вложил в них много сил и любви. А я их растоптала.

Бушующие в груди эмоции вильнули и резко сменили направление: на место гнева пришла тоска. Настолько беспросветная, что через пару минут я была в шаге от того, чтобы расплакаться. Из-за погибших цветов, из-за того, что чуть не потеряла Каперса, из-за встречи с богом и из-за его требований.

— Что случилось на этот раз? — вздохнули сбоку.

Я взвизгнула, шарахнулась в сторону и, не удержав равновесия, бухнулась на попу.

В двух шагах от меня стоял Каперс, подергивая короткими ушками.

— Не ори, — поморщился он, — лучше скажи, в чем дело? Почему ты выглядишь так, словно только что похоронила кайатиру?

— Не смешно, — буркнула я, вставая и отряхивая штаны.

— А я и не шучу. Твои эмоции сильно фонят. Намного сильнее обычного. Я, конечно, понимаю, что, скорее всего, это откат от магирены. Но даже для нее фон слишком резонирующий. Итак, мне повторить вопрос?

Помня угрозы Сейра, я выдала первое, что пришло в голову:

— Цветы жалко. Красивые были.

— Столь сильные эмоции из-за дурацких цветов? — усомнился Каперс.

Я угрюмо кивнула и шмыгнула носом: тоска давила на плечи все сильнее. Оставалось лишь надеяться, что эти чувства — действительно откат от магирены. Все-таки гораздо приятнее считать себя рациональным человеком, который всегда руководствуется голосом рассудка, а не импульсивной барышней, ведомой гормональными всплесками.

Каперс на несколько секунд замер, сверля меня тяжелым взглядом, потом вздохнул и повернулся к загубленным растениям.

В этот раз не было ни золотой пылицы, ни раскатистых заклинаний на незнакомом мне языке — ничего из того, что, как я привыкла, сопровождало магию. Под взглядом хранителя цветы просто поднялись и распрямили помятые лепестки.

— Высшие и низшие боги, на какую глупость я расходую резерв? — буркнул Каперс, едва последний стебелек гордо встал по стойке «смирно».

А я, не сдержав эмоций, встала на колени и крепко обняла хранителя за шею.

— Арина? Что ты делаешь?! — дернулся он, но я удержала.

— Спасибо тебе, — поблагодарила искренне, зарываясь пальцами в жесткую шерсть.

— Брось, это несложно.

— Да, но ты не обязан был помогать.

— Дурочка, еще не поняла? — по-доброму ухмыльнулся хранитель, отстраняясь. — Я всегда тебе помогу. Ты же моя подопечная.

«И шанс на прощение», — добавил внутренний голос, который я поспешно заткнула.

— Спасибо, — повторила я, заглядывая в черные глаза капибара. — И... прости, что хотела отдать тебя Фиарин.

— Коготь рассказал, как ты пыталась меня спасти. Даже неожиданно, — не сдержал он язвительного комментария. — Но, если серьезно, хватит извиняться. Тебе не за что просить прощения — ты ведь не тащила меня волоком на эшафот. Ох, Арин, вот только не надо смотреть таким побитым взглядом!

Каперс несильно боднул меня в плечо.

— Ну что мне сказать? Что за все тотализаторы я такого насмотрелся, что ты со своим «коварным планом» рядом не стояла? Что я специально не остановился? Или ты надеешься, что я тоже начну извиняться? Не дожدهшься! Я знаю, что и почему делаю. А на чужое мнение или осуждение мне плевать. Ты — моя подопечная. *Моя!* И как сказал Коготь, мы стоим друг друга. Оба гордецы, упрямы и редко можем держать сарказм при себе. Так и оставайся такой! Не нужно превращаться в дрожащую кайатиру... Меня это бесит.

Я широко улыбнулась и кивнула.

— Ладно, пошли уже, — вздохнул Каперс и зашагал к дому. — Завтра снова подъем на рассвете, не вздумай проспать. Будить буду с особой жестокостью!

Я рассмеялась.

— Договорились, утренний тиран! Тогда спокойной ночи?

— Спокойной ночи, Ариш, — улыбнулся Каперс.

Я проснулась рано, как и всегда на Айгеросе. Сладко потянулась и замерла, до конца не веря происходящему. Вокруг было тихо: никто не орал над ухом, не кусал меня за ногу, не нудел на одной ноте...

Сегодня что, праздник?

Я с сомнением огляделась. На прикроватной тумбочке нашлась фарфоровая чашка, полная чаиры. Именно ее аромат и разбудил меня. Мягко и ненавязчиво.

Точно праздник! Других объяснений происходящему у меня попросту нет.

Спустив ноги с кровати, я придвинула к себе чашку и с удовольствием сделала первый глоток. Бодрящий, он пронесся по моему телу, словно маленькая доза адреналина.

Верно говорят: все познается в сравнении. В моей земной жизни утренний кофе был рутиной. Традицией. Привычкой. Тем, без чего не начинался ни один день. Здесь же, лишившись его, я заново оценила, какое же это счастье — просыпаться от насыщенного аромата любимого напитка.

Однако на чаире сюрпризы не закончились. Второй ждал меня на кресле: брюки, которые я вчера умудрилась замарать, оказались чистыми.

Хм, судя по всему, сегодня не просто праздник, а долгожданное всеайгеровское гуляние!

Быстро одевшись, я закопалась в мешок и выудила оттуда расческу. Привела волосы в порядок, заплела тугую косу и выскочила в коридор. Оттуда, перепрыгивая через ступеньку, спустилась по лестнице и вышла на кухню.

— Птенчик, да ты светишься, — с улыбкой заметил Коготь, едва я переступила порог. — Сон хороший приснился?

— Лучше! Утро выдалось замечательное. И все благодаря вам.

— Мне?!

— Ага, — я уверенно кивнула. Глупо полагать, что внезапные чудеса случились благодаря Каперсу. — Большое спасибо за чаю и чистые вещи!

Я опустила на свободное место сбоку от хозяина дома.

— Э-э, — он мельком глянул на капибара и снова повернулся ко мне. — Не за что, птенчик. Рад, что ты оценила.

— Ты, конечно, можешь потратить утро на благодарности, — в привычной надменной манере выдал Каперс, — но мы скоро пойдем дальше, и лишь от тебя зависит, отправишься ты в путь сытой или голодной. Я бы на твоём месте уже приступил к завтраку.

— Есть, ше-е-еф!

Я наполнила тарелку вязкой голубоватой кашей. Настроение было распрекрасным, и портить его препирательствами с хранителем не хотелось. Да и о чем спорить? Каперс прав: завтрак сам себя не съест!

Кстати, о завтраке и Каперсе.

— А ты сам есть не собираешься? Или... — я нахмурилась, — ты стесняешься?

— Чего? — не понял он.

— Кушать в нашем присутствии. Лапками ведь столовые приборы не удержишь, да и вообще капибары питаются корешками, корой, клубнями...

Громкий смех Когтя прервал мои старательные попытки вспомнить подробности жизни водосвинок.

— Арина, — вздохнул Каперс, — я ведь объяснял уже, что тело капибары — лишь образ. Поверь, корой я точно не питаюсь.

— Ладно, пусть так. Но тогда почему ты уже который день не ешь? Вот только не говори, что худеешь — не поверю.

Каперс хмыкнул.

— Тебя так сильно это беспокоит?

Я кивнула и поспешила добавить:

— Про то, что мы — люди — прожорливы, я помню. Но все же любому живому существу нужно питаться. Хоть иногда.

— Расслабься, маленькая намира, — тепло улыбнулся хозяин дома. — Он позавтракал незадолго до того, как ты спустилась.

Каперс наградил его недовольным взглядом, но Коготь не смутился.

— Сам виноват. Не строил бы из этого тайны, девочка бы не переживала по пустякам.

— Девочке надо беспокоиться о себе, а не обо мне.

Слушать о себе в третьем лице я не люблю, но сейчас почти не обратила на это внимания. Гораздо больше заинтересовало другое:

— То есть ты стесняешься именно меня?

— Я не стесняюсь, — упрямо возразил Каперс. — Просто в естественном облике мне есть проще.

На несколько секунд я обдумывала услышанное. Потом спросила:

— Ты не хочешь, чтобы я увидела настоящего тебя, верно? — Он промолчал, и я восприняла это как согласие. — Но почему?

— Потому что для тебя мой облик именно такой — капибары. Смирись.

Я закусила губу и нахмурилась. То, что Каперс ушел от прямого ответа, было ясно. Причем, судя по неодобрению на лице Когтя, не только мне.

Наверное, я могла бы попытаться «дожать» грызуна, настоять на своем, добиться правды... Но зачем? У каждого есть право на тайны. Мне ли не знать? Поэтому я просто сменила тему:

— Далеко отсюда до бухты Намеры?

— День, если не станем медлить и отвлекаться на спасение очередных кайатир, — насмешливо дернул ухом Каперс. — В худшем случае — полтора.

— А от бухты до храма?

— Четыре дня на корабле до Ираинского архипелага, а дальше — зависит от храма.

— То есть?

— Создавая тотализатор, боги решили, что будет... интереснее... — Каперс задумался, явно подбирая слова, — если место финиша окажется... эм-м... динамичным.

На секунду мне показалось, что я ослышалась. Но глядя в серьезную морду капибара, поняла, что он не шутит. Он что же, на полном серьезе пытается убедить меня, что...

— Храм перемещается с места на место, — пояснил Коготь, явно впечатлившись моим ступором.

Я повернулась к хозяину дома, кивнула и, совладав с голосом, выдавила:

— Сколько островов входит в Ираинский архипелаг?

— Девяносто два. Но храм перемещается лишь по пятнадцати из них.

Лишь?!

— Как мы пойдем, на который из островов нам надо? Только не говори, что придется скакать с одного на другой наугад!

— Не придумывай, — отмахнулся Каперс. — Хранители чувствуют храм.

— Но?.. — подтолкнула я, ощутив, что он недоговаривает.

— Но мы не всегда можем отличить, что ощущаем: само святилище или его эхо, — неохотно закончил он.

— Эхо?

— Магический шлейф, след, если тебе так понятнее. Каждый бог тотализатора вложил в храм часть своей силы, превратив его в сильнейший на Айгеросе артефакт. Излучаемое им эхо тянется вплоть до двух последних местоположений, поэтому довольно сложно определить, где храм находится в данный момент.

— Получается, — я пожевала губу, обдумывая информацию, — в худшем случае нам придется побывать на трех островах архипелага: двух «эховых» и одном действующем?

— Верно. Поэтому хватит рассиживаться, — завел привычную пластинку Каперс. — Доедай, и пошли. Да, и не забудь во-он тот сверток.

Он ткнул лапой куда-то мне за спину. Обернувшись, я нашла взглядом тряпичный прямоугольник, очень похожий на тот, что нам дала с собой Пышка. Спрашивать, что в нем, не стала — и так понятно. Вместо этого от души поблагодарила Когтя за гостеприимство, сложила провизию в мешок и вслед за Каперсом покинула дом.

Глава 22

Мы успели выйти из Ритберга и оставить северные ворота далеко за спиной, а я все думала над прощальными словами Черного Когтя. Как на повторе прокручивала в голове момент, когда в порыве искренней симпатии обняла миокрейта. И будто заново слышала обжигающий кожу шепот: «Береги его, маленькая намира».

Что Коготь хотел этим сказать? Беспокоился, не выкину ли я очередную глупость? Или давал понять, что знает об угрозе Сейра? Но откуда? И если Каперс действительно в опасности, то как мне, простому человеку, защитить его? Что я могу противопоставить тому, кто вдохнул в Айгерос жизнь?

Голова разрывалась от вопросов. Я чувствовала себя слепым котенком... на минном поле... над которым летают голодные грифы. В общем, шансы на выживание нулевые.

Если я пойду в храм, Сейр меня убьет. Если не пойду, Каперс начнет допытываться, рано или поздно выяснит правду, и Сейр меня убьет. При любом раскладе финал остается неизменным. И меня это совершенно не устраивает.

Исход моего «быть или не быть» решил вопрос «срочности» божественной кары. Во втором случае — в котором Каперс узнает подробности моего вчерашнего чаепития — Сейр уничтожит меня сразу же. А вот первый вариант оставляет шанс, — а вернее, призрачную надежду — на спасение.

Собственно, на этой мысли мы с моей рациональной половиной пришли к соглашению, рассудив, что идти к храму — меньшее из зол.

На обед Каперс решил не останавливаться, так что перекусывать веганскими лепешками с овощами мне пришлось на ходу. Сам он к еде не притронулся.

Мы шли молча до самого вечера: я, слишком погруженная в мысли, не спешила заводить разговор, Каперс же в принципе без дела не болтал. Лишь когда на горизонте показалась полоска моря, алая в лучах заходящего солнца, я не смогла сдержать восхищенного вздоха.

— Рано радуешься. До Марайтара — портового города — еще миранов девять. Дойдем к ночи.

Я кивнула и зашагала с удвоенным усердием. Осознание, что очередной марш-бросок скоро закончится, открыло второе дыхание. Даже лямки мешка перестали натирать плечи! Хотя, нет. Здесь я погорячилась. Кожа под тонкой рубашкой уже горит, а мышцы ноют. Но я все равно счастлива. Город! Скоро город!

В своих прогнозах Каперс не ошибся: мы вошли в Марайтар глубокой ночью. Пропетляв по улицам города, хранитель привел нас к трехэтажному дому. Ни фасад, ни вывеску (если таковая вообще имеется) я не смогла разобрать — ночная тьма скрывала все. Оставалось лишь довериться мохнатому спутнику и войти следом в небольшое, пахнущее сыростью помещение.

Кристаллы-светильники работали вполсилы (если даже не в треть), выхватывая из полумрака лишь очертания: высокие шкафы, столы; собранные попарно, сиденье к сиденью, стулья.

— Вы поздно, — прокряхтели сбоку.

Испугавшись внезапного звука, я резко отскочила за хранителя и огляделась. Никого. В комнате лишь мы с Каперсом. Но кто тогда...

— Ишь какая пуганая, — недовольно крикнул невидимка и с противным звуком — тем самым, что так похож на бьющееся стекло! — появился.

В воздухе перед нами завис светящийся кузнечик. Почти такой же, как Терейя, только не оранжевый, а темно-синий.

Так мы в кардарве?

— А слухи, как я погляжу, не врут. — Насекомое-переросток внимательно оглядело меня с ног до головы, словно я консервированный горошек, а он — вездливый покупатель, ищущий на банке срок годности. — И вправду землянку всучили. Да еще и женщину.

Кузнечик поморщился. Я открыла рот, собираясь узнать, чем женщины-участницы хуже мужчин, но тут заговорил Каперс:

— Об этом, если хочешь, мы поговорим позже. А сейчас отведи Арину в комнату и принеси ей ужин. Я буду в покоях хранителей.

Покоях? Кто-то шикует.

— Конечно, — поклонился кузнечик, — как прикажешь. Пошли, землянка.

— Вообще-то, у меня есть имя — Арина. И можно помедленнее?

Измученная дневным переходом, я еле переставляла ноги. О том, чтобы бежать вслед за провожатым, речи не шло.

— Не можно, — грубо бросил он через плечо. — У меня кроме тебя дел хватает. Более важных, попрошу заметить.

Я встала посреди коридора, уперлась ладонью в стену и попыталась восстановить дыхание.

— Ты чего там застряла? — недовольно проворчал кузнечик, возвращаясь. — Быстрее шевелиться не пробовала?

Я подняла голову и, прищурившись, уставилась в вытянутые глаза иномирца.

— Пробовала.

— И?

— Не получилось, — выдала мстительно. — Так что вам придется подстроиться под мой темп.

— Или бросить тебя тут, — насекомое скрестило лапки на груди.

— Бросайте. Только не удивляйтесь, если я займу любую из понравившихся комнат... или вообще уйду в самоволку.

— Куда?

— Куда угодно. Главное — отсюда подальше, — охотно пояснила я. — С моим хранителем будете потом сами разбираться.

Кузнечик зло дернул нижними конечностями, с громким хлопком исчез... а через несколько секунд появился вновь.

— Ладно, — выдавил он сквозь зубы. — Пошли медленнее, — и на грани слышимости добавил: — Слабачка.

«Можно приложить его мешком о стену, — деловито предложила эмоциональная половина. — Так сказать, в воспитательных целях».

Я тряхнула головой, отгоняя непрошеную, но внезапно очень привлекательную мысль, и поплелась за летящим впереди провожатым. Будто назло, он заставил меня подняться на третий этаж и доползти почти до конца коридора.

«Разумеется, в полупустом кардарве свободная комната всего одна, и та в другом конце здания, — мысленно ворчала я, переставляя ватные от усталости ноги. — А отчего не на чердаке?»

Наконец мы остановились, и кузнечик коснулся лапкой двери.

— Открыто, — пояснил он. — Ужин отправлю через десять минут. Потерпишь или снова решишь уйти в сараволку?

— Самоволку, — поправила машинально. — Подожду, спасибо.

— Я счастлив, — съязвил смотритель и двинулся обратно.

— Подождите!

— Чего еще? — Он обернулся и уставился на меня взглядом из серии «я тебя не знаю, но уже ненавижу».

— Почему вы так грубы? Терейя была намного приветливее.

— Терейя встречала мало землян.

— А вы?

— Достаточно, — сухо отрезал он.

— Достаточно — это сколько? — не отступала я. — Если можно, в штуках, пожалуйста.

Смотритель кардарва скривился, словно впервые в жизни попробовал маслину, но ответил:

— Ты — третья.

— И вы серьезно считаете, что этого достаточно для каких-либо выводов?!

— Более чем. — Тонкие темно-синие лапки вновь скрестились на груди.

— Тогда я могу с уверенностью утверждать, что половина всех представителей расы кузнечиков — хамы!

— Наша раса называется дажгримут. И ты ничего о нас не знаешь!

— Как и вы о землянах. Однако почему-то решили, что имеете право нас судить.

Черные глаза полыхнули гневом.

— Ничего я о вас не знаю? — прошипел он, подлетая ближе. — А ты никогда не спрашивала своего хранителя, за что его наказали? Или кто тому виной?

Я нахмурилась.

— Спрашивала. Он не ответил.

— Ну еще бы, — хмыкнул смотритель. — После такого я бы тоже не спешил доверять вашему племени. Хватит, землянка, — оборвал он, едва я открыла рот. — Мне надоело с тобой разговаривать. Ужин скоро будет.

Не прощаясь, он исчез.

— Меня зовут Арина, — произнесла я в пустоту коридора и толкнула дверь.

Комната оказалась идентична той, куда меня проводила Терейя в первый вечер на Айгеросе. Такая же односпальная кровать, стул с деревянной спинкой, сундук и овальный ковер. И — что важнее и желаннее! — ванна. Понятная, безопасная! Никаких жутких шкафов, так похожих на гроб, никаких центрифуг и турбо-полосканий. Только большая круглая купальня, выложенная мелкой голубой мозаикой.

Не удержавшись, я счастливо пискнула и повернула вентили. Пока ванна набиралась, я разулась, скинула грязные вещи на пол и, придвинув небольшую этажерку с разноцветными баночками, забралась в воду. Умолив голову на широком бортике, прикрыла глаза и расслабилась. Ощущения были странными, но приятными: тело едва ощутимо пульсировало, медленно сбрасывая накопившуюся усталость, как змея — старую кожу. Ступни покалывало.

Если бы только можно было остаться тут! Не идти дальше, не поворачивать обратно. Просто замереть и притвориться, что мира за пределами кардарва не существует. Нет тотализатора, нет самовлюбленных богов, нет Сейра... и Каперса тоже нет.

Напряжение, током прострелившее по телу, заставило дернуться и сесть. Я бегло огляделась и обняла себя за плечи.

— Что, Мандаринка, уже не можешь представить Айгерос без навязанного хранителя? — кисло усмехнулась я, глядя в свое отражение на водной глади. Провела по нему рукой, пуская рябь, и качнула головой. — Не стоило привязываться к нему. Ох, не стоило. А теперь что?

Никто не ответил. Хотя это и к лучшему. Признаться, я бы сильно перепугалась, вступи айгеросовская ванна со мной в диалог.

Улыбнувшись нелепым мыслям, я с головой погрузилась в воду, вынырнула и принялась намывать. Рефлексия рефлексией, а ужин стынет!

Выбралась из ванной я минут через двадцать. Чистая, счастливая и почти отдохнувшая.

Закуталась в огромный халат, полы которого волочились за мной, словно королевская мантия. Совсем как в детстве, когда я надевала папин полосатый халат и носилась в нем по квартире, стараясь заставить «хвост» взлететь.

Воспоминания о родителях разлились в груди кисло-сладкой грустью. Я ценю каждый миг, проведенный вместе, но не могу перестать злиться на них за то, что оставили меня. Знаю, то не их вина. Но и поделаться с собой ничего не могу.

Поднос с ужином стоял на кровати. Если, конечно, тарелку с четырьмя оранжевыми клубнями и кружку с ягодным отваром можно назвать полноценным ужином. Видимо, неприязнь местного зрителя не позволила ему расщедриться хотя бы на пять айгеросовских картофелин. Что ж, и на том спасибо.

Я с ногами забралась на кровать, подтянула края халата, закутавшись в них, и принялась за еду. Клубни оказались очень сухими. Я с тоской думала о кетчупе, который мог бы спасти ситуацию, и запивала каждый кусочек отваром. Едва тарелка и кружка опустели, поднос с посудой исчез.

Я хмыкнула. Это что же, кузнечик караулил, пока я доем? Смешной.

Спустившись с кровати, проверила чистую одежду в сундуке и уже хотела было лечь спать, но тут в дверь постучали. Я напряглась.

— Кто там?

Надеюсь, это не очередной участник тотализатора? Лично мне проблем и так хватает.

— Я, — донеслось из коридора приглушенно. А я не смогла сдержать облегченного вздоха, узнав голос Каперса.

Придерживая полы халата, дошла до двери и приоткрыла ее.

— Что-то случилось?

— Все в порядке, не переживай, — успокоил хранитель и тут же огорошил вопросом: — Ты сильно устала?

— Э-э... — на несколько секунд я растерялась, потом честно ответила: — Вообще да, но после ванны чувствую себя лучше.

— Отлично. Тогда одевайся. Я подожду здесь.

— Погоди, погоди, — попыталась я умирить его пыл. — Зачем? Ты не нагулялся?

— Собирайся, — подмигнул Каперс. — Тебе понравится. Обещаю.

Глава 23

Яна мгновение замерла, потом кивнула и скрылась за дверью. Достала из сундука чистые вещи, быстро оделась. Влажные волосы оставила распущенными.

— Ты шустро, — заметил Каперс, стоило мне выйти в коридор.

— На Айгеросе натренировалась. А все потому, что один вредный хранитель выделяет на сборы не больше пяти минут!

— Можешь не благодарить.

— Ха! И не планировала.

Мы вышли на лестницу.

— Джарий сильно бурчал?

— Ты про синего кузнечика? — уточнила я и получила кивок в ответ. — Скажем так: курсы по работе с клиентами ему точно не помешают.

Каперс хмыкнул.

— Не суди его строго. Он старый.

— Что с того? На Земле есть много добрых пенсионеров. Они пекут изумительные пирожки, читают книги, играют в шашки и балуют внуков.

— Ты не понимаешь, Ариш. Он видел... многое. Но, что важнее, он отказывается забывать увиденное. А ведь есть вещи, помнить которые не следует.

— Например, о другой землянке?

— Например, о ней, — согласился хранитель.

Оказавшись у подножия лестницы, я остановилась и потянулась в надежде скинуть напряжение. Мышцы ног ныли, как после долгой тренировки в зале.

— Болит? — спросил Каперс, глядя на мою недоюгу.

— Ерунда. За ночь пройдет, — отмахнулась я и следом за ним вышла из кардарва.

В окнах домов не горел свет, не было нитей кристаллов, натянутых вдоль улицы, как Ритберге. Не лаяли собаки (интересно, они на Айгеросе вообще водятся?), и не слышались даже отголоски разговоров. Казалось, вокруг нас ничего не существует. Только темнота. Стало неуютно.

— Кап, а тут безопасно? — спросила напряженно.

— Рядом со мной — да.

В голосе хранителя не прозвучало бравады или хвастовства — только уверенное спокойствие. Так может говорить лишь тот, кто не сомневается в сказанном ни секунды. И я поверила. Мгновенно и безоговорочно.

— Скажешь, куда мы идем?

— Не-а, — он хитро прищурился. — Потерпи немного, скоро сама увидишь.

Я улыбнулась и продолжила шагать.

Станным образом темнота вокруг больше не казалась неуютной. Наоборот — теперь она мне нравилась. Я наслаждалась нашей внеплановой прогулкой и доверительным молчанием. Запрокинув голову, любовалась звездным небом. И даже упасть не боялась.

Мы шли минут двадцать, прежде чем на горизонте, прорезая густую тьму, сверкнула голубая полоса.

— Что это?

— Не скажу, иначе испорчу сюрприз, — хмыкнул Каперс. — Наберись терпения. Уже чуть-чуть осталось.

Вскоре улица вильнула и вывела к набережной. Наплевав на осторожность, я подбежала к невысокому ограждению и перегнулась через него.

— Вода светится! — выдала ошарашенно, не в силах отвести взгляд от мерцающих гребней.

— Не совсем. Пошли. — Меня легко боднули, толкая влево. — Там спуск.

И правда — в нескольких метрах от того места, где стояла я, нашлась каменная лестница, ведущая к пляжу.

Песок под кедами едва слышно поскрипывал. Воздух пах солью, а теплый ветер легко трепал мои влажные волосы.

— Поняла уже? — Каперс искоса взглянул на меня.

— Светится не вода, — восторженно выдохнула я, следя за тем, как по волнам скользят мерцающие пятна.

— Верно. Это шаярны. Светится их кожа.

— Кто они? Русалки?

— Нет, скорее рыбы с очень плотной кожей. Хотя по большому счету это даже не кожа, а защитный панцирь. А вот уже под ним — мягкая ткань.

— А почему панцирь светится?

— Такими их создал Дайриким — бог воды. Шаярны водятся лишь в прибрежных зонах, и свет их панцирей не дает кораблям налететь на мель.

— Рыбы-маяки, — улыбнулась я, глядя на переливающуюся голубым светом воду.

Мы сели на песок.

— Спасибо!

— Не за что. Рад, что тебе понравилось.

На некоторое время мы замолчали. Я любовалась удивительным зрелищем и впервые за долгое время ни о чем не думала. На душе было спокойно.

— Арин, — тихо позвал Каперс. Я повернулась и встретила его внимательный взгляд. — Расскажешь, почему ты перестала мечтать? Не ври, что всегда была такой рационалисткой. Я вижу, с каким искренним восторгом ты разглядываешь все, что тебе кажется диковинным. Твой интерес к миру — неподдельный. И он уж точно не рациональный.

Я отвернулась и обняла согнутые колени.

— Зачем тебе это? — мой голос прозвучал глухо.

— Хочу понять.

— Что?

— Тебя.

— С чего бы? Я ведь землянка. Для тебя и этого... Джария, — с трудом вспомнила имя зрителя, — ведь нет разницы между нами. Земляне — кость в горле. Так, кажется, ты говорил?

— Говорил, — не стал отнекиваться Каперс. — Но ты... Я не хочу равнять тебя и остальных.

— Почему? Еще недавно, кажется, ты был очень даже за. Джарию хватило двух моих соплеменников, чтобы сделать окончательные выводы.

— Я видел гораздо больше землян, чем Джарий.

— Охотно верю. И что, неужели они все были одинаковыми? Таким ужасными, что заслужили твое презрение? Ненависть? Или всему виной лишь одна из нас? А что же остальные? Они чем провинились?

— У ненависти нет логики, — устало произнес Каперс. — Я злился. Нет, — он качнул головой. — Я был в бешенстве. И не желал больше видеть ни одного землянина. Никогда.

— Но они ведь оказывались на тотализаторе?

— Разумеется. Каждый раз.

— И ты... — я на мгновение замерла, но все же закончила мысль, — мстил им?

— Да, — твердо ответил он. — Несколько погибло из-за меня.

Я закрыла глаза и отвернулась.

Молчание затягивалось. Каперс не давил на меня, позволяя переварить услышанное. Оправдываться или пояснять свои действия он тоже не спешил.

— Так почему ты хочешь понять меня? — Спустя вечность я нашла в себе силы продолжить разговор. — Что изменилось?

— Я осознал, что был не прав. Не хочу в будущем повторить старые ошибки. Ты показала, насколько разными могут быть люди. То, какими я вас запомнил, и ты — словно разные расы.

— Не в расах дело. Среди моих соплеменников достаточно подонков, но порядочных, добрых людей — больше. Простая ведь истина. К твоим-то годам наверняка уже можно разобраться, что к чему.

— Прозвучало так, будто ты меня за старика держишь. — Каперс едва заметно улыбнулся.

— По сравнению со мной где-то так и есть.

— Наша жизнь не в пример дольше. А потому и взрослеем мы медленнее. Иначе к двумстам годам вокруг были бы одни мудрые, но уставшие от жизни юнцы.

Я хмыкнула, попытавшись представить описанную картину.

— Ты прав, — произнесла тихо. — Раньше я много мечтала. О волшебных созданиях, невиданных странах и удивительных приключениях. О любви — такой, чтоб захватывало дух и замирало сердце. О том, какой бы я могла быть... Но чем сильнее я погружалась в фантазии, тем сложнее приходилось в жизни. Реальный мир — без драконов и магии — стал казаться серым. И я все чаще искала спасения за стенами воздушных замков, пока однажды с ужасом не осознала, что теряю себя. Теряю возможность быть счастливой здесь и сейчас — в неидеальном, но реальном мире. Понимаешь? Мне пришлось отказаться от глупых грез и фантазий. Это дало мне силы принять свою жизнь такой, какая она есть.

— Ты отказалась не от глупых грез, — возразил хранитель. — Ты отказалась от себя самой. Повернулась спиной к собственной душе. А это преступление страшнее любого из твоего реального мира.

— Сказал тот, кто мечтал о... о чем? Уничтожить всех землян, которым не посчастливилось оказаться на Айгеросе?

— Я был не прав, сказал ведь уже. И хватит вынуждать меня повторять эту фразу!

Я хитро прищурилась, словно лисица, придумавшая, как выселить зайчика из лубяной избушки. И вкрадчиво произнесла:

— А скажи еще раз.

— Ты издеваешься?

Мои губы растянулись в усмешке.

— Ты издеваешься, — перевел Каперс, трижды фыркнул (или чихнул?) и хмуро посмотрел на меня. — Ладно, но в последний раз! Я... был... не прав, — мучительно медленно выдавил он.

— А можешь сказать еще: «земляне хорошие и не обязаны расплачиваться за грехи одной

дуры»?

— А не обнаглел ли кое-кто?

Я сделала самое честное лицо, на которое только способна. Правда, удержать это выражение дольше четырех секунд не смогла — довольная улыбка расплзлась от уха до уха. Вредный, заносчивый, плюющий на мнение окружающих хранитель признал свою ошибку. Трижды!

— Если ты сейчас полезешь обниматься, я тебя укушу, — предупредил Каперс.

Я рассмеялась.

— Как догадался?

— У тебя все на лице написано. Да и вообще, — он качнул головой, пряча добрую усмешку, — когда тебя переполняют чувства, ты склонна к спонтанным объятиям.

— Не всем же быть снобичными сухарями. — Я подмигнула и встала с песка.

Тело такого изменения не оценило. Мышцы заныли, как избалованный ребенок, требующий вернуть пуделя, цветного от пятен гуаши. Желанным пуделем сейчас выступал теплый песочек, на котором тело хотело лежать, сидеть — без разницы! Лишь бы не шевелиться.

Я охнула и уперлась ладонями в колени.

— Смотрю, не такая уж это и ерунда, как ты пыталась меня уверить, — заметил Каперс, неодобрительно глядя на согнутую меня.

— Так всегда после паузы. Сейчас разомнусь немного, потом сделаю первые шаги, затем втянусь...

— А утром вообще не встанешь, — закончил он. — Стой, не двигайся.

Последний приказ был явно лишний. Сейчас я могу максимум выразительно сопеть, а вот шевелиться — вряд ли.

Каперс произнес короткую фразу на раскатистом «капибарском наречии», и мое тело словно впихнули в невидимый вакуумный пакет: воздух уплотнился, надавил и... впитался? Бр-р!

— Чего стоим? — фыркнул Каперс, разворачиваясь к лестнице.

Осторожно, опасаясь нового мышечного спазма, я выпрямилась, прислушалась к себе... Не болит! Действительно больше ничего не болит!

— Кап, спасибо! — крикнула я и кинулась догонять уже взбравшегося до середины лестницы хранителя.

— Да на здоровье. Только сделай одолжение — ори потише. Ночь все-таки.

Ворчливый Каперс — привычный Каперс. Я хмыкнула и зашагала рядом.

— Когда мы отплываем на архипелаг?

— Завтра.

— А корабль?

— С утра договарюсь.

— Уверен, что будут отплывающие в нужную нам сторону?

— Не будут — появятся, — заявил грызун, на что я лишь пожала плечами.

В кардарве нас ждал Джарий. И, судя по скрещенным на груди лапкам (видимо, его любимая поза), он чем-то недоволен. Морально я готовилась к бурчанию в духе: «Где вас носило? Ночь на дворе! А вы не в постелях!»; но потом вспомнила, что Джарий, к счастью, нам не отец, а мы — не дети.

— Я думал, мы успеем поговорить, — угрюмо выдал смотритель.

— Обязательно, — Каперс остался невозмутим. — Ариш, — он повернулся ко мне, — иди спать. Завтра рано вставать.

— А разве тут бывает иначе? — с усмешкой заметила я. — Ладно, доброй ночи, Кап.

Имя хранителя выделила интонацией, давая понять, что мое пожелание распространяется исключительно на капибара. Противным кузнечикам я не собираюсь желать ничего, кроме уменьшения природной вредности.

Чувствуя легкость во всем теле, я взбежала по лестнице, заскочила в комнату, быстро скинула обувь, штаны и завалилась спать. Организм, привыкший к практически армейскому ритму жизни, мгновенно отрубился.

Глава 24

Утром я проснулась от стука собственных зубов. Одеяло, видимо, сползло и оставило меня на растерзание прохладному воздуху. Не размыкая век, я сонно пошарила рукой по кровати в надежде отыскать пропажу — но тщетно. Холод покусывал за ноги, и я подтянула колени к груди, пытаясь сохранить крупницы тепла. Сейчас главное — быстро заснуть, и тогда можно урвать еще хотя бы часок сна.

Едва ощутимый сквозняк пробрался под рубашку, прокатился вдоль позвоночника. Я поежилась, попыталась пригладить вставшие дыбом волоски, перевернулась на другой бок — спиной к стене — и сонно приоткрыла один глаз.

Поняв причину внеплановой Арктики, тут же разлепила оба глаза и вытаращилась на открывшуюся взору картину. На полу, обложившись одеялом по кругу, сидел Каперс.

— Если ты решил свить себе гнездо, рекомендую выбрать для этого другую комнату и другое одеяло.

Свесившись с кровати, я ухватилась за уголок пододеяльника и потянула его на себя.

— Хранители не вьют гнезда, — буднично заметил этот прохвост, наступив лапой на почти отвоеванный край.

— Если не отдашь мне одеяло, ты у меня не только гнездо совьешь, но еще и птенцов высидишь, — рыкнула я, с удвоенным усердием потянув на себя матерчатый «хвост».

Несмотря на мой грозный вид — а у растрепанной меня вид именно такой, — Каперс не смутился. Напротив, эта мохнатая зараза довольно лыбилась!

— Забавная ты все-таки по утрам, — хмыкнул он и резко убрал лапу с пододеяльника.

Я, продолжавшая тянуть и лишившаяся противодействия, отлетела к стене. Сверху на меня приземлилось одеяло. Однако радости по поводу отвоеванной вещи не было. Выбравшись на поверхность — почти как тот самый кротик из чешских мультиков, — я злобно уставилась на хранителя.

— Убью, грызун!

Вместо ответа он выскочил в коридор и нагло ухмылялся мне оттуда.

— Что, думаешь, не достану? — прорычала я, спрыгнула с кровати и попыталась схватить негодяя.

— Ха! Почти! — поддел он, увернувшись в последний момент. Отскочил, довольно скалясь, оглядел меня и выдал: — Давненько по коридорам кардарва не носились девицы, щеголяя нижним бельем.

Я запоздало вспомнила, что из одежды на мне лишь «фирменная» рубашка участника и... земные трусы. Обычные такие, синие, в мелкий белый горошек. Инстинктивно я слегка присела и натянула край рубашки как можно ниже.

— Дивная расцветка! — не удержался от шпильки Каперс, улыбаясь так, словно только что стал победителем игры «Кто хочет стать миллионером?».

Не знаю, хотел ли Каперс стать миллионером, но вот шанс стать отбивной у него появился весьма реальный.

— Собирайся, — хмыкнула недоотбивная. — У тебя пять минут. Завтрак возьмешь с собой. Нас ждет корабль.

Ночью Марайтар показался мне пустым, нелюдимым и мрачным, но солнечный свет преобразил город. Цветные дома — не только крыши и ставни, как в Ритберге, а здания целиком, — магазины, пекарни, цирюльни. Небольшой рынок, часовня и школа... Я старалась рассмотреть все. Однако спроси меня, какой он — Марайтар, и я не отвечу.

Фасады домов, торговые лотки и вывески почти не отпечатались в памяти. Вместо них запомнились жители. Правда, отличить, кто местный, а кто здесь проездом, я не могла: в глазах пестрило от диковинных обликов и яркой одежды всевозможных стилей.

Как было бы здорово задержаться тут хоть на денек! Прогуляться по улицам, никуда не торопясь; сесть, например, вон в том летнике у десертной, откуда доносится умопомрачительный запах сдобы и пряностей, и просто наблюдать. Выпасть из ритма города, остановиться и насладиться происходящим. Каждым моментом. Прочувствовать, запомнить...

— Арина, давай шустрее. — Каперс снова обернулся и недовольно скривился. Еще бы, это уже его третья попытка вырвать меня из цветного хоровода утренней жизни в Марайтаре.

Я послушно прибавила ходу и завертела головой с удвоенным усердием, надеясь, что, выпустив из внимания дорогу, не споткнусь.

Наконец мы вышли к порту. Гомон вокруг стал... разнообразнее. По крайней мере, ругательств и всякого рода нецензурщины ощутимо прибавилось. Вдоль причалов стояли деревянные барки, на которые споро грузили ящики, бочки, небольшие клетки с каким-то зверьем.

— А где наш корабль? — не поняла я.

Не на этих же плоскодонках мы поплывем на Ираинский архипелаг!

— Ждет нас, — отозвался Каперс. — Здесь довольно мелко, поэтому все корабли останавливаются в нескольких миранах от берега. Связь между ними и берегом идет через ремисы. — Он кивком указал на ближайшую барку.

— Неудобно, наверное...

— Почему? В бухте Намеры много портов, Марайтар — лишь один из них. Если бы не ремисы, кораблю приходилось бы заходить в каждый, разгружать товар, загружать новый, плыть в следующий по...

— По-а-асторонись! — громкий оклик прервал Каперса на полуслове.

Мы замерли, пропустили трех крепких мужичков, катящих здоровую бочку. И продолжили путь.

— Корабли встают на якорь в глубоких водах. Посылают сигналы в те города, для которых есть груз, или в те, где желают приобрести товар, — и к кораблю тут же отправляется ремис. Экономия времени исчисляется днями! — менторским тоном подчеркнул он. — Так что изначальное природное неудобство подтолкнуло к весьма полезному решению проблемы.

Я по-новому взглянула на деревянные суденышки, слабо покачивающиеся на волнах.

— Пойдем, — в очередной раз поторопил хранитель. — Вон тот ремис, — он кивнул на барку с широкой желтой полосой вдоль корпуса, — наш.

На борту суденышка было шумно и тесно. Нас с Каперсом оттеснили к левому борту и зажали возле бочек, в которых что-то подозрительно булькало на каждое покачивание барки.

— Халкор, — ответил Каперс на незаданный вопрос. — Дешевый крепкий алкоголь. Думаю, далеко не все из этого, — он окинул взглядом ряд бочек, — на продажу. Или даже вообще ничего...

— Ты что, подрядил нам в плавание отряд алкоголиков?!

— Арина, солнышко, — насмешливо хмыкнул он, — если найдешь непьющих матросов, дай знать. Я бы поглядел на эту диковинку. К тому же, — добавил быстро, не давая мне вставить и слова, — халкором можно обрабатывать раны, если вдруг возникнет необходимость.

Интересно, почему, стоило мне услышать про раны, в голове сразу возникли мысли о поножовщине, а не о производственных травмах? Видимо, потому что представить пьяного вусмерть матроса, порезавшего палец в момент кулинарных изысков, у меня попросту не получалось.

Однако высказать опасения вслух я не успела. Барка в очередной раз качнулась и отчалила.

До корабля мы плыли около часа, может, чуть дольше. По дороге я пыталась высмотреть сквозь толщу воды шаярнов, но, как пояснил Каперс, их защитный панцирь светится лишь ночью, а днем накапливает свет. Я пожала плечами и уставилась в даль — искать взглядом наш корабль.

Безумно хотелось узнать, каким он окажется: похожим на древнегреческую галеру или скандинавский кнорр? А может, на классический европейский парусник? К моему стыду, других видов старинных кораблей я не знаю. А в возможность увидеть семипалубный лайнер верилось с трудом.

Однако все мои догадки оказались пустыми — айгеровский корабль оказался не похож ни на галеру, ни на парусник, ни на кнорр. Скорее он напоминал половинку баклажана, утыканную зубочистками.

И мы поплывем на этом?! С командой пьяных матросов?!

В голове закружилась полная неразбериха. Я переводила испуганный взгляд с плавающего баклажана на бочки с халкором и обратно. Каперс с усмешкой наблюдал за мной, но успокаивать не спешил. Не добивал — и то спасибо.

Чем ближе мы подплывали к баклажану, тем сильнее становилось желание выбраться за борт и вернуться на берег вплавь. Останавливало лишь то, что берег превратился в узкую полоску и возможность утонуть в пути казалась гораздо вероятнее.

Хорошо хоть я уже плавала на кораблях. А то, боюсь, совладать с моей паникой не смог бы ни один из богов тотализатора. Хотя... плавала-то я на теплоходах. По реке. А не на баклажане по океану!

Я снова обернулась и посмотрела на удаляющуюся полоску берега. Может, все-таки рискнуть?

— Арина, хватит, — не выдержал Каперс. — Лиагры и то ведут себя спокойнее!

— Кто?

— Лиагры. Как бы тебе объяснить? — Он на некоторое время задумался. — Помнишь, я рассказывал, кто такие намиры?

Я кивнула:

— Белые тигры.

— Во-о-от. А лиагры — их уменьшенная копия. Только с очень коротким хвостом и зачатками крыльев на спине.

— Они летают?

— Нет. Крылья почти не развиты. Но речь сейчас не о них, — отмахнулся Каперс. — Лиагры очень не любят воду. Если говорить прямо, на кораблях они практически с ума сходят. Раньше это никого особо не беспокоило, ведь не было нужды вывозить их с Адагара, где они обитают. Но после того как лиагры вошли в моду в качестве домашних питомцев, торговля ими стала очень прибыльной. Только безумно проблемной. Кстати, — хранитель прищурился, — ты ведь не страдаешь морской болезнью?

— Нет, конечно! — Я фыркнула. — Да будет тебе известно, у меня отличный вестибулярный аппарат! Я с легкостью могу весь день прокататься на американских горках! Так что не сомневайся — с этим проблем уж точно не возникнет. Я уверена, путешествие по океану мне понравится. Я...

— ...сейчас умру, Ка-а-ап, — стонала я спустя полчаса, перегнувшись через борт.

Проклятый баклажан качало так, что любые американские горки меркли по сравнению с ним.

— Что, твой аппарат дал сбой? — хитро поинтересовался хранитель.

Эта мохнатая зараза стояла на задних лапах, уперев передние в деревянный поручень, и с мрачным удовлетворением поглядывала на зеленую меня.

— Бедный мозжечок, бедная я-а-а. — Меня в очередной раз стошнило, оборвав поток стенаний. — Сколько плыть до архипелага? — спросила, едва желудок ненадолго успокоился.

— Четыре дня, — довольно скалясь, поделился Каперс.

— Ты шутишь?!

— Предельно серьезен.

— Убей меня, — простонала я. — И скорми мое тело шаярнам.

— Они не водятся в глубоких водах, — напомнил он.

— Тогда убей меня, отвези тело на мель и скорми шаярнам...

— Ариш, они не едят мяса.

Я со стоном уронила голову на руки.

— Даже шаярнам я не нужна-а-а, — протянула обиженно.

— Неужели настолько плохо? — Впервые с начала плавания из голоса Каперса пропала насмешка.

Я не ответила, лишь вновь застонала — желудок только что попытался исполнить тройное сальто. Неудачно. По ощущениям, он ровнехонько врезался в позвоночник.

— Жди здесь, — вздохнул хранитель. — Сейчас вернусь.

«Я так-то и не планировала никуда убежать», — хотела ответить, но не смогла — не позволил новый приступ тошноты.

Сколько отсутствовал Каперс, не скажу. Трудно воспринимать время адекватно, когда тебя укачивает. Лишь когда сбоку что-то с тихим стуком опустилось, я повернула голову.

— Выпей! — Каперс выразительно глянул на внушительных размеров жестяную кружку.

— Что там?

— Не все ли равно?

— Решил-таки добить?

— Пей давай. Все разговоры потом.

Я вздохнула, с трудом сдержала очередной позыв желудка и, не задумываясь, махом опрокинула в себя жидкость. Горло обожгло, из глаз брызнули слезы.

— Ну как? — Хранитель прищурился, наблюдая, как я хватаю ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. — Полегчало? И прежде чем ты кинешься на меня с гневными заявлениями, прислушайся к себе... Все еще тошнит?

Я с удивлением обнаружила, что желудок перестал изображать из себя кандидата в мастера спорта по акробатике. Перевела взгляд на Каперса, только собралась поблагодарить, как он самодовольно хмыкнул.

— Не за что.

— А что это было за... лекарство?

— Зачарованный халкор, — довольный собой, поделился грызун.

Я ошарашенно уставилась на кружку. Сколько в ней? Сто пятьдесят миллилитров? И я их залпом?!

«Все, Мандаринка, добро пожаловать в айгеровский флот», — хмыкнул внутренний голос.

— А помогает только халкор? — уточнила осторожно, не в силах перестать гипнотизировать кружку.

— Нет. Любую жидкость можно заколдовать.

— Тогда почему не воду?!

— Воды мало, а халкора — много.

Я бы, наверное, поверила его спокойному тону, но хитрый взгляд выдавал Каперса с головой. Он специально выбрал алкоголь! Хотела разозлиться или на худой конец обидеться, но потом махнула рукой. Главное, тошнить перестало. А то, что Каперс — мохнатая зараза, я всегда

знала.

— Нам положены какие-нибудь комнаты, каюты... что-нибудь? — уточнила спустя пару минут.

— Разумеется. — Хранитель кивнул и прищурился.

«Что, грызун, ожидал разоблачения? Думал, буду возмущаться и ругаться? А вот пиши тебе!» Я мысленно показала Каперсу язык. Вслух же произнесла совершенно спокойно:

— Тогда, если тебя не затруднит, проводишь меня?

«Пока проклятый халкор не ударил голову», — добавила про себя и, покачнувшись, ухватилась за перила.

Каперс снова смерил меня задумчивым взглядом, потом кивнул и молча двинулся к деревянной лестнице, ведущей вглубь корабля. Я нетвердой походкой побрела следом, надеясь, что шатает меня из-за качки, а не от выпитого. Но когда у подножия лестницы я с размаху влетела в стену, стало ясно: качка тут ни при чем.

— Уверена, что хочешь побыть одна? — хмыкнул Каперс, наблюдая за моими зигзагообразными перемещениями.

В ответ я кивнула.

Сохранять невозмутимость становилось сложнее с каждой секундой. В груди зародилось дикое желание шутить, цитировать Каперсу советские фильмы и диснеевские мультики. И, клянусь, в тот момент мне казалось, что сочетание Остапа Бендера и Короля Льва — лучшее из возможных.

— Если что понадобится...

— Обязательно, — я вновь кивнула, умудрившись клюнуть себя подбородком в ключицу. Обогнула хранителя по дуге и ввалилась в каюту.

— Арин? — Каперс стоял в проходе и уходил, судя по всему, не торопился. — Мне ведь не о чем беспокоиться?

— Почему это? На твоём месте я бы обеспокоилась, где взять совесть, — заметила на полном серьёзе. — А ещё озаботилась бы регулярными приемами пищи... и здоровым восьмичасовым сном. Это как минимум!

— Я не об этом, — отмахнулся он.

— А о чем?

— О тебе. Пообещай, что не станешь чудить, пока меня нет.

— Для того, кто самолично... самолапно, — я счастливо икнула, довольная словотворчеством, — спойл меня, ты просишь слишком много! Ладно-ладно, не смотри так. Обещаю вести себя хорошо.

Каперс раздраженно дернул ухом, однако удалился. Я же завалилась на узкую койку, прибитую к стене.

Голова кружилась, словно карусель «Ромашка»; океанская качка лишь ухудшала мое состояние. К счастью, волшебство хранителя сделало свое дело, и меня больше не тошнило.

«Надо постараться уснуть, Мандаринка, — советовал внутренний голос. — Редкий случай, когда не надо никуда топать и есть шанс отоспаться. Лови момент!»

Не размыкая век, я скинула кеды и подтянула колени к груди. Сознание уже балансировало где-то на грани сна и яви, когда тишину комнаты прорезало внезапное:

— Так что же ты выбрала, землянка?

Глава 25

Тон говорившего был недовольным, сухим. Но я не впечатлилась. Лениво приоткрыла один глаз и уставилась на сидящего на соседней кровати Сейра.

— Спать и трезветь, — ответила максимально честно.

Бог ухмыльнулся. Поднялся и в два шага оказался рядом. Наклонился, причем так низко, что я отчетливо ощутила его запах. Очень приятный, надо заметить, — настолько, что я инстинктивно задышала глубже. К моему удивлению, Сейр тоже втянул носом воздух.

— Халкор, — недовольно припечатал бог, отстраняясь. Правильные черты лица скривились.

Я не стала оправдываться или пытаться что-то объяснить. Обойдется! Вместо этого подперла щеку рукой и принялась разглядывать нежданного визитера.

— А ты красивый, — произнесла внезапно даже для себя самой.

В глубине зеленых глаз промелькнуло плохо скрытое превосходство. Губы изогнулись в самодовольной усмешке.

— Но внешность — единственное, чем ты можешь привлечь, — выдала второе признание и тут же прикусила язык.

«Аринка, ну-ка живо бери себя в руки! — заворчала рациональная половина. — Это с Каперсом ты можешь говорить все, что в голову взбредет. А с богом — особенно с этим — фильтруй словесный поток».

— Слишком смелое заявление для той, кто меня не знает. — К моему удивлению, Сейр отреагировал спокойно.

— В самый раз для той, кому ты угрожал.

«Арина-а-а», — простонал внутренний голос, недовольный моей язвительностью. Если бы внутренние голоса имели форму — уверена, мой бы сейчас обреченно шлепал себя ладонью по лбу.

— Кстати, об этом. Почему ты все еще с грызуном?

— Не представилось подходящего момента, чтобы попроситься.

— А на мосту?

Я недовольно прищурилась и села. Теперь наши лица оказались почти вровень.

— Ты знаешь?

— Разумеется, — хмыкнул Сейр. — Более того, я разочарован, что ты передумала. Мне казалось, ты более рациональная.

— Я рациональная, а не бесчувственная. Каперс заботится обо мне...

— Как фермер о хируди. Чем хируди толще, тем лучше. Фермер сыплет еду, откармливая животинку к празднику, а хируди думает, что его лелеют. Не будь наивной! Ты нужна своему хранителю лишь как возможность избавиться от наказания.

— Пусть так. — Я упрямо поджала губы. — Но может, Каперс заслужил прощение?

— Да неужели? — Сейр прищурился. — Что, уже готова забыть обо всех убитых землянах? Хочешь знать, сколько погибло по его вине?

— Не хочу.

— А может, ты желаешь узнать, почему — а точнее из-за кого, — хранители стали бросать кайатир и других слабых игроков?

— Не хочу, — повторила я.

— Нравится притворяться слепой и глухой? Думаешь, если ты не видишь зло, то и зло не

увидит тебя?

Я молчала, прожигая Сейра взглядом. Гуляющий в крови халкор подталкивал высказаться, утереть нос зарвавшемуся богу, но я понимала, что ничем хорошим для меня это не закончится.

— Хочешь, я расскажу, зачем твой ненаглядный хранитель сунулся в воду?

Мои губы шевельнулись, готовые в третий раз произнести «не хочу», но в последний момент замерли.

Сейр увидел заминку и довольно ухмыльнулся.

— Ритберг был твоим лучшим вариантом. Там ты действительно могла переждать тотализатор в безопасности. И Каперс знал об этом. Ты могла заупрямиться, отказаться идти дальше... У него бы не было аргументов заставить тебя передумать. Но вот чувство вины... — Он выразительно замолчал.

— Он бы не стал манипулировать мной, — возразила я.

— Стал бы, — уверенно хмыкнул бог. — Он уже это делал. Ну же, вспомни утро в Гайвимаре. Вспомни тот внезапный приступ беспокойства и неожиданные признания со стороны грызуна.

— Он испугался, что не нашел меня в комнате...

— Бред! Благодаря связи хранителя и подопечного Каперс всегда в курсе, где ты. Он даже ощутит присутствие других игроков, если вдруг те окажутся поблизости. Арина, Арина, — Сейр тяжело вздохнул в напускном сочувствии, — до чего же ты легковерна! Каперс знал, что ты ушла в мыльню, и знал, что поблизости нет других участников. Он просто разыграл перед тобой небольшое представление, на которое ты так любезно купилась.

— Но... но хранители ведь не могут лгать.

— А разве он солгал тебе хоть словом? Ну же, вспомни, что он тогда сказал?

Я нахмурилась и попыталась воспроизвести в памяти то утро.

— Что переживал. Что на тотализаторе опасно. Что если я умру, то он не сразу это почувствует. И что мое тело не вернут на Землю.

— Ни слова лжи, — довольно припечатал Сейр.

— То есть он переживал?

— Разумеется, — кивнул бог с серьезным выражением лица. — Переживал, что ты не купишься на его спектакль и откажешься покидать Гайвимар. Вне городов ты нуждаешься в хранителе гораздо сильнее, поэтому в дороге Каперс чувствовал себя уверенно. Но в Гайвимаре и Ритберге ты могла остаться. Радужные лигайты или порядочные миокрейты приютили бы тебя. Гайвимар ты покинула, проникшись симпатией к тому, кто так беспокоился о тебе. — Губы Сейра искривились в усмешке. — Второй раз подобный фокус не сработал бы. Уверен, твой хранитель всю дорогу до Ритберга разрабатывал план, как бы не дать тебе остаться в очередном городе. А тут ты сама подала ему такую идею! Да еще и не решилась воплотить задуманное в жизнь. Совестьными людьми так легко манипулировать. — Он хмыкнул. — А что потом? Пара добрых слов, отсутствие обвинений и претензий в твой адрес — и ты сама вышла из города. Грызун все верно рассчитал.

Хотелось обвинить Сейра во лжи. Доказать, что он ошибается. Бросить каждое прозвучавшее слово ему в лицо. Вот только я с ужасом понимала: сказанное — правда. И все, что раньше казалось странным или не находило объяснений, вдруг стало понятным и логичным.

— Ну-ну. — Сейр в притворной заботе сочувственно качнул головой. — Не стоит так расстраиваться. Каперс давно играет в эти игры, у тебя не было шанса. Не вини себя. Лучше подумай вот о чем: ты все еще готова помочь ему?

Я закусила губу.

Сейр очень не хочет, чтобы Каперса простили. И если я сейчас поддержу хранителя, то где гарантия, что бог не убьет меня на месте? Странно, что он в принципе не сделал этого до сих пор. Но как мне перехитрить одного из создателей Айгероса? Как не давать ответ? Не обещать

того, чего я не стану делать? И как при этом выжить? Слишком много вопросов для не совсем трезвой меня.

— О чем так задумалась? — Сейр нарушил затянувшееся молчание.

— О волосах, — брякнула первое, что пришло в голову.

— Не понял.

— Сложно ухаживать за такой шевелюрой? — Я кивнула на длинную светлую прядь. — Много шампуня уходит? А сток в ванной не забивается?

«Арина, что ты несешь?!» — в ужасе прошептал внутренний голос.

«Что угодно, лишь бы не отвечать на вопрос», — отозвалась мысленно.

— А косы плести не пробовал? Неудобно, поди, всегда с распущенными.

На последнее замечание Сейр, до этого сидевший истуканом, отмер.

— Волосы заплетают только низшие боги.

«Мамочки-и-и, — тихонько завизжал голос разума. — Нам точно хана!»

Я сглотнула.

— Так ты из высших?

— Какая сообразительная. — Сейр одобрительно ухмыльнулся. В одно движение вновь оказался рядом и схватил меня за подбородок. — А вот актриса никудышная. Если ты надеялась отвлечь меня этим нелепым представлением, то ничего не вышло. Или тебе халкор в голову ударил? Хотя вряд ли, под ним местные ведут себя иначе. Мне любопытно, почему ты осталась почти трезвой. — Он едва заметно склонил голову к плечу, разглядывая меня. — Запах халкора сильный, значит, выпила ты достаточно.

«Ты даже не представляешь насколько!» — хотела добавить я, но вовремя прикусила язык.

— Видимо, на тебя он действует не так сильно, — нахмурился Сейр, продолжая смотреть на меня, как ученый на двухголовую мышь: с профессиональным любопытством и плохо скрытым предвкушением.

Я в секунду прониклась сочувствием к лабораторным грызунам. Настолько, что даже желание вступить в ряды британских светил заметно поутихло.

Сейр сильнее сжал пальцы на моем подбородке и требовательно произнес:

— Время игр закончилось, Арина. Я жду ответа. Кому ты будешь помогать: себе или навязанному хранителю?

Мысли заскакали, словно рассыпавшийся горох. И, к моему стыду, среди «он точно меня убьет», «ненавижу Айгерос» и «как мне выпутаться из этой ситуации?» затесалось робкое «интересно, хорошо ли он целуется?» Поймав последнюю мысль за хвост, я попыталась вышвырнуть ее из головы, но она, как таракан, снова и снова находила дорогу обратно. Что поделать, внешне Сейр привлек меня с первой секунды. И сейчас, находясь к нему так близко, я не могу не думать о глупостях.

«Если тебе полегчает, можно списать это на халкор и затяжное одиночество, — предложил голос разума. — Все-таки год без мужского внимания — солидный срок».

«А то, что я сейчас сама себя стыжусь, — это мы на что спишем?» — съязвила я.

«На проснувшуюся совесть», — не осталась в долгу рациональная половина.

— Так что ты выбрала?

— Жизнь, — выдохнула я.

— Правильный выбор. — Сейр хмыкнул и отстранился. — Через день пути, после обеда, вы будете проплывать мимо небольшого острова. Выпрыгни в воду и доберись до него.

— А что потом? Играть в Робинзона Крузо?

С персонажем Дефо он вряд ли был знаком, но общий посыл уловил.

— Тебя заберет оттуда следующий корабль.

— Да, но Каперс ведь увидит или почувствует по своей хранительской связи...

— На этот счет не беспокойся. Он будет занят.

Мне стало страшно. За Каперса. Что Сейр ему уготовил?

— Учти, Арина, это твой последний шанс. Если ты не прыгнешь, я решу, что наше соглашение отменяется. И ты умрешь.

А вот теперь мне стало страшно за себя.

— Прощай, землянка. — Он поднялся с кровати. — Надеюсь, мы больше не увидимся.

«А уж я-то как на это надеюсь», — буркнула про себя.

Точнее, мне так казалось. Но по прищурившимся глазам мужчины поняла, что умудрилась произнести мысль вслух.

К счастью, Сейр не стал комментировать услышанное. Вместо этого он... исчез. Без хлопков, дыма, тумана, светящихся голограмм и танцев в духе японских мультфильмов. Просто растворился в воздухе, словно его никогда и не было.

Глава 26

Я лежала на кровати, заложив руки за голову, и пыталась понять, как выкрутиться из ситуации. Трудности в моей жизни случались и раньше, но столь серьезные — никогда. Интересно, что сказала бы Семицветик, узнав о происходящем? Наверняка посоветовала бы самоотверженно бороться со злом, предупредительно завив волосы.

Губы дрогнули в улыбке, стоило представить лицо подруги в этот момент: ее горящие праведным огнем голубые глаза, вздернутый веснушчатый нос и воинственно вздыбившиеся кудри.

Пожалуй, впервые за последнее время я порадовалась, что оказалась на Айгеросе вместо нее. Как бы она здесь выжила? Доверчивая мечтательница... чем бы она отличалась от той же кайатиры? К тому же, уверена, Свете бы хватило ума влюбиться в Сейра.

«А то тебе не хватило?» — ехидно заметил внутренний голос.

«Я не влюбилась, просто оценила его мужскую привлекательность. Это другое», — возразила упрямо.

«И то, что ты не сводила с него взгляда, ничего не значит?» — не унимался голос.

«Во-первых, он опасен и я старалась не упускать его из виду, — принялась давить аргументами. — А во-вторых, физическая привлекательность как раз таки подразумевает приятное глазу зрелище. И вообще, перестань доставать меня! Лучше придумай, как нам выкрутиться».

«А чего тут думать? В указанный час выпрыгиваешь за борт и плывешь в сторону острова».

«Бросить Каперса?»

«А какие еще варианты? Хочешь умереть, пытаясь помочь ему скостить срок?» — хмыкнула рациональная половина.

Я не ответила, закусила губу и нахмурилась. Умирать решительно не хотелось. Предать хранителя — тоже.

Остаток дня и весь следующий я старательно избегала общения с Каперсом. Что оказалось на редкость непросто: корабль был небольшим, если не сказать — маленьким, и спрятаться на таком не получалось. Ухудшало ситуацию еще и то, что мы с хранителем делили каюту. Когда это выяснилось, моему удивлению не было предела. Еще бы! Обычно Каперс спал отдельно, наверняка чтобы делать это в привычном для него теле. Однако выбирать не приходилось: мы заняли последнюю свободную каюту на корабле.

То, что я его избегаю, хранитель понял сразу. Он неодобрительно фыркнул каждый раз, едва я спешно покидала место случайной встречи, но с расспросами не лез. Казалось, он давал мне шанс принять решение самостоятельно. Вот только подобная тактичность почему-то не радовала.

Утром решающего дня я подскочила рано — едва рассвело. Села, подтянула колени к груди и долго смотрела на спящего Каперса.

В голове творилась полная неразбериха.

«Манипулятор! — обиженно рычала эмоциональная половина. — Эгоист, готовый на все ради достижения цели!»

«А разве на тотализаторе кто-то ведет себя по-другому? — сеяла зерно сомнения рациональная часть меня. — И разве мы поступаем иначе?»

«У нас на кону стоит жизнь!»

«А что у него? Мы же не знаем...»

«Да! Потому что он никогда и ничем не делится с нами!» — не сдавалась эмоциональная половина.

«Равно как и мы с ним. И вообще, давно скрытность стала поводом для предательства?»

«Это не предательство! Мы ведь ничего ему не обещали».

«Ага, только позволили поверить, что не против топтать в храм добровольно».

«И что? Теперь ради этого стоит героически умереть?»

«Вовсе нет, — спокойно заметила рациональная половина. — Мое предложение остается прежним: в назначенное время прыгаем за борт и плывем к острову...»

Движение на соседней кровати отвлекло меня от внутреннего диалога — проснулся Каперс. Повернув голову, он встретился со мной взглядом и тихо спросил:

— Что тебя так беспокоит?

Я ненадолго замерла, собираясь с силами. Потом решила.

— Кап, ты защитишь меня?

Хранитель подобрался и сел.

— Всегда, — произнес он твердо. — Что бы ни случилось.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Уверенность Каперса вселила надежду, но внутренний голос напоминал, что хранитель не может быть равным по силе богу, и не давал расслабиться. Каперс же, поняв, что его слова меня не успокоили, соскочил со своей кровати и залез на мою.

— Не бойся, Ариш, — он опустил голову мне на плечо. — Мы со всем справимся. Вот увидишь.

Я кивнула и, наплевав на возможное недовольство, обняла его. К моему удивлению, Каперс не возражал.

«Все-таки ты привязалась к нему», — обреченно вздохнул голос разума.

«Дура!» — припечатала эмоциональная половина.

«Дура, — согласилась я, глядя хранителя по жесткой шерсти. — Но не предательница».

Я бы хотела сказать, что после принятия решения на душе стало легко. Но нет. Мне было страшно. И волнительно. А еще меня одолевали сомнения. Однако отступить я не собиралась — в буквальном смысле. Я стала преследовать Каперса, как маньяк-сталкер, практически ходила за хранителем по пятам. Стараясь не вызывать подозрений, болтала с ним и матросами, оказывавшимися поблизости. Но только рано или поздно все разговоры сходили на нет: я была слишком напряжена и постоянно отвлекалась, выглядывая на горизонте остров.

Ближе к обеду беспокойство переросло в панику. С каждой секундой мне все больше нравилась идея найти веревку — а лучше цепь! — и привязать себя к хранителю, чтобы наверняка не потеряться. Сейр обещал, что связь хранитель-подопечный перестанет действовать. Это значит, Каперс может не почувствовать, если мне потребуется помощь.

«Спокойно, Арина, — вещал внутренний голос. — Спокойно. Не паникуй. Все под контролем. Ты справишься. Ты не умрешь».

— Ариш, подожди меня здесь, мне надо ненадолго отойти...

— Стой! — Я вцепилась в Каперса, не давая ему закончить фразу.

— Ты чего? Не переживай, я быстро. Если хочешь, можешь пока посмотреть вон туда. — Он кивнул куда-то мне за плечо. — Сейчас покажется Остров Миражей...

— Не хочу ничего видеть! — Моя хватка стала сильнее.

— Ладно, как скажешь. Тогда просто подожди меня здесь, — повторил Каперс. Я отчаянно замотала головой. — Арин, не усложняй. Мне правда надо отойти. Это важно. Ты не понимаешь...

— Это ты не понимаешь! — выкрикнула я. — Он убьет меня!

— Кто? — Взгляд хранителя вмиг стал серьезным.

— Сейр.

Едва с моих губ сорвалось имя бога, корабль резко накренился на левый бок. Я взвизгнула и обхватила Каперса поперек туловища изо всех сил.

— Арина, отпусти. — Он дернулся.

— Нет!

Новый толчок переложил баклажан на другой борт. Крики и топот матросов слились с ревом шквального ветра. Налетевший ураган вгрызался в паруса, неистово трепал порванное полотно. Огромные волны швыряли корабль из стороны в сторону, играя им, как волейболистки мячом.

— Арина, отпусти меня, иначе мы оба погибнем! — перекрикивая шторм, потребовал Каперс. — Доверься!

Пальцы не слушались. Страх скользкой змеей ползал под кожей, сердце заходило в бешеном ритме. Меня трясло.

— Арина!

Стиснув зубы, я заставила себя расцепить пальцы. А спустя миг отлетела в сторону — корабль швырнуло на другой бок.

— Ка-а-ап! — заорала я в пустой попытке перекричать ветер.

Без толку. Рев стихии слишком громкий.

Я пыталась ухватиться хоть за что-нибудь: ящик, бочку, веревку, палубу — что угодно! Но все вокруг мотылялось вместе со мной. Я визжала, не в силах справиться с охватившей паникой, и не переставая звала Каперса.

Он ведь обещал! Говорил, что защитит! А сам... Где он?

Мой взгляд метался по палубе в поисках хранителя, но его не было. Не было!

Среди царящего хаоса я заметила матроса, с перекошенным от ужаса лицом; он тыкал пальцем куда-то вверх, мне за спину. Я рывком обернулась и обмерла. Прямо на нас надвигалась огромная волна. Не знаю, сколько в ней метров, но понимаю главное — корабль не выстоит. Вал сметет нас.

Внутри все сжалось и замерло. Слух пропал: я больше не слышала ни шума ветра, ни криков. Зрение размылось. Единственное, что я видела четко — надвигающуюся смерть.

Тягучая, словно нефть, волна встала стеной. Закрутилась гребнем и с ревом полетела вниз. Мой левый бок пронзила острая боль, а в следующий миг я отключилась.

Глава 27

Ощущение такое, словно в голове разлили кисель. Розовый и вязкий. Мысли путались, звучали приглушенно. Разобрать получилось лишь одну из них, и звучала она: «Че-е-ерт, как же больно быть мертвой!»

Мой стон прозвучал неожиданно громко. Я поморщилась, слабо пошевелилась и открыла глаза.

Над головой раскинулась массивная зеленая крона, сквозь которую пробивается солнечный свет. Листья шелестят тихо, будто шепчутся. Поди, советуют мне собраться с силами и встать. Медленно, шипя от боли, я села. Огляделась.

За спиной у меня лес, впереди — огромное, вытянутое в форме капли озеро, а сбоку... мужчина?

Незнакомец лежал на животе. Лицо скрывали длинные каштановые волосы, заплетенные в сложную косу.

Интересно, жив ли? Я закусила губу и попробовала подняться. Не вышло.

Ноги ослабли настолько, что вели себя, как вареные макароны, едва я норовила на них опереться. В итоге, оставив пустое занятие, поползла на четвереньках. Не сказать, что это было легко — руки тоже подрагивали, — но зато я смогла сдвинуться с места и добраться до мужчины. Затем, пыхтя, как еж-трудяга, перевернула незнакомца на спину. На этом силы покинули меня окончательно. Я упала рядом, тяжело дыша. Повернула голову вбок и выругалась. Слишком нецензурно для воспитанной девушки.

Скулы мужчины покрывала тонкая серебристая чешуя.

Не удивлюсь, если такая же идет от затылка вдоль позвоночника, как у Амарихтис — богини солнца! А если предположить, что чешуя в определенных местах — отличительная черта всех богов, то...

— Вот зараза! — зарычала я.

Хотелось отползти от очередного божка как можно дальше, но руки-ноги по-прежнему отказывались сотрудничать. Пришлось принять вынужденное соседство и вернуться к изучению бесчувственного объекта.

Так, что мы имеем? Волосы заплетены — значит, он из низших. И что это дает? Что вообще здесь делает низший в отключке?

В этот момент, прерывая мои мысленные метания, незнакомец зашевелился. Со стоном выдохнул сквозь сцепленные зубы и открыл глаза.

— Арина, ты в порядке? — спросил он, едва наши взгляды встретились.

На секунду мне показалось, что я — Алиса, провалившаяся в кроличью нору. Даже в животе защекотало, как от свободного падения.

— Каперс? — выдохнула ошарашенно.

— А что тебя так удивляет?

— Эм-м... Ты можешь поднять... лапу? — попросила я осторожно.

Мужчина нахмурился, но честно выполнил мою просьбу. Посмотрел на собственную конечность и выругался. Еще более цветисто, чем я несколькими минутами ранее.

Я не вмешивалась, терпеливо ожидая, когда он успокоится. А едва ругательства стихли, спросила:

— И когда ты планировал рассказать мне о своем божественном происхождении?

— Никогда, — хмуро бросил мужчина и сел, морщась от боли.

Я осталась лежать, проклиная собственную слабость.

— Это ведь и есть твое наказание — быть хранителем?

— Да.

— А за что...

— Арина, я не хочу об этом разговаривать, — оборвал меня... Каперс?

— Как тебя зовут? — задала я новый вопрос и быстро добавила: — Прости, но звать бога жуком-вонючкой — слишком дерзко. И глупо. Коготь рассказал, что значит «каперс» в вашем мире.

Мужчина потер переносицу и слабо качнул головой.

— Нейт, — наконец произнес он.

— Приятно познакомиться, Нейт. — Я улыбнулась. Правда, в следующий миг скривилась — левый бок прострелило болью.

Хранитель заметил быструю смену моих эмоций.

— Прости за нынешнее состояние. Будь я в полной силе, переход прошел бы гораздо мягче, но часть моей сути заблокирована Советом, — поморщился Капе... нет — Нейт. — По идее, даже переход мне неподвластен, но направленный выброс магии выкинул нас... куда-то.

— Лаконично, — хмыкнула я, оценив заминку и неуверенность в голосе. — Но все это мелочи, — добавила твердо. — Главное — мы живы, за что тебе большое спасибо.

Он кивнул.

— Я ведь обещал защитить. Но скажи-ка мне, — взгляд синих глаз заледенел, — как ты умудрилась связаться с Райсом?!

— С кем?

— С Сейром. Его полное имя — Райсейр. Обычно он использует первую половину имени, но для тебя расщедрился на вторую. — Нейт недовольно сжал губы.

— Я с ним вообще не связывалась. Скорее, это он настойчиво искал моего общества.

— Зачем?

Надо же, какие мы грозные! Я хмыкнула и поерзала в бесплодных попытках изменить положение.

— Можешь, пожалуйста, помочь мне сесть?

— Зачем? — словно робот, повторил Нейт.

— Потому что вести беседы лежа — не мой конек, — огрызнулась устало.

Происходящее с трудом укладывалось в голове. И больше всего меня беспокоил вопрос: как вести себя с хранителем? Одно дело — задирать надменного капибара, и совсем другое — низшего бога тотализатора.

— Лучше лежи. — Нейт качнул головой. — Тебе нужно восстановиться после переноса.

— На траве в лесу?

— Для начала. Слабость скоро пройдет.

— Тогда ты тоже ложись.

— Мне это не требуется. Я быстрее восстанавливаюсь.

Я поджала губы, борясь со своей гордостью, но потом призналась:

— Мне некомфортно смотреть на тебя снизу вверх.

— Я ведь бог, — хмыкнул Нейт. — Это нормально.

— Может быть. Только еще совсем недавно ты смотрел на меня снизу, — поддела я.

— И честно признаюсь, вид мне нравился. Особенно когда ты шла впереди. — Он подмигнул, а я против воли залилась краской. — Но раз ты настаиваешь...

Его Божественное Высочество опустилось рядом и, согнув руку в локте, оперлось подбородком о ладонь.

— И все-таки, — в голос Нейта вернулся холод, — чего от тебя хотел Сейр?

— Чтобы я не шла в храм. Ему очень не нравится возможность твоего скорого помилования. Вот он и предложил мне отказаться от тотализатора, а взамен пообещал не убивать. Непонятно только, почему он не убил меня сразу.

— Опасался.

— Кого? Меня?!

— Меня. Он не знает, какую именно часть моей божественной сути заблокировали.

— А это важно? И к тому же он ведь высший! А ты... низший, — закончила я скомкано, не желая невольно оскорбить чувства Нейта.

К моему удивлению, он не оскорбился — напротив, насмешливо улыбнулся.

— Нас разделили больше ради формальности. Совет богов бюрократичен, как и все органы управления. Было решено, что раз уж природа и направленность нашей силы разная, то это необходимо обозначить. По факту же играет роль лишь то, чему мы покровительствуем. Поверь, Лади́на — богиня удачи — гораздо сильнее, чем Ра́минор — бог болот. И это при том, что Ра́ми — высший.

— А чему покровительствуешь ты?

— Не скажу, — Нейт нахально усмехнулся.

— Разве теперь в тайнах есть смысл?

— В них всегда есть смысл, если знаешь, о чем и почему ты молчишь.

— Ладно, мистер Загадочный, не хочешь отвечать — не надо, — легко согласилась я. — Лучше скажи, ты знаешь, куда нас закинуло?

— Пока нет. Но когда восстановлюсь, смогу понять.

— А сколько по времени будет длиться откат от перемещения?

— У меня — пару часов. У тебя — в лучшем случае день.

— Черт, как не вовремя! — выругалась в сердцах. — Нам надо в храм.

— С чего такое рвение? — Он недоверчиво прищурился.

— Сейр не хочет, чтобы мы выиграли и тебя простили? Удачи ему Я теперь в лепешку расшибусь, но выиграю ваш дурацкий тотализатор!

Нейт молчал секунды две, потом не выдержал и рассмеялся.

— У тебя входит в привычку ненавидеть местных богов и вносить их в свой черный список, — заметил он. — Мне стоит начать волноваться?

— Не-а. У тебя иммунитет как у моего хранителя.

Мы замолчали. Я наслаждалась покоем и старалась не шевелиться, чтобы не тревожить ноющее тело. Пользуясь паузой, принялась разглядывать лицо хранителя: его высокие скулы, ровный нос, насыщенно-синие глаза, на дне которых золотыми искрами притаились бесенята, и выбившиеся из косы каштановые пряди.

Нейт, безусловно, красив. Но не той идеальной красотой, которой обладает Сейр — в хранителе привлекает что-то гораздо более глубокое, чем поверхностная картинка.

— Почему ты не бросила меня? — нарушил он тишину. — Почему не отказалась от участия?

— Потому что ненавижу, когда на меня давят.

— Это я заметил. — Нейт тепло усмехнулся.

Я же нахмурилась:

— Сейр рассказал мне про Ритберг и про то, почему ты пошел на мост.

— Я не стану извиняться, если ты этого ждешь. — Взгляд синих глаз вновь заледенел.

— Вовсе нет.

— Тогда чего ты хочешь?

— Пообещай, что больше не попытаешься мной манипулировать.

— Арин...

— Я рискнула ради тебя жизнью. Взамен прошу лишь не играть со мной. Хватит и того, что остальные сорок пять богов развлекаются за счет меня и других участников.

Нейт не спешил с ответом. Он хмурился и вглядывался в мое лицо, словно надеялся разглядеть на нем правильный ответ. Только вот ответов нет. Ни у меня, ни у него. Лишь желание — и одновременно страх — довериться другому.

Наконец Нейт кивнул.

— Хорошо. Но если ты предашь меня... — не договорив, он устало сдавил переносицу. — Впрочем, неважно.

Я спокойно выдержала тяжелый взгляд. Убеждать в своей искренности и надежности не стала. Я знаю, что не отступлю от принятого решения, но для Нейта лишь время расставит все по местам.

— Когда ко мне вернутся силы, я снова превращусь в капибару, — заговорил он через несколько минут.

— Но почему?! — искренне удивилась я.

— Таковы правила. Хранители должны сопровождать участника в зверином облике.

— А можно мне тигра?

Нейт ухмыльнулся и довольно выдал:

— Обойдешься.

— Да ты издеваешься!

— Естественно, — хмыкнул он. — Признайся, ты уже привязалась к Каперсу.

Я уставилась на Нейта как на душевнобольного с цветными колготками на голове.

— Ты еще и имя хочешь вернуть?

— А как же иначе? — продолжал потешаться надо мной этот негодяй. — Ты ведь сама так назвала своего хранителя-капибару.

— И тебя не смущает, что в этом мире «каперс» значит вовсе не маринованные бутоны?

— Ариш, я бог и выше подобных глупостей.

— Хм-м, — я закусила губу. — Да ты просто сам привязался к телу капибары! — Озарение раздалось в мозгу классическим «дзынь».

Нейт не ответил, но по смеющимся глазам я поняла, что недалеко от истины.

Глава 28

Мы проболтали несколько часов, умудряясь постоянно подкалывать друг друга. Даже ушло напряжение от того, что я лежу в нескольких сантиметрах от бога. Идиллию нарушал лишь внутренний голос.

«Мандаринка, не смей еще сильнее привязываться к нему! — строго звучал он. — Ты скоро вернешься домой, а он останется на Айгеросе. Это не книга, здесь все по-настоящему. Счастливого финала не будет. По крайней мере, такого, в котором вы могли бы остаться вместе и ускакать в закат верхом на розовых единорогах. Держи чувства под контролем».

Доводы рассудка верны — я знаю это. Знаю, но не представляю, как не попасться в уже расставленную ловушку. В какой-то момент с удивлением поймала себя на мысли, что жду, когда Нейт исчезнет, уступив место Каперсу. Мне проще разделять их: привлекательного мужчину, оказавшегося богом, и надменного сноба-хранителя в теле капибары.

— Я знаю, где мы, — улыбнулся Нейт, опускаясь рядом со мной, все еще изображающей Ленина в Мавзолее.

— Скажи, что храм в паре миранов отсюда.

— Не совсем. — Улыбка Нейта стала шире.

— Я согласна даже на десять миранов, — произнесла покладисто. — Лишь бы поскорее покончить с вашим тотализатором.

— Настолько нам не повезло...

Что было бы странно, учитывая мою везучесть!

— ... но мы на Ираинском архипелаге, — закончил Нейт.

— А храм далеко от нас?

— Точно не скажу. Помнишь, что я рассказывал про храм и его эхо? — Я кивнула. — У нас три варианта, и первый — на одном из соседних островов.

Я напряглась.

— Нам снова придется плыть? Даже не надейся! Я наплавалась на полжизни вперед!

— Нет, не переживай, — поспешил успокоить он. — Это ближайший к нам остров, а на него перекинут мост.

Мои брови поползли вверх. Мост между островами?

— Только сначала надо вернуть тебе способность двигаться самостоятельно.

Нейт наклонился, просунул одну руку под моими коленями, другую — под головой и, поднявшись, прижал меня к себе.

— Положи, где взял! — возмутилась я такому самоуправству, чувствуя, как запылали щеки.

Из одежды на Нейте были лишь мягкие темно-синие штаны с узкими манжетами на щиколотках, и сейчас моя щека прижималась к голому торсу бога.

Гормоны пустились в пляс с такой прытью, что голос разума замолк, не успев вякнуть даже короткое «Арина, не смей!»

— Не дергайся, глупая, — по-доброму хмыкнул хранитель. — Это озеро Жизни. Оно поможет тебе восстановиться.

— А может, я лучше просто хаджеры пожую? — предложила я робко, на что Нейт рассмеялся.

— Не бойся, не утоплю я тебя.

— Я не тебя опасаюсь.

— А чего тогда?

— Воды, — призналась нехотя.

Он остановился и лукаво взглянул на меня:

— Сейр опасен лишь на большой воде.

— Почему?

— А ты не поняла еще? — усмехнулся Нейт и пояснил: — Он — бог ветра.

«Норма-а-ально, — уважительно присвистнул внутренний голос. — Ты, Мандаринка, как всегда, не размениваешься по мелочам. Если ссориться с богами, так с теми, которые могут достать почти где угодно».

— Он нападет снова? — спросила, продолжая невысказанную мысль.

— Может, — лаконично отозвался Нейт. — Но не думаю, что решится в ближайшее время.

— Почему? Я бы на его месте, наоборот, добила нас, пока мы ослаблены.

Хранитель не ответил, лишь хитро прищурился, а во мне проснулся интерес. Огромный такой, размером с кашалота.

— Что же ты за бог, раз Сейр тебя опасается?

Меня одарили очередным хитрым взглядом и оставили теряться в догадках. Правда, очень скоро стало не до них — мы дошли до озера. Не сбавляя темпа, Нейт зашел в воду по пояс и аккуратно опустил меня. Я испуганно дернулась, но он перехватил мои руки.

— Ничего плохого не случится. Доверься.

Я усилием воли расслабила тело.

— Задержи дыхание, — произнес хранитель и мягко надавил мне на грудь, погружая под воду.

Сказать, что было страшно, — не сказать ничего. Сейчас я беспомощна, как младенец. Даже без удерживающих сверху рук не всплыла бы. А решишь Нейт меня утопить, я бы не отбилась. Лишь уверенность в том, что моя победа — его амнистия, не давала впасть в панику.

Легкое начало жечь от нехватки кислорода. Я слабо трепыхнулась, давая понять, что пора прекращать внеплановый дайвинг. Но Нейт не шелухнулся. Я дернулась чуть сильнее, и вновь никакой реакции.

В груди похолодело.

А может, ему достаточно притащить в храм мое тело? Просто перекинуть через порог, а дурацкий тотализатор засчитает, что «игрок явился сам»? И тогда мертвая я — гораздо удобнее. Как минимум молчаливее.

Жжение усилилось, перед глазами замелькали цветные пятна. Я испуганно закричала, пуская пузыри, и снова дернулась — на этот раз отчаянно. Попыталась оттолкнуть руку Нейта, но он держал крепко. Предупреждая новые попытки высвободиться, сместил ладонь выше и зажал мне рот. Голова закружилась. Уплывающим сознанием я поняла: осталось лишь несколько секунд.

Вцепившись в удерживающую мой рот руку, я вонзила в нее ногти, а потом, изловчившись, еще и зубы. Давление ослабло. В тот же миг я уперлась ногами в галечное дно, вытолкнула себя на поверхность. Жадно вдохнула и проглотила бога взбешенным взглядом.

— Спокойно, Ариш, — потирая укушенную конечность, мягко произнес Нейт.

— Утоплю и успокоюсь.

— Арина, не дури!

Закричав, я кинулась вперед и попыталась сбить Нейта с ног. Но тот мигом оказался у меня за спиной и крепко обхватил поперек туловища, удерживая мои руки.

— Отпусти! — бесилась я. — Я тебя утоплю!

— В таком случае отпускать тебя уж точно неразумно, — с усмешкой заметил он.

Его веселость злила еще больше. Я дергалась, била ногами по воде и изо всех сил пыталась вырваться.

— Отпусти, кому говорят! Утоплю! Налысо побрею! Чешую повыдергиваю!

— Ужас, ну ты и кровожадная, — хохотнул он. — Досталась же подопечная.

— Не-е-ейт! — злобно протянула я.

— Успокойся, Ариш. Так нужно было.

— Что нужно? Утопить меня?!

— Нет. — Меня сильнее прижали к груди. — Ты должна была сама вытянуть силы из озера. Начать двигаться, бороться.

— А предупредить?! Или кратковременный инфаркт — обязательная часть программы?

— В некотором роде. Озеро Жизни должно почувствовать твою жажду жить.

Я злобно зыркнула на поверхность воды. Вот ведь! Принципиальное какое!

— Отпусти меня, — попросила тише, успокаиваясь.

— Топить не станешь?

— Не стану. Хотя все еще хочется, — добавила едко.

— А брить налысо и выдергивать чешую?

— Все твое останется при тебе. Отпусти.

Объятия разжались, и я, не обернувшись на хранителя, зашагала к берегу.

«Он пытался помочь», — робко заметила рациональная часть меня.

«Не лезь!» — рявкнули мы с эмоциональной половиной.

Слишком четкие еще воспоминания, как жжет внутри, когда в легких заканчивается кислород. И насколько это страшно — думать, что тебя пытается убить тот, кому ты доверилась.

Отойдя от озера на несколько десятков шагов, я села на траву и принялась возиться со шнурками.

— Ариш, не злись. — Нейт опустился рядом.

Я бросила на него обиженный взгляд и, отвернувшись, сняла правый кед.

— Дай мне еще час восстановиться, и я высушу твою одежду...

— Может, ты лучше в озере искупаешься? — рыкнула, не поднимая головы и расшнуровывая второй ботинок. — Я даже с удовольствием тебе помогу.

— Озеро восполняет лишь физические силы. А с ними у меня полный порядок.

Я не ответила. Разулась и поставила кеды на солнце. Пусть сохнут.

Нейт прекратил попытки разговорить меня: молча сидел рядом и искоса поглядывал в мою сторону. Наконец, минут через двадцать, я успокоилась. Однако «спокойствие» и «хорошее настроение» — не синонимы.

— Сейр сказал, ты причастен к тому, что хранители стали бросать слабых игроков. — Я повернулась и встретила колючий взгляд Нейта.

— Он тебя запугивал или приходил потрепаться по душам?

Я не среагировала на выпад и терпеливо выждала, когда схлынет очередной всплеск презрения, который случался всякий раз, стоило заговорить о боге ветра.

Справившись с эмоциями, Нейт сухо произнес:

— Сейр не соврал.

— А наказали тебя?..

— И за это тоже.

Тоже?!

Внутренний голос подсказывал не донимать хранителя неприятными вопросами, но я должна во всем разобраться.

— Часто богов наказывают?

— Я первый, — коротко бросил он и поднялся. — Пойду осмотрюсь. Может, получится точнее определить, в какой стороне храм.

Не дожидаясь моего ответа, Нейт зашагал в сторону леса. Я смотрела хранителю вслед и, кусая губы, пыталась понять: что же такого должен был совершить бог, чтобы его наказали?

Один час — это много или мало? За любимым делом — лишь миг. Но проведенный в ожидании, он превращается в бесконечность, где каждая минута тянется дольше предыдущей. Я старалась не думать о Сейре и о том, что в округе может оказаться очередной участник тотализатора. Однако тревожные мысли все же забирались в голову и, гаденько хихикая, Транслировали ужасы перед внутренним взором. Под конец часа я с трудом могла усидеть на месте: спину жгли невидимые взгляды, а в шелесте леса слышалась угроза.

Когда на границе зеленого массива показался Нейт, я подскочила и кинулась ему навстречу.

— Волновалась? — Он насмешливо дернул уголком рта, едва мы поравнялись.

— И вовсе нет, — соврала, не моргнув и глазом. — Просто устала маяться бездельем.

Нейт хитро прищурился, но промолчал. Я же молчать не могла — накопившееся напряжение искало выход.

— Удалось понять, какой из магических следов настоящий, а какой — эхо?

— Нет. Как я и предполагал, придется действовать наугад. Пойдем, заберем твою странную обувь, я тебя высушу и двинемся в путь.

— И вовсе моя обувь не странная! Между прочим, она гораздо удобнее дурацких сапог.

— Я так и подумал. Потому и не сказал ничего против. Хотя твое пренебрежение к форме несколько... необычно.

— Еще бы, остальным участникам ведь за радость нацепить весь гардероб в надежде, что он каким-то чудом поможет им выиграть! Слушай, — внезапная мысль грохнулась на голову, как огромная наковальня на мультяшного койота, — а почему форма со штанами? А как же барышни из тех культур, где женщинам разрешены только юбки?

— Им и достаются юбки, — с улыбкой пояснил Нейт.

— Получается, есть выбор?

— Нет. Существует несколько комплектов униформы, как ты выражаешься. Когда новый участник впервые оказывается в кардарве, смотритель оценивает его вид и выдает тот комплект, который ближе к одежде участника.

— То есть окажись я тут в юбочке...

— В юбке бы и топала.

Меня передернуло от перспективы, а Нейт рассмеялся.

Мы дошли до моих кед. Хранитель присел, пробормотал короткую фразу, и кеды тут же начали светлеть, высыхая.

Нейт повернулся ко мне.

— Замри.

Я послушно застыла, словно статуя. Даже дыхание задержала. Нейт приблизился, опустил ладони мне на плечи. Что-то еле слышно зашептал. А в следующий миг я ощутила тепло, побежавшее от него ко мне. Невидимой волной оно прокатилось вдоль тела, на секунду замерло в груди — и ухнуло в желудок. Щеки обожгло румянцем.

— Готово. — Нейт с улыбкой отстранился.

Я буркнула короткое «спасибо» и спешно опустилась на корточки, чтобы обуться. А точнее, чтобы спрятаться от внимательного взгляда.

«Это сушка, Арина. Просто сушка. Нечего так реагировать на его прикосновения, — воспитывал голос разума. — Тебе не пятнадцать лет, ты взрослая, сформировавшаяся личность. Так что собралась и... Оп-оп!»

Однако собраться не получалось. Сердце билось как у марафонца на финише, пальцы подрагивали.

— Ариш? Все в порядке?

— Да, разумеется. Шнурки... э-м... запутались. Я сейчас.

На миг зажмурилась, собираясь с духом, решительно выпрямилась и... обнаружила на месте высокого мужчины капибару. Когда только успел?

— Ну что, выдвигаемся? — Грызун в нетерпении переступил лапками.

Я улыбнулась и мягко потрепала его между ушей.

Глава 29

Поначалу я радовалась возможности топать налегке, но ощутив первый приступ голода, забеспокоилась. Мой рюкзак остался на корабле, а в нем — все то, что помогало в пути: средство от дзарино, бутылка с водой, еда...

Еще через час трели моего голодного желудка звучали почти так же громко, как чирикание разноцветных птиц, похожих на пернатые драже «M&M's». Каперс с ухмылкой косился на меня, но пока молчал. А мне стало неловко. Все-таки урчать настолько громко — неприлично!

Ближе к вечеру, уже в сгущающихся сумерках мы остановились. Я собрала сухих веток, а Каперс поджег их с помощью магии. Потом он углубился в лес, оставив меня напряженно зираться по сторонам.

Ночь опускалась стремительно, и всего за полчаса стемнело. Мир вокруг заполнился шорохами, уханьем и подозрительным шебуршанием. Я сидела нахохлившись, как воробей на морозе, и сжимала в руках длинную ветку. Конечно, на полноценное оружие мой «посох» не тянет, но все же лучше, чем ничего.

Стараясь отвлечься от беспокойных мыслей, я решила... помолиться. А что? Богов в этом мире — пруд пруди. И очень надеюсь, далеко не все из них такие гады, как Сейр.

— Ладина, — позвала я тихо, глядя в звездное небо. — Я дико извиняюсь, что беспокою... но можно нам с Каперсом немного удачи?

— А ты думаешь, вам ее не хватает? — раздался мелодичный голос за спиной.

Я с перепугу подскочила и, не глядя, махнула веткой.

— Ух ты! Почти задела! — искренне восхитилась девушка.

Высокая, стройная, в легком белом платье без рукавов, незнакомка была прекрасна. Ее светлые волосы заплетены во множество косичек и собраны в высокий хвост. Лишь у висков выбилось несколько упрямых прядей.

Подойдя к костру, девушка опустилась на траву и в приглашающем жесте похлопала рядом с собой. В отблесках пламени блеснула чешуя на высоких скулах — и последние сомнения исчезли. Богиня. Ко мне на огонек заглянула богиня!

— Прошу прощения за мою реакцию, — пробормотала смущенно. — Не ожидала, что вы появитесь.

Ладина заправила за ухо светлую прядь и улыбнулась.

— Не волнуйся, мне сложно навредить. Я очень везучая. — Она подмигнула, а я хмыкнула, оценив иронию. — И все-таки, — продолжила богиня, едва я села рядом, — почему ты попросила моей помощи?

— Шанс выиграть — это ведь всегда вопрос удачи. — Я пожала плечами, а потом, поняв, что Ладина ждет продолжения, осторожно спросила: — Вы злитесь на Нейта?

Богиня рассмеялась.

— Злюсь ли я на своего непутевого братца? О да! Еще как! За то, что позволил вертеть собой как дураком. И за то, что ему приходится столько лет расплачиваться за свою доверчивость.

Братца?!

— Но я не стану ему вредить. — Ладина грустно улыбнулась. — Он достаточно наказан за то, что совершил. Нет, — она подняла ладонь в предупреждающем жесте, — я не скажу, в чем он провинился. Если брат захочет, ты все узнаешь от него.

Я замерла, давя в груди упрямое желание выяснить все здесь и сейчас. Потом кивнула.

— А насчет удачи — не думаешь же ты, что тебе просто так везло всю дорогу?

— Везло?! — Удивление пополам с возмущением вырвалось из груди громким возгласом.

Усмехнувшись, Ладина качнула головой.

— Хочешь узнать список всех, от кого я тебя уберегла? Или почему тебе повстречалось так мало участников? Вмешиваться напрямую я не могу. — Она развела руками. — Но если была возможность повлиять на других участников, я это делала. Каждый раз, — подчеркнула она. — Ты даже не представляешь, скольким из них не повезло наткнуться на разрушенный мост, голодного рыкогрыза или поля распутившегося раньше срока гриомара.

— А фхаринец и кайатира?

— Я знала, что Нейт справится, даже лишенный большей части сил. — Ладина легкомысленно пожала плечами.

— А Сейр?

Она на несколько секунд замолчала, будто собираясь с мыслями или решая, стоит ли со мной откровенничать. Потом призналась:

— Мы не чувствуем других богов. Участников, хранителей — да. Но не себе подобных. Нейт ощутил присутствие Сейра на корабле лишь потому, что тот сам дал о себе знать.

— Когда?

— Еще до шторма. Когда пытался оставить тебя. Сейр ведь обещал, что Нейт не заметит твоего отсутствия.

— Вы знаете обо всем, что происходит с участниками?

— И да, и нет. Мы следим лишь за теми, кто нам интересен. У каждого бога свой любимчик.

— А Сейр, он...

— Не всегда смотрит за вами. В отличие от меня.

Я зависла, обдумывая услышанное. Выходит... Ладина видела, как я грозилась утопить ее брата? Упс! Неловко получилось.

— Ты славная девушка, Арина, — мягко произнесла она. — И я искренне признательна, что благодаря тебе Нейт смог вытравить из сердца ненависть. Но если ты поступишь с ним так же, как другая землянка... — взгляд светло-серых глаз прошил меня иглами, — обещаю, я найду тебя в любом из миров. Найду и заставлю пожалеть о содеянном.

Не разрывая зрительного контакта, я кивнула.

— Что ж, я рада, что мы друг друга поняли. А теперь мне пора. И не переживай: пока ты на стороне моего брата, удача не отвернется от вас.

Вместе с последним обещанием Ладина исчезла. Я устало обняла колени и уставилась в потрескивающий огонь.

— Дурацкий тотализатор, — буркнула тихо. — И боги тут... странные. — Помня, что за нами следят, я остановилась на более мягкой характеристике, проглотив вертевшееся на кончике языка слово «дурацкие». — Скорее бы домой.

Хранитель вернулся минут через пятнадцать после исчезновения Ладина. Причем вернулся в теле бога, а не капибары.

Я смутилась, но виду не подала.

— Держи, — Нейт скинул на землю тушу какого-то животного и протянул мне несколько бледно-голубых листьев, — пожуй.

— Что это?

— Агираль — водное растение. Попробуй и сама поймешь. — Он подмигнул и повернулся к туше.

Я замерла, недоверчиво разглядывая незнакомую флору. Потом пожала плечами и сунула растение в рот. Через секунду стало ясно, что имел в виду Нейт, называя агираль водным. Казалось, кто-то умудрился запихнуть в странные голубые листья пол-литровую бутылку минералки: на каждый укус рот наполняло столько влаги, что приходилось контролировать себя, чтобы не захлебнуться.

Укус — глоток. Укус — глоток.

Пока я счастливо жевала водные листья, Нейт магией разделал тушу и, надев куски на прочные прутья, развесил их над огнем.

— Почему ты сменил облик? — спросила я спустя некоторое время.

— Для начала, охотиться в теле капибары несколько... неудобно. — Нейт хмыкнул. — Да и тащить кого-то крупнее тебя самого — тоже удовольствие сомнительное. А почему ты спросила? Не нравится мой истинный вид?

Я смерила его насмешливым взглядом, но на вопрос не ответила. Вместо этого задала встречный:

— У всех богов есть чешуя на скулах?

— Да. И не только на скулах. Я рассказывал, помнишь?

Я кивнула и, задумавшись, нахмурилась.

— А у Сейра не было, — произнесла спустя несколько секунд.

— Мы можем ее прикрывать. — Нейт легко пожал плечами, и чешуйки вдруг исчезли — они словно втянулись в кожу, растворившись в ней.

Приоткрыв от удивления рот, я во все глаза уставилась на хранителя.

— Что, — он криво усмехнулся, — так больше нравится? Если наши... особенности тебе противны, стоило сказать сразу.

— Вовсе нет. — Я качнула головой и придвинулась ближе. — Верни ее.

— Уверена?

Я кивнула, и Нейт, вздохнув, заставил чешую вновь проступить на скулах. Поддаваясь порыву, я протянула руку, желая дотронуться, но замерла в последний момент.

— Можно?

Он кивнул, и я решилась.

Осторожно коснулась скулы, медленно провела пальцами вниз, ощущая, как под подушечками мягко сменяются чешуйки. Набравшись смелости, отодвинула тяжелую косу и дотронулась до затылка, потом не спеша прошлась пальцами вдоль позвоночника.

— Арина, хватит, — хрипло выдохнул Нейт.

Я тут же отдернула руку.

— Неприятно? Прости.

— Да нет. — Он усмехнулся. — Как раз таки наоборот. Ладно, забыли.

Нейт поднялся и подошел к костру, где принялся переворачивать поджарившиеся с одной стороны куски мяса. Я пожала плечами, села поудобнее и честно принялась ждать. Любопытство — это, конечно, хорошо, но сытный ужин — намного лучше!

Мы ели вдвоем. Впервые за время моего участия на тотализаторе. Мясо получилось слегка жестковатым, но после вынужденного разгрузочного дня пошло на ура. Зажевав его новой порцией агираля, мы принялись готовиться ко сну. Нейт поставил защитный купол и вновь обернулся капибарой. Я же с трудом сдержала разочарованный вздох.

«Что, Мандаринка, — хмыкнул внутренний голос, — уже понадеялась уснуть рядом с богом? А вот шиш тебе! Иди обнимай грызуна», — мерзенько захихикал он.

Тряхнув головой, я опустилась рядом с капибаром и уставилась в темное небо.

— Кап, — позвала вполголоса, — а на Ираинском архипелаге есть кардарвы?

— Нет, — так же тихо отозвался он. — Это последний рубеж, и боги решили не облегчать его.

Для них здесь начинается самое... интересное.

Я ухмыльнулась.

— Для них? Ты так говоришь, будто не являешься одним из богов.

— Я хранитель уже больше ста игр. Сам порой не могу разобраться, кем себя воспринимаю: хранителем, богом, кем-то еще...

Я мысленно присвистнула. Тотализатор проводится раз в пятилетку, а это значит, что Нейта наказали около пятисот лет назад. Нехило!

— Расскажешь, что тогда случилось?

— Это неважно.

Я повернулась на бок и встретилась взглядом с капибаром.

— Почему ты не хочешь рассказать? Боишься довериться?

— А сама? — Он прищурился. — Ты ведь тоже не спешишь делиться подробностями своего прошлого. Так почему ждешь этого от меня?

Вздохнув, я снова улеглась на спину. Несколько долгих минут молчала, потом заговорила:

— Когда мне было девятнадцать, мои родители погибли в аварии. Виной всему стал пьяный подросток, угнавший у своего отца тачку. Не заснеженная трасса, не грузовик, вылетевший на встречу, не отказ тормозов... Просто один малолетний идиот, решивший, что ему все можно. Отец умер мгновенно. За жизнь мамы еще боролись, но... — Горло сдавило. Пришлось сглотнуть, чтобы продолжить. — Она пережила папу лишь на два дня. Бабушек-дедушек к тому моменту у меня не осталось. Была двоюродная тетка, но мы с ней никогда не общались, да и виделись от силы пару раз. Правда, на похороны она все же приехала. После смерти родителей единственным близким человеком стала подруга — Семицветик, — которая не дала мне тронуться умом от горя.

Кожу защекотало от побежавших слез. Я быстро стерла их и повернулась на бок, спиной к хранителю.

— Сожалею, что тебе пришлось пережить это. — Каперс придвинулся и опустил морду мне на плечо. — Но я обещаю, ты вернешься домой. Вот увидишь.

Говорить больше не хотелось. Слушать о прошлом Каперса — тоже. Так и не зажившая рана закровоточила с новой силой. Я кусала губы и тихо глотала слезы. Думаю, хранитель понял мое состояние. Он лег рядом, прижался теплым боком к моей спине и замолчал. Однако его молчаливая поддержка согрела лучше любых слов.

Глава 30

— Арина-а-а, — монотонно нудело над ухом. — Арина-а-а...

Не размыкая век, я злобно фыркнула и прикрыла голову руками в попытке спрятаться от противного звука.

— Арина-а-а...

Боже, как же мерзко может звучать мое имя! Особенно если тянуть его на одной ноте несколько минут подряд.

— Арина-а-а-а, — особенно протяжно вывел Каперс.

Я зарычала и, открыв глаза, уставилась на него.

— Если ты не рожает, то, будь добр, стони потише!

Каперс широко улыбнулся, довольный собой.

— А если рожая?

— Тогда ползи в роддом! Я тебе не акушерка, — огрызнулась ворчливо. — Никак не пойму, что у тебя за мания доставать меня по утрам?

— Сам не знаю, — признался он. — Ты забавная.

— Ага, обхохочешься просто, — буркнула, вставая. Размяла затекшее после сна тело и лениво потянулась.

— Ладно, не фырчи. Гляди, что я наколдовал, — не скрывая гордости, Каперс подтолкнул ко мне потрепанное нечто.

Я присела и двумя пальцами коснулась болотно-зеленой тряпки.

— Тут был огромный монстр, который съел одного из участников, а пожеванные штаны выплюнул? — уточнила, разглядывая то, что в лучшем случае подошло бы для мытья пола.

— Да что б ты понимала! — обиделся Каперс. — Знаешь, как трудно создать материю из ничего? Особенно с урезанным резервом и блоком на сути?

— Поверю на слово, — хмыкнула я. — Но зачем мне... это?

— А мясо и агираль ты в чем понесешь?

Хм, логично.

Признав его правоту, я расстелила местами рваную ткань (на целую, видимо, мощности не хватило), принялась складывать на нее холодные куски жареного мяса и листья водного растения. Потом аккуратно свернула все в несколько раз, чтобы получился плотный рулет, завязала концы на несколько узлов и накинула тряпичный обруч на плечо. Все, можно выдвигаться!

Снова дорога и монотонная перестановка ног: правая-левая, правая-левая. Такими темпами, глядишь, по возвращении домой сделаюсь любителем походов или долгих пеших прогулок.

«Ага, будешь наматывать круги из одного конца города в другой и приставать к прохожим с вопросом: „Вы мою капибару не видели?“ Как думаешь, сколько пройдет времени, прежде чем добрые дяди в белых халатах пригласят тебя прокатиться в Объединенный храм... психиатрии?» — едко поинтересовался внутренний голос.

— О чем задумалась? — раздался сбоку голос хранителя.

— О мозгоправах, — ответила честно.

Каперс хмыкнул.

— Думаешь обратиться к ним?

— А что, можешь порекомендовать хорошего специалиста? Проверенного лично, так сказать?

— Еще и рядом посижу, — оскалился он. — За ручку подержу...

— Чтобы не нервничала?

— Чтобы не сбежала.

— Так и представила, как ты в меня лапами вцепился, — хмыкнула я.

— Не переживай. По такому поводу я обязательно приму естественный облик.

— Главное, рубашку не забудь надеть. Иначе психиатр решит, что проблемы не у меня, а у нас. И весьма своеобразного толка. — Мои губы дрогнули в усмешке.

— Нет, — внезапно отрезал Каперс. От недавнего шуточного тона не осталось и следа.

— Нет — не наденешь?

Меня смерили хмурым взглядом.

— Нет, между нами не может быть никакого своеобразного толка.

Такая категоричность задела. Пусть даже признаваться в этом не хотелось. Я, конечно, понимаю, что на звание Мисс Мира претендовать не стоит, но все же собственное отражение меня вполне устраивает.

«Или дело не во внешности, а в характере? Ты, Мандаринка, не сахар. Особенно по утрам», — заметил внутренний голос.

Будто подслушав мои мысли, Каперс поспешил заверить:

— Дело не в тебе лично. Скорее речь о негласном правиле: между богами и смертными не может быть отношений.

— Разумеется, — произнесла максимально спокойно. — Я так и подумала.

— Арина, не усложняй, — рыкнул Каперс.

— Что ты! Даже мыслей не было. Далеко еще до нужного острова?

Он заметил и резкую смену темы, и мою отстраненность. Недовольно поджав губы, он несколько секунд молчал, но потом ответил:

— Еще полдня пути. После обеда выйдем на мост.

В прогнозах Каперс не ошибся: к мосту мы добрались часам к четырем. Всю дорогу шли молча. Я игнорировала хранителя, дуясь на его резкость и категоричность. Он же, в свою очередь, хмуро косился в мою сторону, но заговаривать не пытался.

Когда вдали показался мост, я вмиг позабыла пустые обиды и прервала негласную игру в молчанку.

— Я туда не пойду! Даже не проси, — заявила, разглядывая хлипкую подвесную конструкцию. — Не знаю, на чем оно держится, на магии или на честном слове, но это чистой воды самоубийство — перебираться по нему до другого острова.

— Не дури, — отмахнулся Каперс и боднул меня в ногу, подталкивая к мосту.

Я проворно отскочила и скрестила руки на груди.

— И не собираюсь. Поэтому и остаюсь здесь, на твердой земле. Ты не говорил, что мост — два дряхлых шнурка, натянутых над обрывом!

— А ты чего ждала? — удивился моему возмущению хранитель.

Вот как объяснить, что в моем воображении мост выглядел как четырехполосная дорога? Пусть не асфальтированная, но каменная и вполне надежная.

— Чего-нибудь более прочного, — поделилась я и упрямо добавила: — Не пойду.

— Арина-а, — опасно протянул хранитель.

Я отступила на пару шагов.

— Не пойду. К тому же, — решила давить аргументами, — нет гарантии, что храм находится именно на этом острове. Может, нам вообще нет резона туда соваться?

— И что ты предлагаешь?

— Ну-у, — я на секунду задумалась, — ты можешь сам быстренько сбегать и проверить, там ли храм. А я тебя здесь подожду.

— А больше ты ничего не хочешь? — прищурился Каперс.

— Хочу, — кивнула с самым серьезным видом, кусая щеку изнутри в попытке сдержать улыбку. — Если тебя не затруднит, поставь, пожалуйста, защитный купол.

— Что-нибудь еще? — процедил он сквозь зубы.

— Еще креслице было бы очень кстати. И загорелый мужчина, подающий коктейли...

Каперс поперхнулся.

— Я не стану тратить резерв на создание тебе ухажера!

— А мог бы? — поинтересовалась я с неподдельным любопытством. — Любой расы? Цвет глаз можно заказать? А телосложение?

На последнем пункте терпение хранителя закончилось. Он зарычал и, выплевывая короткие слова, отрывисто произнес заклинание. Невидимая волна тут же ударила меня в спину и швырнула на мост.

— А-а-а-а!!! — заорала я, приземляясь на трухлявые доски, которые под моим весом опасно скрипнули. Испуганно вцепившись в верхний канат, играющий роль перил, я злобно уставилась на Каперса. — Совсем обалдел?!

Он медленно приблизился.

— Мы идем в храм. Ты, кажется, собиралась утереть нос Сейру? Так чего ждешь? Вперед!

— Уже бегу, сейчас только в позу низкого старта встану, — огрызнулась я, сильнее вцепляясь в канат.

— Ты можешь язвить сколько угодно, — оскалился Каперс. — Но пересечь мост тебе все равно придется!

В следующую секунду эта зараза подпрыгнула и тяжело приземлилась на старые доски. Я закричала, а Каперс, довольный эффектом, прыгнул вновь. Потом еще раз. И еще.

— Учти, я могу тут весь день скакать, — поделился он, едва я замолчала. — А вот выдержит ли мост... — не договорив, мохнатый гад качнул хлипкую конструкцию из стороны в сторону.

Над обрывом разнесся мой пронзительный визг. Я посмотрела вниз и завизжала на тон выше. Если мы упадем, у нас будет достаточно времени, чтобы поругаться, помириться и помолиться — пропасть под нами оказалась внушительной.

Каперс же тем временем вновь пошел в наступление.

— Со-о-олнце, ве-е-етер, до-о-ждь и зно-о-о-ой... — запел он, раскачиваясь в ритм. Проклятый мост радостно заходил из стороны в сторону. — О-о-очаро-ован я тобо-о-ой... Лишь оди-и-ин нам де-ень прожи-и-ить...

— А-а-а-а!!! — орала я, обняв канат.

Вместе с Каперсом мы создали потрясающую какофонию звуков, которую тут же подхватило эхо.

— А пото-о-ом наве-е-ек почи-и-ить... — продолжал выводить хранитель.

— А-а-а-а!!! — голосила я фоном.

Мост раскачивался, словно качели, и в ближайшем будущем явно вознамерился сделать

«солнышко». Желудок подобной сдержанностью похвастать не мог и уже раза три перевернулся вверх тормашками. Теперь он осваивал новый гимнастический трюк — пытался завязаться узлом. Я же с тоской вспоминала океаническую качку, понимая, что тогда чувствовала себя просто великолепно.

Под конец второго куплета моя выдержка, замешанная на гордости и упрямстве, дала сбой.

— Твоя взяла! — заорала я, зажмурившись от страха. — Хватит! Я пойду на ту сторону, только остановись, прошу! Пожалуйста!

Мост тут же замер, а над ухом раздалось донельзя довольное:

— Люблю, когда ты меня упрашиваешь.

Я ошарашенно уставилась на Каперса:

— У твоей наглости вообще есть предел?

— Не знаю. Пока его никто не находил. Нам в ту сторону, — быстро, не давая вставить и слова, добавил он и кивнул мне за спину.

Вид у хранителя при этом был самый невинный. Словно это не он, а его злобный брат-близнец едва не довел меня до инфаркта!

«Спокойно, Мандаринка, — мягко вещал внутренний голос. — Спорить и выяснять отношения над пропастью — не самая гениальная идея. Лучше потерпи до твердой земли», — хитро, словно лисица в курятнике, предложил он.

Я ухмыльнулась, соглашаясь с доводами рассудка, и послушно развернулась в нужную сторону. Ноги подрагивали, да и смелости встать я в себе не ощущала, поэтому, в очередной раз проглотив гордость, поползла на четвереньках. Двигалась я медленно, прощупывая каждую доску. Вниз старалась не смотреть.

Сзади периодически доносилось недовольное фырканье Каперса, злящегося на мою неспешность. Но с замечаниями он не лез: видимо, понимал, что двигаться быстрее мне не позволяют страх и здравый смысл.

На середине моста я совершила роковую ошибку — посмотрела вниз. Желудок испуганно метнулся в горло, а легкие, по ощущениям, вцепились друг в друга и сжались.

«Мандаринка, не дрейфь! Ты же смелая, выносливая, терпеливая... Ты проделала уже огромный путь! — подбадривал меня внутренний голос. — Ты чемпион! Ты герой! Ты... почему ты легла?!»

— Арин? — раздалось за спиной удивленно.

— погоди, Кап, — выдохнула я, чувствуя мелкую дрожь в теле. — Дай мне пару минут. Всего пару минут...

— Тебе действительно настолько страшно?

Я кивнула и призналась:

— Высоты боюсь. И ненадежных мостов над обрывом.

Хранитель хмыкнул:

— Насчет последнего не переживай: мост зачарован. Он крепкий.

— А на вид доверия не внушает, — усомнилась я.

— Так и задумано. На тотализаторе частенько кому-нибудь приходится его пересекать. Богам нравится смотреть, как участники подолгу борются со страхом, как каждый раз желание победить одерживает верх и как они нелепо ползают по мосту... Вот как ты сейчас, — не удержался от шпильки Каперс.

— Какой дивный юмор у местных богов!

— Не фырчи. Если тебе правда так страшно, давай я тебя понесу.

Повернув голову, я с недоумением уставилась на него.

— Ты как себе это представляешь? Капибара-герой тащит на спине взрослую девицу, стараясь не наступить на ее волочащиеся руки и ноги?

— Я могу обернуться.

То, с какой легкостью держался хранитель, не испытывающий и сотой доли моего страха, злило.

— Как у тебя все просто, — процедила я, — сначала напугать до полусмерти, потом предложить помощь. Прямо плохой и хороший полицейский в одном лице. Удобно устроился!

— Если хочешь, об этом мы поговорим потом, — спокойно отозвался Каперс. — А сейчас ответь на вопрос: примешь ли ты мое предложение?

Я фыркнула и, отвернувшись, медленно встала на четвереньки.

— Не примешь, — перевел он для себя.

Собравшись с духом, я поползла вперед. Мысленно, словно мантру, повторяла: «Мост зачарован, он надежен, мост зачарован...» На сорок пятом повторе я наконец добралась до твердой земли. Для надежности проползла еще несколько метров и, выдохнув с облегчением, села.

Каперс опустился рядом. Я проигнорировала его хмурый взгляд (неужели обиделся, что я отказалась от его щедрого предложения?) и принялась развязывать дорожный «бублик».

— Будешь агираль? — спросила, доставая голубые листья.

— Нет, спасибо.

— Как знаешь. — Я пожала плечами и закинула один из них в рот.

Помешкав, все же вытащила кусок мяса: на обед мы не останавливались и голод давал о себе знать. Каперс мое своеволие оставил без комментариев; приняв его молчание за согласие, я позволила себе быстро перекусить.

— В какую сторону топать? — спросила спустя минут десять, заворачивая остатки еды в ткань.

— На северо-запад.

— Далеко?

— Нет. По ощущениям, совсем близко. И это мне не нравится, — добавил Каперс гораздо тише.

— Почему?

— Я не чувствую других игроков.

— Может, они просто вне твоего радиуса? — Я пожала плечами и, завязав концы скатанного рулета, перекинула его через плечо. — По мне, так это хорошие новости: нет участников — нет проблем.

Каперс ухмыльнулся:

— Знаешь, за все тотализаторы еще не бывало такого, чтобы на подходах к храму не столкнулось сразу несколько участников.

— Ну-у, — протянула я, — может, нам повезет?

Ладина, если ты за нами смотришь, это намек тебе. Да-да!

— Сомневаюсь. — К моей печали, голос хранителя прозвучал твердо. — Ладно, в любом случае надо проверить, эхо там или храм. Пошли.

Глава 31

Я не следила за дорогой. Зачем? Каперс все равно всегда на страже.

Доверившись хранителю, я думала над решением более серьезных вопросов. А именно: что сделать в первую очередь по возвращении домой? Бежать на работу с криком «не увольняйте меня, я вернулась»? Или, зажав нос, выгрести из холодильника испортившиеся продукты? Кинуться к Семицветику? Провести генеральную уборку? Выпить подряд три чашки капучино? Завести собаку?

Губы дрогнули в улыбке. Никогда раньше не думала о домашних животных, но вдруг осознала: жизнь с четвероногим другом может быть очень приятной.

Интересно, как на Айгеросе течет время относительно Земли? И сколько меня не было дома?

— Кап, — позвала я, собираясь озвучить последнюю мысль, но меня перебили:

— Арина, стой.

Я послушно замерла, не сводя взгляда с напрягшегося Каперса. Что его насторожило? Я огляделась. Вокруг тихо, лишь ветер шелестит листвой хаджер.

— Что случи...

— Назад! — рявкнул хранитель, разворачиваясь. — Живо беги к мосту! Ты должна успеть!

Внутри все сжалось.

— Кап?

— Живо!

Я отступила на несколько шагов, потом развернулась и, поддаваясь накатившему страху, кинулась обратно. Оглянулась на бегу и выругалась — Каперс остался на месте. Что бы на нас ни надвигалось, он собрался бороться; дать мне шанс уйти. Но могу ли я им воспользоваться? Имею ли право трусливо бежать, бросая напарника? Друга?

Я остановилась.

Нет. Не важно, что было между нами в прошлом, сейчас я не оставлю Каперса. Оглядевшись, метнулась в тень хаджеры, подняла с земли тяжелую ветку и выбежала обратно на тропу.

— Ради каких проклятых богов ты вернулась?! — выругался Каперс, едва завидев меня.

— Я вернулась не ради них. Я вернулась ради бога, разжалованного в хранители. Ради друга.

Что-то промелькнуло в его взгляде. Но что именно, я не успела понять — меня отвлек протяжный рев. Я посмотрела вверх и сглотнула.

В небе кружило семь крылатых темно-синих ящеров. Мощных, огромных. Злобных. Один из них стрелой спикировал вниз и с грохотом приземлился перед нами, поднимая столп пыли.

— Арина, отступай. Я задержу. Ну же!

Я медлила. Во мне боролись два противоречивых желания: спрятаться от опасности и помочь хранителю.

— Арина, живо ушла! — рявкнул Каперс.

Огромный шипастый хвост бил по земле, пуская волны дрожи. Словно эхо, эта дрожь передавалась мне. Сердце забилося испуганно часто.

«Стоит послушаться, — подала голос рациональная часть меня. — Хранителю виднее, как защищать подопечного».

«Но это трусливо!» — возразила я мысленно.

«Зато надежно. Ты все-таки не кошка, и девяти жизней у тебя нет. Так что уходи...»

«Уходи, тут так страшно...» — вторила эмоциональная половина.

Пальцы обхватили ветку хаджеры сильнее, почти до боли.

Ящер издал низкий гортанный звук, от которого моя кожа покрылась мурашками, и пошел на Каперса. Он кинулся вперед. В тот же миг еще два крылатых монстра устремились к земле. Оставшиеся четверо продолжали кружить над нами, словно грифы в ожидании падали.

К горлу подкатила тошнота. Больше всего на свете хотелось спрятаться, стать невидимкой, но только хранителю нужна моя помощь. Пусть даже мизерная. Замахнувшись веткой хаджеры, я бросилась вперед.

Каждый миллиметр моего тела сотрясала предательская дрожь. Легко быть храбрым, сидя дома на диване, смотря сериал или читая книгу. В реальности же, когда понимаешь, что твоя жизнь может оборваться в любой момент, приходит всепоглощающий страх... и невероятное желание выжить.

Будоражающий кровь адреналин придал смелости, помог удержать руку твердой, когда я обрушила удар на ближайшего ящера. Правда, с тем же успехом я могла шлепать тигра разношенным клетчатым тапком. Крылатое чудовище даже не пошатнулось. Оскалившись, оно запрокинуло голову и протяжно завывало. Откликнувшись на его зов, еще два ящера приземлились позади нас, отрезая пути к отступлению.

Каперс — мой боевой капибар — носился вокруг первого гиганта, умудряясь кусать и атаковать его магией. Второй, казалось, еще размышлял, на кого ему нападать: на меня или хранителя. А только что приземлившиеся в выборе жертвы не сомневались: они прожигали меня голодными взглядами и хищно облизывались.

Вдруг один из них низко зарычал и шагнул ко мне.

— Стоять! — тут же испуганно выпалила я.

К моему удивлению, чудовище замерло.

Воодушевленная крохотной победой, я отдала новый приказ:

— Улетай!

К сожалению, во второй раз чуда не произошло. Ящер с шумом выпустил из ноздрей воздух и оскалился.

За спиной раздался взрыв. Обернувшись, я увидела почерневшего и крайне разозленного гиганта, с которым боролся Каперс. Ближайший ко мне ящер тоже разглядел сменившего цвет собрата и утробно зарычал. Под ложечкой засосало.

— Арина! Уходи немедленно! — во всю мощь рявкнул Каперс, уворачиваясь от когтистой лапицы.

Та с грохотом приземлилась и подняла новый столб пыли, который полностью скрыл хранителя. А в следующий миг порыв ветра сбил меня с ног. Я трижды перекувыркнулась, приложившись грудью о ветку, которую так и не выпустила из рук. Не позволяя себе медлить, резко вскочила на ноги. Перед глазами заплясал рой черных мушек, а тело повело в сторону, но я удержала равновесие. И перепуганной мышью метнулась вбок — на меня летел шипастый хвост.

Сзади снова раздался взрыв, но я не обернулась. Все мое внимание сосредоточилось на злобно скалящемся ящере. Я ждала новой атаки, и через секунду она последовала. Поток воздуха, с силой пущенный через вытянутые ноздри, едва не сбил меня с ног, но в этот раз я была готова и успела отскочить. Меня задело лишь немного, приложив плечом о ствол молодой хаджеры.

С той стороны, где сражался Каперс, донесся очередной протяжный рев, и остальные ящеры кинулись на помощь собрату. Мое же чудовище уходить не спешило. Выпустив длинный раздвоенный язык, оно, будто в насмешку, несколько раз им махнуло, а затем в меня вновь полетела струя воздуха. Теперь горячего.

Кое-как увернувшись, я отбежала на несколько метров.

Идея возникла внезапно. Безумная, возможно, даже провальная, но другой у меня все равно не было, а потому я решила рискнуть.

— Что стоишь? — рявкнула, глядя в светлые глаза ящера. — Задница тяжелая? Не отрывается

от земли?

Чудовище заревело, а я кинулась бежать. Тяжелый топот и расходящаяся по земле дрожь дали понять, что меня догоняют. Причем догоняют стремительно. Доверившись интуиции, я резко бросилась вправо. Раздался грохот, поднимающаяся пыль вызвала приступ кашля. Я упала, перекадилась и тут же вскочила на ноги. Там, где еще совсем недавно была я, лежала гигантская лапища с грязно-желтыми когтями.

Будь у меня больше времени, я бы непременно испугалась. Но времени не было. Медлительность — роскошь, которая может стоить мне жизни.

— Ха, мимо! — выкрикнула насмешливо и кинулась бежать.

«Нужно увести его. Хотя бы одного. Нужно увести...» — повторяла я, словно мантру.

Новый взрыв и протяжный рев прозвучали приглушенно.

Мы уже так далеко? Я изумленно оглянулась через плечо.

Ящер остановился. Он нервно переступал лапами, поднимая облака пыли, и будто не мог решить, в какую сторону бежать: за мной или к сородичам.

— Что, толстяк, выдохся? — поддела я и, подобрав с земли камень, швырнула его в сторону чудовища. — Слабак! Ленивый варан! Грязный дариок!

Сравнение с вараном ящер явно не понял, а вот упоминание дариоков не оценил. Из его горла вырвался новый звук: не то рев, не то клекот. Чудовище развернулось боком и с силой махнуло хвостом. Я попыталась отскочить. Кувыркнулась вперед и закричала от боли, пронзившей бок. Инстинктивно прижала ладонь к пылающему месту и ощутила, как намокли пальцы.

Ящер довольно оскалился.

— Это не считается! — нахально выдала я и, стиснув зубы, вновь припустила.

Бежать стало тяжелее. Бок горел, невидимое пламя обнимало меня все плотнее. Дыхание сбилось.

Притворяться, что ничего не болит, двигаться максимально быстро, игнорировать трусливую дрожь в груди — это не для меня. Только вот выбора нет. Ящер не станет бежать за мной медленнее лишь потому, что я ранена.

Когда впереди показался мост, я чуть не заплакала от облегчения. Добралась!

Не сбавляя темпа, буквально влетела на хлипкую конструкцию, пробежала метров пятнадцать и, остановившись, обернулась. Ящер замер у края обрыва. Он рычал, бил по земле хвостом, явно злясь, что добыча ускользнула: для него мост слишком узкий. Однако не успела я обрадоваться, как чудовище раскрыло крылья и взмыло вверх.

Захотелось плакать. От усталости, боли, отчаяния.

Опустившись на доски, я прижалась к ним щекой и ухватилась изо всех ешь Между канатов слишком мало места для гигантских лап и хвоста. Если Каперс прав и мост действительно зачарован, он выдержит атаку ящера. Я тут в безопасности. Пусть и в весьма относительной.

Протяжный рев оглушал. Хотелось зажать уши, спасая их от резкого звука, но пальцы будто приклеились к доскам. Хлопки мощных крыльев отдавались дрожью в теле, плотные потоки воздуха сдували... Однако я держалась.

Ящер бесился, не в силах достать меня. Он кружил вокруг, облетал мост снизу и зависал сверху. Острые когти задевали канаты, дергали их, но не могли порвать. Хвост лупил по мосту, заставляя его подпрыгивать, а меня — испуганно сжиматься. Страшно было настолько, что я даже закричать не могла. Лишь внутренне исходила полным ужаса воплем.

В какой-то момент чудовище попыталось усесться на канаты, точно голубь на линию электропередач. Наклонилось и, оскалившись, вытянуло язык. Тонкий, длинный, он легко прошел между натянутых веревок и коснулся моей руки пониже плеча. Кожа зашипела, а я закричала, на миг ослепнув от боли.

Из-за этого я не увидела, не поняла, что произошло. Только почувствовала сильную

воздушную волну, услышала рев ящера и ощутила, как дернулся мост, когда с него сорвало чудище. Хлопки крыльев удалялись, словно оно улетало, но звучали по-прежнему отчетливо. Ящер все еще близко.

Когда зрение вернулось, я осторожно глянула через плечо и вновь чуть не расплакалась. На этот раз от облегчения.

У края обрыва, кидая одно заклинание за другим, стоял Нейт. Заляпанный кровью, потрепанный, с лицом, перекошенным злобой, — он выглядел пугающе. Но я не испугалась. Знала, он защитит меня.

Нейт с силой швырнул в ящера пульсирующий шар, переливающийся всеми оттенками алого. Едва коснувшись вытянутой морды, шар с оглушительным грохотом взорвался. Ящер протяжно завыл, а Нейт, не дожидаясь, пока тот отойдет от удара, атаковал снова. На этот раз он выпустил золотую дугу, похожую на бумеранг. Ящер крутанулся спиралью, пытаясь уйти от заклинания, но оно, наведенное, последовало за ним. Мощные хлопки крыльев раздались с другой стороны обрыва, а следом я отчетливо расслышала тихий писк. Лишь через пару секунд поняла, что это — звук золотого бумеранга.

Ящер петлял, уходил в крутые виражи, ревел, срывая глотку, и дергал канаты, пролетая над мостом. В такие моменты меня подбрасывало. Я кричала и еще сильнее вцеплялась в доски. А Нейт атаковал снова и снова, бросая в чудовище пульсирующие алые сферы. Некоторые из них пролетали мимо, другие — попадали в цель. Но, что пугало больше всего, они лишь ранили ящера, делая того все свирепее.

Новая идея — еще более безумная и пугающая — заставила меня медленно сесть, держась за мост одной рукой, и крикнуть:

— Вот она я! Тут! — Я вытянула свободную руку в воздух. — Лети и возьми!

Ящер замер в воздухе, хлопая огромными крыльями. Хищно оскалился.

Секундной заминки хватило, чтобы золотой бумеранг догнал его и с резким свистящим звуком отрезал левое крыло. Ящер завыл. Словно в замедленной съемке, я смотрела, как он полетел вниз, отчаянно дергая лапами и оставшимся крылом; как Нейт пустил еще одно заклинание — огромную голубую волну. Словно цунами, она устремилась следом за жертвой. В пропасть.

Нейт бросился ко мне.

— Арина, ты в порядке? Проклятые боги! — выругался он, увидев мои плечо и бок. — Я же просил уйти!

— И ты справился бы один? Со всеми ящерами сразу?

— Я бог!

— Заблокированный! Так справился бы?

Нейт недовольно поморщился, но ответил:

— Не знаю, — и, помолчав, добавил: — Не думаю.

Наклонившись, он аккуратно взял меня на руки и понес на твердую землю.

— Мой резерв почти пуст. Я смогу только остановить кровь, — его пальцы мягко опустились на мой бок, однако я все равно поморщилась от боли, — но не вылечить.

— Я согласна на все. Даже на экспериментальную медицину, — пошутила слабо.

Нейт юмора не оценил. Он ссадил меня на траву и хмуро осмотрел мою руку, которой коснулся язык ящера.

— Останется шрам, — наконец произнес хранитель.

— Э-э-э...

— Даже будь у меня полный резерв, помочь бы я все равно не смог. Слюна вейредов ядовита.

— Я умру?!

— Когда-нибудь непременно, — хмуро произнес он, явно злясь на мое вмешательство. — Но не сегодня.

Отняв ладонь от моего бока, который начало слабо покалывать, Нейт коснулся второй раны.

— Но ты же сказал...

— Если бы яд попал в открытую рану, например, на твой бок — ты бы не выжила.

Я шумно сглотнула.

— Но тебе повезло. Пострадала лишь кожа.

— Замечательная новость, — кисло порадовалась я. — И какому богу пришла в голову гениальная идея создать такую живность?

— Сейру.

Ответ не просто огорошил — он вырвал почву из-под ног.

— Думаешь, это он их послал?

— Не сомневаюсь. — Нейт недовольно поджал губы. — Теперь понятно, почему здесь нет других участников: Сейр создал копию эха. Уверен, никто, кроме меня, не ощутил его.

— Копию эха? Разве так можно?

— Богам все можно, — мрачно ответил хранитель.

— Да, но они ведь имеют право вмешиваться лишь опосредованно, а не влиять напрямую... — я спешно прикусила язык, поняв, что сболтнула лишнее.

Глава 32

Нейт прищурился.

— Так, так, та-а-ак. И кто же поделился с тобой правилами тотализатора?

— Эм... Сейр?

— Сомневаюсь. Еще попытка.

Я молчала, сбита с толку столь сильным недовольством.

— Кто рассказал тебе о правиле невмешательства? Кто? — требовательно спросил Нейт, не дождавшись ответа.

Я продолжала строить из себя партизана. Да, Ладина не говорила, что нужно хранить нашу с ней встречу в тайне. С другой стороны, если бы хотела держать Нейта в курсе, она бы осталась тогда у костра, а не исчезла до возвращения брата. Так что же делать?

— Я, — внезапно раздалось сбоку.

Мы повернулись и с одинаковым удивлением уставились на богиню удачи.

— Ты?! — выдохнул Нейт. — Когда? Зачем? А если Совет увидит?

— То что? Не придумывай! Никто не увидит. Мне очень везет оставаться незамеченной. — Она подмигнула и, дойдя до ближайшей хаджеры, сорвала несколько листьев. — На, приложи к боку.

Я послушно прижала к ране целебное растение.

— Что ты задумала? — Нейт скрестил руки на груди.

— Просто хочу помочь.

— Помочь?! Ты была одной из тех, кто проголосовал за мое наказание!

— А что мне оставалось? Из-за какой-то смертной ты перешел все границы! Ты сам видишь последствия своих действий. До сих пор! — подчеркнула она. — А что было тогда? Только вспомни, Нейт!

В несколько торопливых шагов Ладина подошла к брату и, ухватив его за руку, заглянула в глаза.

— Сейчас ты повторяешь старые ошибки, — произнесла она тихо. — И вновь ради смертной.

— То есть ты считаешь, что было бы лучше позволить Арине умереть? — холодно уточнил Нейт.

— Ты — хранитель. Твоя сила бога заблокирована. Попытаться сломать печать — дерзость, которую Совет не простит.

— А вмешательство Райсейра?

— Оно опосредованно, — устало вздохнула Ладина. — Копию эха не отследить — она создавалась лишь для тебя. А остальное... просто стечение обстоятельств. Райс обошел правила умело. Ты — нет.

— Я не позволю ему навредить Арине. Я обещал.

— И ради этого обещания ты готов рискнуть возвращением своей божественной силы? Арина не единственная землянка. Будут и другие. Не в этот, так в следующий тотализатор ты дойдешь первым...

— Нет, — оборвал Нейт. — Я не отступлю.

Ладина вгляделась в лицо брата и ошарашенно выдохнула:

— Не может быть. Ты... ты не... ты ведь не серьезно?

— Уходи, — хмуро произнес он. — Даже твое везение не может длиться вечно. Уходи, пока тебя не заметили.

Ладина бросила быстрый взгляд на меня, снова посмотрела на брата.

— Все ведь может повториться, — прошептала она.

— Знаю. Но это мой выбор. Уходи, — повторил он в третий раз.

Ладина кивнула и, коснувшись руки Нейта, исчезла.

Разговор, невольной свидетельницей которого я стала, обеспокоил. Зажав рану на боку, я медленно поднялась и хмуро уставилась на Нейта.

— Что за слом печати?

— Ничего важного.

Он попытался обойти меня, но я схватила его за руку, останавливая.

— Ладно, — согласилась покладисто. — Тогда что за история с землянкой? Той самой. Расскажешь?

— Слом печати так слом печати, — тут же встрепенулся Нейт.

Я мысленно ухмыльнулась: так и знала, что из двух зол именно это он посчитает меньшим.

— Только сначала ты сядешь и дашь мне заняться твоим боком, — добавил он строже.

— Но ведь твой резерв...

— Уже наполовину полон.

— Да ты оптимист, — фыркнула я и подавилась смехом, поймав серьезный взгляд синих глаз. — Все, молчу и внимаю. Так как у тебя так быстро восстановился резерв? И что с печатью?

Мужчина тяжело вздохнул и, усадив меня на траву, заговорил:

— Недавняя гостья любезно восполнила часть утраченных мною сил. — Я непонимающе моргнула. — Через прикосновения мы можем помогать друг другу.

А, так вот чего она его постоянно за руки хватала!

— Что до печати...

— Это из-за наказания?

— Да. Печать сдерживает мою божественную суть.

Нейт мягко обвел края моей раны и, замкнув контур, накрыл ладонью. Ощущения были двойственными: тепло, идущее от пальцев хранителя, мне нравилось, но тянущая боль, словно кто-то залил кожу суперклеем, раздражала.

— А... — я на секунду закусила губу, — где она?

Мой взгляд пробежался по обнаженному торсу, непроизвольно подметил притягательную рельефность тела и вернулся к лицу. Нейт честно выдержал осмотр, а едва наши взгляды встретились, рассмеялся.

— Осторожнее, Арина. Еще немного, и я подумаю, что ты пыталась меня раздеть.

Честное слово, если бы сейчас нос Нейта превратился в хобот, я бы меньше удивилась. Мои глаза, по ощущениям, стали размером с яблоко сорта «Гренни Смит».

Нейт же, не стесняясь, продолжал от души надо мной потешаться:

— Смущаться поздно, я поймал тебя с поличным!

— Не было ничего, — возразила упрямо.

— И это не то, о чем я подумал?

— Именно!

— А в шкафу кто?

Я рывком обернулась, точно надеясь обнаружить за спиной упомянутую деталь интерьера, и рассмеялась, поняв, что попала на простейшую уловку.

— Там никого нет. Сбежал через балкон, — повернувшись, я наградила Нейта улыбкой. — Что, в вашем мире тоже прячутся по шкафам да под кроватями?

— Еще в ванной комнате, если она примыкает к спальне, — поделился он. — А насчет печати — она невидима. Все-таки ее накладывают на сущность, а не на тело.

— Да, но одно с другим связано, разве нет?

— Не совсем. Вот сейчас я мужчина, а до этого был капибарой. Тело изменчиво в отличие от сути.

— И ты... пытался сломать блок?

— Да. Мне не хватало сил справиться с вейредами.

— Получилось? — спросила, внутренне напрягшись.

— Нет. — Нейт улыбнулся, заметив, с каким облегчением я выдохнула.

— Больше не пытайся этого сделать.

— А если ситуация...

— Пообещай мне, — потребовала я. — Я не для того топаю в ваш дурацкий храм, чтобы ты по дороге получил новый срок! Мы вернем тебя в ряд богов, а потом ты за меня надерешь зад Сейру, договорились?

Нейт снова рассмеялся. Искренне и открыто.

— Обещаю, что больше не попытаюсь сломать печать... если того не потребует для спасения твоей жизни.

Я на мгновение замерла, порываясь оспорить его уточнение, но потом рациональная часть взяла верх над эмоциональной. Кивнув, я протянула Нейту руку:

— Договорились!

— Что ж, тогда выдвигаемся дальше? Бок я тебе подлечил. Болеть будет, — серьезно добавил Нейт, — но опасности для здоровья, нет.

— Спасибо. — Я улыбнулась и встала, опершись на предложенную ладонь.

Про руку решила не спрашивать. Если бы Нейт мог помочь с ней, он бы это сделал. А раз нет, значит, все останется как есть.

«Не страшно, — мысленно подбодрила себя. — Вернусь домой, набью на месте шрама татуировку!»

«Ага, в виде капибары», — хихикнул внутренний голос.

Мы шли без остановок до самого вечера. Говорили редко. О чем думал Каперс — а едва мы тронулись в путь, Нейт вновь обернулся капибарой, — я не знала. Да и, по правде говоря, узнать не спешила. Мои мысли занимал Сейр. Чего ждать от обозленного бога ветра? Нападет ли он снова? И если да, получится ли у нас отбиться? Слишком много вопросов, а вместо ответов, как всегда, лишь догадки.

Я зашипела и ударила себя по локтю, убивая очередного дзарино. Едва жара пошла на убыль, сотни назойливых кровопийц вылетели на охоту. И судя по спокойно шагающему капибару, охота велась исключительно на меня. Больше всего доставалось незащищенным одеждой местам.

На удивление после всех моих кувырканий и падений штаны почти не пострадали. Нет, разумеется, они запылились (выражаясь мягко), но остались целыми. А вот рубашке повезло меньше. Посеревшая, с порванным и заляпанным кровью боком да драным рукавом — печальное зрелище. Как в ней выгляжу я — даже думать не хочу.

Тряхнув головой, я переключила внимание на пострадавшую руку. Повернула ее и хмуро уставилась на болезненно пульсирующий алый след, оставленный языком ящера. В длину сантиметров десять-двенадцать, нижний кончик — тот, что ближе к локтю, — повторяет форму раздвоенного языка.

— Болит? — внезапно спросил Каперс.

— Не очень. Просто ноет. Ай, зараза! — зашипела я и с силой шлепнула себя пониже ключиц, убивая очередное насекомое. — Кап, ты можешь что-нибудь сделать с проклятой мошкаррой?

— С ней — нет, а вот с тобой могу, — пряча усмешку, поделился хранитель.

— Но?..

— Но не буду, — закончил он. — Сейчас мой резерв восстанавливается медленнее обычного, и я не хочу тратить силы впустую. Если впереди нас поджидает очередная теплая встреча, я должен быть готов.

Я кивнула, признавая разумность его доводов, и снова с громким шлепком убила дзарино.

«Ничего, Мандаринка, крепись, — подбадривала сама себя. — Помнишь, как ты поехала с Семицветиком на дачу к ее однокласснику? И как под вечер выяснилось, что никто не взял с собой репеллент, понадеявшись на других? Выжили ведь? Выжили. А вспомни ваш со Светой конный поход на день. Да по сравнению с тогдашней мошкой местные дзарино — ангельские посланники! Так что — оп-оп, выше нос!»

Я прикрыла глаза, воскрешая в памяти шашлыки на даче и скачки наперегонки по полю.

— О чем думаешь? — вклинился в мои мысли голос Каперса.

— О подруге. Соскучилась по ней.

— Та самая Семицветик, из-за которой ты тут оказалась?

Я кивнула и, поддаваясь нахлынувшим воспоминаниям, заговорила:

— Когда мне было девять, я заболела ветрянкой — детской инфекцией, от которой на теле появляется сыпь. Чтобы подсушить ее, обычно пользуются зеленкой. Это такой раствор зеленого цвета.

— Им мажут кожу? — недоверчиво уточнил Каперс.

— Ага. — Я улыбнулась. — И заболевший выглядит довольно смешно с горошком на теле. Обычно этой инфекцией болеют еще в детском саду, но я заразилась уже в школе. После выздоровления пятна смылись не сразу, и какое-то время я ходила зеленой. Помню, как было страшно возвращаться на занятия. Думала, все засмеют.

— С чего бы? Разве они сами не болели этой вашей... как ее... ветрянкой?

— Болели, конечно. — Я пожала плечами. — Просто совсем в детстве и к тому моменту, скорее всего, успели об этом забыть. Третьеклашки, знаешь ли, обычно не склонны к рефлексии и анализу. Для них пятнистая Арина — повод для насмешек.

— Тогда почему родители не вызвали тебе учителей на дом? Вы были бедными?

— Вовсе нет. Просто родители в отличие от меня не видели в этом проблемы. Помню, как утром в первый учебный день я долго не могла заставить себя выйти из дома. Стояла в подъезде и нервно сжимала лямку ранца, представляя, как будут дразниться одноклассники. Не знаю, сколько я медлила — пять минут или двадцать, — но в какой-то момент осознала, что идти все равно придется. Собралась с силами, вышла и... налетела на пятнистого Семицветика! Зная, как мне будет страшно, она разукрасила свое лицо зеленкой. Причем так старательно, что в итоге вышла зеленее меня! — Я с теплотой улыбнулась, воскрешая в памяти тот момент. — А в школе кидалась на всех с фразой «Видели, какая красота? Видели? Хотите так же? А вот шиш вам!» Она с такой гордостью носила свои зеленые пятна, что на

следующий день еще двое ребят пришли в горошек.

Я рассмеялась. Каперс тоже улыбнулся.

— Хорошая подруга.

— Лучшая. И единственная.

— Скоро увидите, — уверенно произнес он. — Вот выиграем тотализатор и вернем тебя домой.

Ободренная, я кивнула и прибавила ходу.

Минут через сорок мы вышли к океану, неровным краем огибающему пологий берег. В лучах заходящего солнца вода казалась почти оранжевой, с масляно-желтой светящейся дорожкой. До следующего острова, виднеющегося вдаль, было несколько километров.

Я напряглась. Неужели придется плыть?

Недавняя схватка с созданиями Сейра лишь укрепила мой страх перед богом ветра. Лезть в большую воду, на которой он легко может устроить очередной девятый вал, не хотелось.

Пока я размышляла, как бы поделикатнее донести эту мысль до Каперса, он уверенно подошел к краю прибоя и насмешливо произнес:

— И долго ты еще будешь прикидываться невидимым?

Глава 33

Из воды — метрах в десяти от берега — показалась покрытая чешуей голова. Бледно-голубая, с большими синими глазами и подрагивающими ушными гребнями.

— Все-таки заметил, — хмыкнул... кто? Водяной змей?

Я нахмурилась. Станным образом голос существа показался знакомым.

— Глупо было рассчитывать на иное, — отозвался Каперс. — Зачем ты следовал за нами?

Теперь из воды показалась не только голова, но и хвост с синей кисточкой на конце.

— После того как ты убил мою подопечную, мне стало ску-у-учно, — протянул змей, подперев морду хвостом, как ладонью.

— И ты выбрал ее? — спросил Каперс, еще больше мрачняя.

Вместо ответа змей оскалился, а я подскочила.

Точно! Вспомнила! Я уже слышала этот голос — в первом кардарве, когда Каперс жаловался на меня другому хранителю. Но тогда получается...

— Вы Рандергот?

— Это имя больше не имеет силы, — с ухмылкой отозвался змей.

— Силы?

— Сколько еще? — перебив меня, хмуро спросил Каперс.

— Все больше. Ты должен был понимать, к чему это может привести.

Я понятия не имела, о чем они. Только чувствовала недовольство Каперса и азартное любопытство хранителя Фиарин.

«Фиарин!» — воскликнула мысленно и повернулась к Каперсу.

— Ты убил ее, — произнесла, нахмурившись.

— А ты чего ожидала? — он насмешливо дернул ухом. — Она вообще-то тоже мне не спинку почесать собиралась. Что тебя удивляет?

— Да, но... ты... а... Вы? — Я посмотрела на змея.

— Я, — хитро согласился он.

— Вы не помогли ей?

— Разве? А, точно. Фу, какой я плохой. — Змей притворно шлепнул себя хвостом по щеке. — Но чего уж теперь плакать? К тому же она была такой надоедливой и одержимой тотализатором, просто жуть! Поначалу это забавляло, но очень быстро начало раздражать. У Фи развилось маниакальное желание истреблять других участников. — Он поморщился. — В какой-то момент я даже перестал понимать, чего она хочет больше: первой добраться до храма или искупаться в крови всех иномирцев.

Я удивленно смотрела на лениво обмахивающегося хвостом змея и пыталась понять, не шутит ли он. Фиарин запомнилась мне опасной, желающей победить, но уж точно не маньяком-убийцей.

— Поверь, если бы Фи почувствовала твоё желание выиграть, она бы давно тебя распотрошила. Буквально.

Я не ответила — зависла, осмысливая услышанное. Каперс же сверлил змея недовольным взглядом и раздраженно переступал передними лапами.

— Давно ты следил за нами?

— Достаточно, чтобы понять, что Арина откажется плыть на хлипком плоту до соседнего острова. А я, так уж вышло, могу вам помочь...

— Нет, — отрезал Каперс.

— Нет? — притворно удивился змей и повернулся ко мне. — Ариночка, золотко, купи-купи пойдешь? — Он дважды шлепнул хвостом по воде, поднимая брызги.

Я уставилась на него как на ненормального. Он это серьезно?!

— Видишь, не пойдет, — решил за меня змей. — Так что я вам нужен. Хотя бы на время.

— Эм-м, уважаемый... — решила вмешаться я. — Рандергот или...

— Нет-нет-нет. — Змей энергично замотал головой. — Это имя утратило силу со смертью давшего мне его игрока. Я же говорил. — Он укоризненно взглянул на меня. — Но тебе, золотко, я разрешаю придумать новое.

— Арина, не взду...

— Ран, — выдохнула я. — Пусть будет Ран.

Скрежет зубов, раздавшийся сбоку, заставил невольно поежиться. Однако поворачиваться к Каперсу я не стала.

— Фантазия, прямо скажем, на троечку, — заметил змей. — Но лучше уж так, чем какая-нибудь зубодробилка.

— Ты, кажется, предлагал помочь? — сухо уточнил Каперс. — Я слушаю.

— У-у-у, как мы заговорили, стоило девочке дать мне имя. Что, мохнатик, не нравится?

— Ты забываешься.

— Я бы сказал, рационально пользуюсь ситуацией, — широко улыбнулся змей и, заметив, как сузились глаза Каперса, поспешил добавить: — В моих силах перенести вас на остров. На *правильный* остров.

— Отлично. Тогда вперед!

— Э-э, нет. Я бы так не спешил.

Ран замолчал и принялся разглядывать свой хвост, будто никогда его прежде не видел. Лениво дернул кисточкой вправо, влево. Снова вправо. И влево.

Каперс прищурился.

— Почему не стоит спешить?

Ран с готовностью повернулся.

— Потому что ночью там будет жарко. О-очень жарко! На остров стекаются участники. Готов поспорить на хвост — до рассвета доживут не все. Предлагаю не лезть на рожон и переждать.

С ответом Каперс не спешил.

— Кап? — позвала я спустя пару минут.

— Ладно, пусть так, — раздраженно бросил он. — Но завтра с утра ты перенесешь нас на нужный остров.

— Разумеется! — встрепенулся Ран. — А пока позволю себе еще одну ма-а-аленькую вольность.

Без дальнейших пояснений он скрылся под водой. Я перевела удивленный взгляд на Каперса, но тот, недовольно поджав губы, гипнотизировал океан и моего немого вопроса не заметил.

Не успела я придумать и трех вариантов, куда мог сбежать Ран, как из воды — уже гораздо ближе к берегу — показалась голова. Мужская, с широкими скулами, приплюснутым носом, тонкими губами, короткими синими волосами и небольшими ушными гребнями, похожими на раскрытые веера.

Следом за головой показалась шея, торс в расшитой голубой жилетке, штаны на два тона темнее. Наконец мужчина вышел на берег.

— Ран? — удивилась я.

— Ты что себе позволяешь?! — взвился Каперс.

Здрав голову, он воинственно наступал на улыбающегося мужчину. Честное слово, если бы анатомия капибары позволяла прыгать, как это делают маленькие злые собачки, — уверена, Каперс бы прыгал.

— Да ладно тебе, не фыркай, — наклонившись, Ран потрепал капибара между ушей и направился ко мне. — Так, золотко, ночи тут холодные, ибо от воды тянет. Я предлагаю...

— Костер вполне способен согреть! — выпалил Каперс, обегая Рана и вставая между нами.

— Вышие и низшие боги, ты что же, каждый раз мучил золотко подобным обогревом? — Синие миндалевидные глаза водного хранителя вмиг стали огромными. — Какое бессердечие! Бедняжка. — Вздохнув, как сердобольная тетушка, Ран обогнул капибара и вновь направился ко мне. — Не переживай, этой ночью мерзнуть тебе не придется.

— А ну стоя-ать! — рявкнул Каперс, вновь вклиниваясь между нами.

Ран послушно замер, скрестил руки на груди и с легкой полуулыбкой посмотрел на капибара.

— Арина — моя подопечная, — чеканя слова, заявил тот. — И только мне решать, как и чем ей греться, где спать, что есть...

— Золотко, этот ненормальный морил тебя голодом?! — ужаснулся Ран.

— Вовсе нет, — поспешила заверить я. — У меня есть жареное мясо и агираль.

— Агираль? Агираль?! — Он повернулся к Каперсу. — Ты совсем ее не берег? А если бы у нее оказалась невосприимчивость? Даже на Айгеросе только десять процентов могут спокойно употреблять это растение!

Десять?!

— Чудо, что она вообще умудрилась протянуть так долго под твоим началом! Но теперь, золотко, тебе не о чем переживать. — Ран отодвинул кинувшегося наперерез капибара и, подойдя вплотную, заключил меня в объятия. — Я позабочусь о тебе. Будешь вкусно кушать, спать в тепле, и по первому требованию — теплый душ! Мохнатый, — Ран оторвался от меня и глянул через плечо, — сооруди костер. А золотко пока искупается. Так ведь?

Я с улыбкой кивнула. Уж чего-чего, а помыться хотелось просто до одури.

— Вот и решено, — хлопнул в ладоши Ран. — Пойдем, тут буквально в семи минутах ходьбы есть ма-а-аленькая бухточка, а в ней — заводь.

— Ты-то там зачем? — рыкнул Каперс, подходя ближе. — Может, лучше останешься тут, поможешь с костром?

— И бросить золотко без присмотра?! — снова ужаснулся Ран.

— Мы быстро, — вмешалась я, пресекая спор. — Правда, быстро, — повторила, встретив очень недовольный взгляд хранителя.

— Как знаешь, — бросил он и, развернувшись, зашагал к лесу.

— Любопы-ытно, — тихо протянул Ран, глядя на удаляющегося капибара. А в следующий миг схватил меня за руку и потянул в сторону. — Шустрее, золотко. Ванная ждет!

До обещанной заводи мы добрались минут за десять. Небольшая, она аккуратно спряталась между скалистым склоном и белоснежной песчаной косой.

Ран выбрал место ближе к сваленным неровной грядой камням, внимательно осмотрелся и, одобрительно кивнув, повернулся ко мне спиной. Получив «зеленый свет», я скинула кеды, быстро разделась и вошла в воду. Грязную одежду взяла с собой.

Стирка на руках никогда не значилась в списке моих талантов. Стирка на руках без порошка и моющих средств — вообще похожа на издевательство. Над вещами и надо мной. Засохшая кровь успела намертво въестся в ткань, и мои слабые попытки вернуть рубашке белый цвет не увенчались успехом. Отчаявшись, я попробовала потереть пятно песком, но добилась лишь

того, что и так далеко не маленькая дыра на боку расплзлась еще больше. Плюнув на неблагодарное занятие, я быстро прополоскала одежду, подплыла к камням и расстелила ее на еще теплой поверхности. Потом принялась мыться сама, с тоской вспоминая земные шампунь и гель для душа.

— Золотко, — вдруг позвал Ран.

Вздвогнув, я присела ниже, оставив над поверхностью только голову.

— Вообще-то вода — моя стихия, — с хитрой улыбкой поделился он. — Если бы захотел, я мог бы тебя увидеть ее глазами.

— У воды нет глаз.

— Конечно, нет. Но она может передать формы, которые огибает, и поверхность, которой касается. — Мне подарили выразительный взгляд.

Я хмыкнула.

— Знаешь, сейчас ты прозвучал как законченный извращенец. Я начинаю понимать, почему Каперс не обрадовался твоему обществу.

— Кто извращенец? Я? Да как ты могла такое подумать?

Не сдержавшись, я рассмеялась — выражение оскорбленной невинности, застывшее на лице хранителя, было бесподобным.

— Рад, что тебе весело, — улыбнулся Ран. — И можешь не переживать: я не подглядывал. Но хотелось, — тут же лукаво добавил он.

— А зачем позвал?

— Хотел предложить высушить твои вещи. Сами они долго будут это делать, а ты, помнится, обещала мохнатому, что скоро вернешься.

Оценив предложение, я кивнула.

Ран поднялся с песка. Легко и грациозно, словно цирковой гимнаст, взобрался на камни и упругими прыжками добрался до того места, где лежал мой нехитрый гардероб.

— Зачем ты его дразнишь? — спросила я через пару минут, когда Ран уже вернулся на берег и заканчивал сушить вещи.

— Кого? Мохнатого? Глупости. Я даже не пытался...

— Пытался.

— Ну-у, если только чуть-чуть. А сама? Почему назвала меня? Или не знала, что мохнатый будет против?

Сложив сухую одежду на песке, Ран отошел на несколько шагов и отвернулся, давая мне выйти из воды.

— Знала, — не стала отпираться я.

Выскочив на берег, обтерлась руками, стряхивая с тела блестящие на солнце капли, и на цыпочках побежала к вещам.

— Тогда почему?

— Между участником, давшим имя, и хранителем, его получившим, формируется связь, ведь так?

— Допустим.

— А своих подопечных хранители убить не могут. По крайней мере, лично, — добавила, вспомнив, что от надоевшей Фиарин хитрый змей избавился чужими руками. Точнее, лапами.

— Уверена? — хмыкнул Ран.

Я замерла на одной ноге, на которой еще секунду назад прыгала, втискивая вторую в штанину, и уставилась в спину стоящего впереди мужчины.

— Кайатир и других слабых участников хранители бросают. Не убивают, — произнесла напряженно.

— А может, нам это не позволяет сделать наше доброе сердце?

Поняв, что Ран снова паясничает, я облегченно выдохнула и продолжила натягивать одежду на влажное тело.

— Скорее уж привязка хранителя к подопечному. Все, можешь поворачиваться, — закончив со штанами и рубашкой, я присела обуваться.

— Золотко, золотко, я-то думал, что приглянулся тебе и потому получил имя. А ты, оказывается, просто решила себя обезопасить. Как все меркантильно в этом мире! — Ран прижал ко лбу тыльную сторону ладони.

— В этом уж точно, — хмыкнула я, возясь со шнурками. — Так что, я права насчет связи хранителя и участника?

Ран лукаво глянул на меня, помедлил несколько секунд и наконец кивнул. Я нахмурилась.

— Но тогда почему Каперс был против того, чтобы я дала тебе имя?

— Может, лучше сама у него об этом спросишь? Ко мне он неоправданно жесток и холоден. И за что мне, нежному и ранимому, такое?

— Да, действительно. — Я вновь не сдержала усмешки.

Встала, отряхнула ладони и первой двинулась в обратную сторону.

— С моими доводами и причинами мы разобрались. Что насчет тебя? — Я искоса глянула на шагающего рядом хранителя. — Почему ты вдруг решил помочь?

— Из-за природного обаяния и доброты?

— Сомнительно. Еще варианты?

— Хотел оказаться в центре событий?

— Тогда стоило переместиться на правильный остров, если уж ты владеешь столь ценной информацией. Третья попытка.

Он не спешил с ответом, хитро поглядывая на меня и в задумчивости шевеля бровями. Наконец, когда до лагеря — если так можно назвать место привала — оставалось всего ничего, Ран заговорил:

— Ты знаешь, *кто* твой хранитель?

— Да.

— А за *что* он им стал?

— Это как-то связано с твоим предложением о помощи? — я нахмурилась.

— Значит, не знаешь, — по-своему расценил мой вопрос хранитель.

— Ты можешь восполнить этот пробел...

— Э не-е-ет, — протянул Ран. — Это не мой секрет, и не мне его выбалтывать.

— Да какой же это секрет, если о нем все знают?!

— Почему же все? Ты ведь не в курсе.

Я зарычала. Игры в «я-знаю-но-тебе-не-скажу» порядком надоели.

Мое недовольство Ран заметил и ухмыльнулся.

— Не дуйся, золотко, — мягко произнес он. — Хочешь, дам подсказку?

- Хочу! — Я вцепилась в руку хранителя, словно боялась, что он сейчас передумает и сбежит.
- Знаешь, чему именно покровительствует... Каперс?
- Нейт, — поправила я, давая понять, что в курсе истинного имени хранителя.
- Он бог азарта, — шепотом поделился Ран. И приложил к губам указательный палец.

Глава 34

Мы вышли к костру. К моему удивлению, на поваленном стволе хаджеры метрах в трех от огня сидел Нейт.

— Глядите-ка, кто тут у нас принарядился, — не удержался от замечания Ран, подходя ближе и опускаясь неподалеку от него. — А ужин скоро?

— Если не угомонишься, сам станешь ужином, — коротко бросил Нейт.

— У-у, кто-то не в духе?

Проигнорировав замечание, он посмотрел на меня и сухо поинтересовался:

— Все в порядке?

— Более чем. — Несмотря на переполняющие меня эмоции, голос прозвучал ровно.

А радоваться есть чему — пазл прошедших событий, кажется, начал складываться! Для полной картины по-прежнему не хватает нескольких деталей, но определенные выводы напрашиваются сами собой.

— Славно, — так же сухо бросил Нейт и коротко кивнул в сторону плоского камня, на котором лежали куски мяса, оставшегося с прошлой охоты. — Ешь. Потом спать.

— Фу! — Ран демонстративно поморщился. — Золотко, он всегда такой зануда?

Я, не сдержавшись, едва заметно улыбнулась.

— Он всегда... он, — ответила лаконично и опустила по левую руку от Нейта.

Ран, сидевший справа от него, подскочил с насиженного места, обежал бревно и устроился рядом со мной. Сбоку вздохнул Нейт, явно собираясь отпустить очередное ядовитое замечание в адрес водного хранителя, но замер. И, как мы, уставился вперед — в сторону ближайшего острова. Небо над ним вспыхнуло алым.

— Значит, нам туда?

— Верно, золотко.

— Маги, — отстраненно заметил Нейт, едва сумеречно-синий небосвод рассекала новая вспышка. На этот раз золотая.

— Не только они. Я же говорил, ночка будет жаркой, — хмыкнул Ран и внезапно вскинул руку.

Несколько секунд ничего не происходило, а потом я разглядела несущуюся на нас волну. Воспоминания о шторме, что устроил Сейр, вонзились в разум, точно иглы морского ежа. Я рефлекторно вскочила, собираясь бежать обратно в лес, но Нейт поймал меня за руку.

— Не бойся. Ничего не случится, обещаю.

Его голос прозвучал спокойно и уверенно. И я, рискнув, снова села. Однако доводам разума оказалось непросто совладать с разбушевавшимися инстинктами. Каждая частица меня вопила об опасности, требовала немедленно убраться подальше от берега. И даже два хранителя, сохраняющие невозмутимость, не служили примером.

Нейт отпустил мое запястье и, приобняв за плечи, прижал меня к себе.

— Не бойся, — тихо повторил он мне на ухо.

Набирающая силу волна все приближалась. Когда до берега осталось не больше дюжины метров, она будто с размаху врезалась в невидимую стену. На мгновение замерла и, подняв густую океаническую пену, опала.

— Видишь, этот навязчивый водный червяк может быть полезен, — хмыкнул Нейт, не разжимая объятий.

Я рассеянно кивнула, потом мягко отстранилась и посмотрела на Рана.

— Вода — моя стихия, золотко, — напомнил он. — Я чувствую ее волнение и желания. Ух, нехило же они там веселятся! Сейчас еще одна будет! — Ран вновь вскинул руку.

Вторую волну я встретила спокойнее. Хотя, честно признаюсь, глядя на надвигающуюся тягучую стену, вновь прижалась к Нейту в поисках защиты. Что творилось на заветном острове — и подумать страшно.

В следующий час небо — уже ночное — несколько раз озаряли вспышки самых разных оттенков, а Ран еще трижды останавливал надвигающиеся на нас волны. Потом все стихло.

— Судя по всему, представление окончено, — подытожил Ран, вставая. — Что, золотко, будем укладываться спать?

— Даже не вздумай! — Нейт рывком поднялся и заслонил меня.

— Да брось! Ты посмотри на нее — долго еще ей обнимать себя за плечи, стараясь спастись от вечерней прохлады? Или что, — Ран прищурился, — заставишь девочку страдать из-за своих комплексов? Видишь в ней Зла...

— Заткнись. И не забывайся.

— Это ты забываешь, друг. — Ран нахмурился. — Я всегда на твоей стороне. И на стороне твоей подопечной, — добавил он, подмигнув. — Так что, если ты устал, я готов подменить...

— Я в порядке, — отрезал Нейт и повернулся ко мне. — Арина, ложись.

Проигнорировав красноречивый взгляд, указывающий на песок рядом с Его Капибарским Высочеством, я легла в другом месте, в безопасной близости от костра. Мысленно же на все лады костерила хранителя и его приказы.

Нейт недовольно фыркнул, но навязываться не стал — лег в паре метров от меня и, заложив руку за голову, уставился в ночное небо.

— Два упертых гордеца, — едва слышно буркнул Ран.

Хотя, возможно, последнее мне уже приснилось: едва мое тело оказалось в горизонтальном положении, я тут же заснула.

Вопреки предупреждениям Рана ночью было жарко. Причем настолько, будто я решила вздремнуть под пуховым одеялом в разгар летнего зноя. Хотелось выпутаться из спеленавшего меня кокона, раскинуть руки-ноги и ощутить кожей прохладный ветер. Тот самый, которым должно тянуть от воды.

Но тело не слушалось. Сознание, барахтаясь в странной полудреме, лениво отмечало навалившуюся тяжесть, словно что-то увесистое давило мне на грудь и мешало дышать. Не размыкая век, я поморщилась и попыталась шевельнуться. Безрезультатно. Со спины раздался тяжелый вздох, а потом разгоряченного лба коснулись прохладные пальцы. Жар тут же спал, а я, слабо улыбнувшись, провалилась в глубокий сон.

Разбудил меня противный клацающий звук. Лишь спустя несколько долгих секунд сообразила, что источник звука — я сама. Точнее, мои стучащие друг об друга зубы. Дрожа и потирая ладони в слабой попытке согреться, я села.

В двух метрах левее, подергивая ухом, спал Каперс. Я покачала головой. Его прыжки из одного тела в другое становятся все более хаотичными. Судя по всему, Нейт действительно не может определить, кто он: младший бог или хранитель. Надеюсь, это не обернется для него новыми проблемами с Советом.

— Любуешься? — хмыкнули справа.

Я рывком обернулась и встретила смеющийся взгляд.

— Тут совершенно нечего стесняться, — продолжил веселиться Ран. — Хотя несколько странно, что грызун привлекает тебя больше Нейта в его истинном облике.

— Глупости, — лениво отмахнулась я и потянулась, разминая затекшее за ночь тело.

— Все-таки Нейт, да?

— Вот приставучий! Ты хранитель или сводник?

— Пф! — Ран насмешливо фыркнул и скрестил на груди руки. — Можно подумать, участницам нужно что-то помимо принца и большой любви.

Внезапная смена темы, мягко говоря, удивила. Мои брови непроизвольно поползла вверх.

— А это ты к чему? — уточнила осторожно.

— Не прикидывайся. — Ран смерил меня взглядом из серии «со-мной-можно-говорить-без-утайки». — Все участницы тотализатора — мечтательницы и фантазерки, иначе бы Айгерос не притянул их. И грезят они по большей части не о других мирах, а о принцах в других мирах. Чтобы они такие: «Ах, я тебе не дамся! Я не такая, как все!» — пропищал он тоненьким голоском. — А принц за ними: «Нет, вернись! Ради тебя я откажусь от престола, только, молю, останься!» — выразительно прохрипел он и (для пущего драматизма, не иначе) потянул ко мне руки.

Я легко шлепнула по ближайшей конечности и смерила незадачливого актера насмешливым взглядом.

— Ты что, перечитал все книжки из библиотеки Семицветика?

— Кого?

— Подруги моей, — пояснила охотно, — а заодно и специалиста по трехсотстраничным отношениям с обязательной свадьбой в эпилоге.

— Вообще-то это сюжет настольной книги любой из участниц. — Ран пожал плечами. — Но у тебя, судя по всему, на прикроватном столике лежит другое чтиво, — протянул он, сверля меня задумчивым взглядом. — Интересно, почему?

— Может, потому что это неправдоподобно? И глупо? Зачем идти на поводу у эмоций, обусловленных вспышкой гормонов? Ты в курсе, что о серьезных отношениях можно говорить только через шесть-семь месяцев после их начала? А лучше — через год!

Теперь вверх поползли брови Рана.

— Ты как вообще оказалась на тотализаторе?

— Случайно. Вышла не на своем этаже, — пояснила с улыбкой, наблюдая искренние — возможно, впервые с нашей встречи — эмоции на его лице.

— Так не бывает. На Айгерос нельзя попасть случайно.

Я не ответила, продолжая следить за яркой мимикой хранителя.

— Теперь понятно, почему Фи тебя не тронула, — пробормотал он вполголоса. — Я-то думал, ты просто струсил, а ты... действительно не хочешь победить?

Ран посмотрел на меня так растерянно, что я вновь не сдержала улыбки.

— Уже хочу.

— Ради Нейта?

Я кивнула и перевела взгляд на упомянутого бога.

— Может, разбудить его? — произнесла в сомнениях. — Обычно он первым подскакивает ни свет ни заря, а тут дрыхнет без задних лап.

— Скоро проснется, не переживай. — Ран отмахнулся. — Я просто немного не рассчитал глубину сна. Все-таки с водными работать проще, чем с запечатанным богом и человеком.

Я напряглась и мысленно сделала стойку, словно борзая, почуявшая добычу.

— Ты усыпил нас? — спросила обманчиво спокойным тоном.

— Помог расслабиться и выспаться, — поправил Ран и, почуяв неладное, быстро добавил: — Золотко, не горячись. Ничего дурного я не сделал, только помог.

Я вспомнила ночную слабость, жар и ощущение тяжести на теле, словно... словно кто-то беззастенчиво обнимал меня, пока я была в отключке!

— Ты меня лапал? — прошипела, вставая.

— Спокойно, девочка. — Ран поднялся и в защитном жесте выставил руки. — Ты все не так поняла. Возможно, не все, — залепетал он, — но кое-что определенно нуждается в пояснениях. Золотко, расслабься. Золотко? Золотко!

Ран по-девчачьи взвизгнул и припустил от меня бегом.

— Давай успокоимся и поговорим обо всем, как взрослые? — не сбавляя скорости, прокричал он.

Я не ответила. Разозленная своей недальновидностью, беспечностью Каперса и наглостью Рана, я изо всех сил пыталась догнать улепетывающего хранителя. Он петлял, точно заяц, умудряясь при этом высоко задирать коленки и активно работать локтями.

— Я сделал это для твоего же блага, — рвано выдохнул он, стремительно уходя вбок.

— Не смей магичить надо мной без моего ведома! — крикнула я, прибавляя ходу. — Ни-ког-да!

— Да кто ж знал, что нельзя? — возмутился Ран на третьем круге.

— А кто тебе сказал, что можно? — не осталась в долгу я и кинулась вперед. — Ага! Попался! — воскликнула радостно, приземляясь на хранителя.

— А-а-а-а! — заверещал он. — Спасите! Помогите!

— Хулиганы зрения лишают? — подсказала хитро, придавливая Рана к земле и зажимая коленями его торс.

— Высшие и низшие боги, Арина!

Недовольный голос Каперса прозвучал словно гром среди ясного неба. В пылу погони мы с Раном успели позабыть о спящем грызуне и сейчас замерли, точно нашкодившие дети.

— У тебя вообще бывает утро добрым? Спокойным?

— В доме Когтя утро выдалось просто изумительным. А этот извращенец, — я ткнула пальцем в подмятого подо мной Рана, — сам нарвался.

— Почему опять «извращенец»? — возмущенно взвизгнул он. — Почему не «сочувствующий и переживающий хранитель»? Может, я просто выполнял свои обязанности?

— Кап, у вас входит в обязанности лапать спящих подопечных? — уточнила, не выпуская жертву из захвата.

На секунду показалось, что во взгляде Каперса промелькнула молния.

— Ариночка, слезь с него, пожалуйста, — мягко попросил он. Слишком мягко.

Судя по всему, Ран тоже почувствовал неладное — он перестал вырываться и напряженно выдохнул:

— Золотко, сиди крепко.

— Арина-а, — с нажимом повторил Каперс, при этом не сводя взгляда с мужчины подо мной.

Я упрямо не двигалась — становиться причиной гибели Рана не входило в мои планы. По крайней мере, в утренние.

— Кажется, ты хотел что-то пояснить? — Я посмотрела на распластанного по песку хранителя. — Если так, сейчас самое время.

— Очень хотел, — поспешно согласился тот и быстро выпалил: — Да, я тебя усыпил, но, клянусь богами, ничего лишнего не трогал!

Я ухмыльнулась, оценив уточнение про «лишнее». Снова глянула на хмурого Каперса, на испуганного Рана и, вздохнув, потрепала последнего по густым волосам.

— Отбой тревоги. Все в порядке. — Легко поднялась с «сочувствующего и переживающего» и протянула ему руку, помогая встать.

Ран с широкой улыбкой вцепился в мою ладонь.

— Я знал, что ты добрая, понимающая и...

— И ты сейчас доиграешься, — хмуро закончил Каперс, стоило Рану в порыве чувств стиснуть меня в объятиях. — Лучше выполни то, что обещал. Доставь нас на остров.

Глава 35

Наносное шутовство как ветром сдуло: Ран стал серьезным и сосредоточенным. Зайдя в океан по пояс, он вновь обернулся огромным голубым змеем с раскрытыми, точно веера, ушными гребнями. Отплыл еще на несколько метров и трижды ударил хвостом. Там, где мягкая кисточка коснулась водной глади, пошла рябь — не такая, какая бывает от брошенного камня, а мелкая, частая, упругая.

Каперс, стоящий сбоку от меня, одобрительно — или насмешливо? — фыркнул. Я отвлеклась на звук и пропустила момент, когда рябь успокоилась, а вода непостижимым образом прогнулась, как если бы на нее поставили невидимую чашу.

— Готово, — оскалился змей.

Честно признаюсь, такое проявление эмоций на зубастой морде выглядело жутковато.

— Нам что, прикажешь добираться до риола вплавь?

Улыбка Рана стала шире.

— Испугался воды, мохнатый?

— Скорее беспокоюсь за Арину. С недавних пор она не любит воду.

Я с сомнением посмотрела на капибара. Он издевается? Нет, безусловно, проплыть три, а то и три с половиной километра я бы точно не рискнула, но вот двадцать метров проблемой не станут.

— Она хочет на другой остров, — напомнила я хранителям.

— И она не выносит, когда о ней говорят в третьем лице, — хмыкнул Каперс.

— Тогда добро пожаловать на борт, золотко!

Светясь от гордости, Ран вновь шлепнул по воде хвостом, и невидимая чаша заскользила в нашу сторону. Правда, до берега она все же не доплыла, остановилась в паре метров. Я замешкалась, и Каперс, видя мою неуверенность, первым ступил в ленивые волны. Высоко поднимая лапы, он дошел до изгиба и, упершись в него передними конечностями, легко забрался сверху. На воду.

— Арин, ты чего там застряла?

Громкий оклик Каперса вырвал меня из оцепенения. Не до конца веря в происходящее, я зашла в воду, а потом забралась в невидимую чашу.

— Держитесь, — предупредил Ран и, не дав мне уточнить: «За что?», снова ударил хвостом по воде.

Чаша сорвалась с места. Сильным рывком меня откинуло назад и приложило о невидимую стену. По ощущению, полукруглую. Мы что, в пузыре?

Обдумать эту мысль как следует не получилось: Каперс, до этого момента упорно державшийся на четырех лапах, отлетел и впечатался в меня.

— Пфа! — шумно выдохнула я, приняв удар, и попыталась спихнуть мохнатую тушу (а после столь близкого знакомства все иные описания напрочь стерлись из головы). — Слезь с меня!

Я бы хотела сказать, что Каперс тут же грациозно отскочил, но нет. Скорость, с которой несся пузырь, не давала действовать свободно. Поэтому хранитель, упершись лапой мне в бедро, весьма неэлегантно перевалился на бок, точно забитый под завязку мешок с картошкой.

Мы с Каперсом обменялись одинаково недовольными взглядами, но пока молчали — оба ждали возможности ступить на остров. Берега которого, к слову, стремительно приближались.

Наконец бешеная гонка прекратилась: внезапно и резко, метнув нас вперед.

— Я же просил держа-а-аться, — протянул над нашими головами Ран.

— За что? За воздух?! — тут же вспылил Каперс, потирая ушибленный нос о переднюю лапу.

— А ты не успел создать удерживающие силки? — Взгляд синих глаз наполнился немым укором. — Прости, но я подумал, что хотя бы эту часть ты возьмешь на себя.

Не слушая пререкания хранителей, я выбралась из пузыря и вышла на берег, покрытый серой галькой. Некоторые камни выглядели вполне обыкновенно, в то время как другие украшали едва заметные цветные пятна, точно над ними встряхнули кистью. Присев, я подняла один из таких камней. Ледяной. Коснулась обычного и ощутила под пальцами приятное тепло. Поднялась, сделала несколько шагов и проверила снова. Так и есть — серые камни успели вобрать в себя часть утреннего солнца, в то время как цветные обжигают холодом.

Голоса спорящих хранителей звучали приглушенно. Не потому, что я далеко ушла, — скорее мой разум убавил им громкости. Все внимание сосредоточилось на гальке и воспоминаниях о ночных вспышках. Я пыталась воскресить в памяти цвета, озарявшие звездное небо. Красный. Золотой. Белый. Синий. Зеленый. Точно такие же оттенки осели на камнях пятнистой росой.

Я нахмурилась и осмотрелась. Впереди, шагах в двадцати, лежал крупный валун. Интересно, зацепило ли его?

Мельком глянув через плечо на хранителей — Ран вновь принял форму человека, в то время как Каперс остался капибарой, — я уверенно двинулась к цели. Быстро дошла, оставляя за собой цепочку влажных следов, и замерла, с ужасом разглядывая находку.

Несколько секунд тарачилась, потом крикнула:

— Кап, Ран, сюда!

Шорох гравия, топот ног, приглушенное пошкрябывание когтями и обеспокоенное:

— Что случилось?

— Это... — я сглотнула, — это ведь не скульптура?

— Нет, — хмуро отозвался Каперс и первым направился к изваянию. Обошел его по кругу. — А здесь поработал кто-то с фантазией.

Ран тем временем забрался наверх и принялся с интересом изучать каждую трещину.

— Досталось ему неслабо, — присвистнул он.

Взяв себя в руки, я подошла вплотную и взгляделась в гримасу ярости на окаменевшем лице: прищуренные глаза, широкий нос, искривленный в оскале рот; тонкие губы и треугольные, точно у акулы, зубы. Высокий лоб рассекла глубокая трещина. Что это: последствия окаменения или рана, полученная еще при жизни? Похожие отметины покрывали мощный торс, обе правые руки и обрубок верхней левой. На груди, уже еле различимый из-за окаменения, лежал медальон участника. Поддаваясь порыву, я привстала на цыпочки и коснулась его пальцами. Подушечки обожгло.

— Ай! — Я отскочила и с опаской посмотрела на поверженного иномирца.

— Золотко, не трогала бы ты его. — Ран, все еще сидящий на каменном животе, качнул головой. — Вряд ли заклинание перекинется на тебя, но рисковать не стоит.

— Кем он был?

— Риксемтер из мира Дайго. Сильная раса, выносливая, одаренная магией. Уже раз тридцать семь... тридцать семь же? — Ран вопросительно глянул на Каперса и, получив кивок, продолжил: — победителем тотализатора становился риксемтер.

— И кто его так?

Лежащий участник был огромен — ростом метра три с половиной. Плюс выносливость и магия... Кто вообще смог совладать с этой машиной смерти?

— Без понятия. — Ран в задумчивости почесал ухо и вздохнул. — Рога жаль.

Предугадывая мой вопрос, Каперс пояснил:

— Гордость каждого риксемтера — мощные, загнутые назад рога, на которых они ставят отметины. По одной за каждого поверженного противника. Чем больше отметин, тем более

знатен риксемтер. Иерархия на Дайго напрямую зависит от силы.

— Так что нашего бедолагу не просто убили, но и в некотором роде унизили. — Ран похлопал по каменному боку и легко спрыгнул на землю.

Я не стала кривить душой и произносить тухлое «как жаль». Уверена, столкнись мы с ним лицом к лицу — и рога этого риксемтера обзавелись бы новой отметиной.

— Надеюсь, нам удастся избежать встречи с его противником. — Я передернула плечами.

— Тут все зависит от твоего везения, золотко. На тотализаторе удача — залог всего.

Мы с Каперсом заинтересованно взглянули на Рана. Интересно, догадывается ли он о покровительстве Ладины?

— Тогда буду надеяться, моя счастливая полоса продлится еще немного. — Я улыбнулась и легко поддела один из камней мыском кеда. — Кстати, а эти пятна — следы магии?

— Верно, — кивнул Каперс. — Когда два сильных мага сходятся в смертельной схватке, искры их заклинаний обжигают все вокруг. Это не опасно, — поспешил заверить он, заметив, с каким недоверием я покосилась на гальку. — По крайней мере, теперь. Дело в том, что обожженные магией камни в некотором роде запечатаны. Они отрезаны от внешнего мира. Потеряли энергетическую целостность. Но нам это ничем не грозит, так что, если хочешь, можешь сохранить один на память.

Я задумалась, переваривая услышанное, потом подняла небольшой, размером с ладонь, камешек. Подбросила его, легко поймала и спрятала в карман. Как бы дальше ни сложились обстоятельства, у меня останется сувенир с Айгероса.

Следующий час мы шли в молчании. Точнее, молчали мы с Каперсом. А вот Ран ныл не переставая. Длительная пешая прогулка стала настоящей пыткой для водного хранителя: ему не нравилось солнце, припекающее все сильнее, неровная дорога, отсутствие обуви. Он громко и эмоционально недоумевал, как можно добровольно становиться хранителями наземных участников, восхвалял воду, с тоской вспоминал любимые течения и принимался их в красках описывать.

Мы с Каперсом честно прослушали различия дождевой, речной, озерной, морской, океанической и ключевой воды. Пару раз даже согласно кивнули в надежде, что это утихомирит пыл разошедшегося змея. Куда там! Ран стонал, словно неупокоенный дух, причем настолько протяжно и надрывно, что единственным желанием было упокоить несчастного, дабы прекратить его мучения.

На восьмом круге причитаний терпение Каперса лопнуло. Злобно рыкнув, он скомандовал привал, не мешкая поставил защитный купол и... ушел! Я растерянно смотрела ему вслед и кусала губы. Может, побежать за ним? Остаться в компании водного страдальца мне не улыбалось.

— Расслабься, золотко, — подмигнул Ран, усаживаясь по-турецки и подставляя лицо солнцу.

Я прищурилась, разглядывая плутоватую полуулыбку, и потрясенно выдохнула:

— Ты притворялся!

— Ну, не совсем, — протянул он. — Без обуви правда неудобно.

— Но зачем?

— Нейт расслабился. Точнее, он слишком отвлекся на меня, а это неправильно. Ты его подопечная, и твои нужды должны всегда стоять на первом месте. Он провел уже довольно много игр в качестве хранителя, но все же недостаточно, чтобы притупить божественный... м-м...

— Эгоизм?

— Характер, — с ухмылкой поправил Ран.

— Но при чем тут это?

— Ты не позавтракала, — просто ответил он. — Храм уже относительно недалеко, и ситуация

может измениться в любую секунду. Тебе нужны силы.

Я поражено застыла. Получается, весь тот цирк он устроил ради завтрака? Неужели обязательно все усложнять?

— Нейт бы не согласился со мной. — Ран пожал плечами, стоило мне озвучить последний вопрос. — Из упрямства. Из нежелания уступать или признавать, что я могу позаботиться о тебе лучше его.

— Глупость какая. — Я качнула головой и села рядом с хранителем.

— Гордость и глупость — сводные сестры, причем настолько похожие, что порой отличить одну от другой крайне трудно.

— Так Каперс ушел за едой? — уточнила, закрывая глаза и подставляя лицо солнцу.

— Сначала остыть, — насмешливо хмыкнул Ран, — а потом — да. И кстати, часть завтрака моя!

— Не проблема. Комиссионные вычтешь по своему усмотрению, но не больше пятидесяти процентов.

Ран не ответил, но мне не надо видеть его лицо, чтобы сказать — мое предложение его более чем устроило. Так мы и сидели, впитывая утренние лучи: Ран тихо мурлыкал себе под нос незнакомый мотив, а я наслаждалась теплом и выдавшимся отдыхом.

Прошло около пятнадцати минут, когда над головой раздалось:

— Держи, Ариш.

Открыв глаза, я встретила взглядом с Нейтом, сидящим передо мной на корточках. Лицо бога расслабилось, уголки губ едва заметно приподнялись — самую малость, но я успела достаточно изучить каждую черточку, чтобы отметить изменения. В руках он держал широкий темно-зеленый лист, на котором невысокой горкой лежали бледно-лиловые ягоды.

— Ого! Шакри! Где только нашел? — Глаза Рана заблестели в предвкушении, а сам он придвинулся ближе.

— Могу рассказать в деталях, как добраться до той поляны. — Каперс убрал ягоды подальше от змея и посмотрел на меня. — Ариш, держи.

Я послушно взяла лист, поблагодарила и искоса глянула на Рана, гипнотизирующего ягоды взглядом голодной собаки.

— Не ведись, — качнул головой Нейт. — Он способен выпросить что угодно.

Будто в подтверждение его слов, Ран вздохнул и шумно сглотнул. Я улыбнулась.

— Может, совсем чуть-чуть?

— Здесь и так немного...

— Но это же шакри-и, — не выдержав, подал голос Ран. — Даже несколько ягод могут насытить на полдня!

— Чуть-чуть, — повторила я, заглядывая в глаза Нейта.

Он несколько секунд молчал. Потом кивнул.

— Ягоды твои. Поступай как сочтешь нужным. Но учти, в этого проглота влезет столько, сколько ни одному лигайту не снилось.

Я мысленно присвистнула, вспомнив щедрые угощения в Гайвимаре, и порадовалась, что успела оговорить долю комиссионных. Ран, к своей чести, взял немного — не больше трети. Оставшееся я положила рядом с собой и, глянув, с каким аппетитом уплетает ягоды змей, закинула парочку себе в рот. Они оказались плотными, кисловатыми и немного вяжущими.

Пока я занималась завтраком, поймала короткий кивок Нейта и ответную ухмылку Рана. Это что? Неужели Нейт понял причины недавнего концерта и... поблагодарил за него? Может ли быть, что забота обо мне стала для него важнее гордости?

«Не обманывайся, Мандаринка, — предостерег голос разума. — И не смотри на него так заинтересованно. Побереги свое сердце, не совершай глупостей. Вон, гляди лучше на ягоды — красивые ведь, с блестящими боками... На ягоды, Арина! — настойчиво повторил он. — И не вздыхай так тяжело, девочка. Сама ведь знаешь, что разум дурного не посоветует. Ты со всем справишься. Вот увидишь».

Покончив с едой, я отряхнула ладони и встала. Ран поднялся следом, а Нейт вновь обернулся капибарой, за что я была ему признательна. Находиться рядом с несносным грызуном мне намного легче, чем с притягательным богом.

Сняв защитный купол, Каперс первым зашагал дальше. Ран, добившись желаемого, перестал изводить нас жалобами. Теперь он шел, закинув руки за голову, и снова мурлыкал веселый мотив. Я с усмешкой поглядывала на водного хранителя и не переставала удивляться его хитрости. Счастье, что волею судьбы эта хитрость работает в моих интересах. Уверена, иметь Рана во врагах — себе дороже.

Мы были в пути не дольше получаса, когда впереди показалось то, что заставило нас замереть. Три каменные статуи — на этот раз не лежащие, а застывшие, будто посреди сражения.

Глава 36

Мы огляделись.

— Чисто? — напряженно спросил Ран.

— Пока да, — кивнул Каперс.

— Подойдем поближе? — предложила я, хмуро вглядываясь в окаменевших участников.

— Хорошо. Но если я скажу «беги», ты побежишь. Без сомнений, раздумий и ненужного геройства. Бросаешь нас и несешься куда глаза глядят. Поняла?

От такой перспективы нутро заледенело. Я посмотрела на Рана, получила ободряющий кивок, перевела взгляд на сосредоточенного Каперса и согласилась.

— Поняла. — Несмотря на волнение, мой голос прозвучал твердо.

Мы приблизились к первому участнику: высокому, изящному, с забранными в высокий хвост волосами и длинными остроконечными ушами. Не знаю, был ли бедолага при жизни эльфом, но сейчас он превратился в обычную, местами потрескавшуюся статую. Наученная опытом, на сей раз я не стала касаться камня. Повернулась к хранителям и успела заметить их обеспокоенные переглядывания.

— В чем дело? Вы знаете, кто мог это сделать?

— Пока рано утверждать. Сначала осмотрим оставшихся двоих.

— Но?.. Какие предположения?

Ран ступешался и отвернулся, вновь уставившись на каменного эльфа. Каперс же смотрел на меня. Глаза в глаза.

— Это очень похоже на магию одного из хранителей, — произнес он и хмуро уточнил: — Сильнейшего из хранителей.

Я устало качнула головой и потерла переносицу.

— Да действительно, почему бы и нет? — буркнула себе под нос. — Иметь во врагах одного только бога — слишком скудно.

— Что, прости? — не расслышал Каперс.

— Говорю, как классно, что у вас тут все такие талантливые и одаренные. Пряма душа радуется!

Ран посмотрел на меня как на умалишенную. Даже отступил на шаг для верности. Каперс же, привычный к моему сарказму, лишь хмыкнул.

— А если серьезно, — я закусила губу. — Разве хранители могут убивать... столько?

В возможности самого факта убийства я не сомневалась: прямо сейчас на меня смотрел тот, кто не так давно избавился от одной иномирной русалки.

— Мы не можем уничтожать участников из спортивного интереса, — пояснил Каперс, правильно истолковав мой вопрос. — Но никто не запрещает избавляться от угрозы жизни подопечному или нам — напомнил он.

Точно. Фхаринец!

— Получается, я топаю в компании двух серийных убийц? Миленко.

— Сказала та, кто сама вполне себе допускала мысль избавиться от меня чужими руками, — не остался в долгу Каперс и довольно прибавил: — Прав был Коготь: мы друг друга стоим.

Я с ухмылкой качнула головой и глянула на Рана. Он, казалось, не слышал наших пикировок, с беспокойством рассматривая окаменелых участников. Я нахмурилась и, приблизившись, коснулась его руки в немой поддержке. Ран вздрогнул.

— Хочешь, пойдём осмотрим оставшихся двоих и проверим вашу догадку? — вполголоса предложила я.

Он кивнул и первым направился к ближайшей статуе. Каперс последовал за ним. Я отстала на пару шагов, не спеша разглядывать окаменелости. Гораздо больше хотелось обдумать происходящее.

По всему выходит, что сильнейший хранитель просто оберегает своего подопечного. Он не делает того, чего не делали бы мы с Каперсом. Разница лишь в том, что нам покровительствует Ладина, стараниями которой на нашем пути почти не встречалось других участников. В теории если мы первыми доберемся до храма, умудрившись опередить загадочного хранителя, проблем не возникнет. А вот если наши пути пересекутся...

«Ладина, пожалуйста, не оставь», — взмолилась я и перевела взгляд на спутников.

Они успели осмотреть второго окаменевшего, внешне похожего на шкаф с руками, и двинулись к третьему. При этом умудрялись о чем-то вполголоса спорить, что было непросто из-за разницы в росте.

Я наблюдала за хранителями со стороны, чувствуя, как в груди разрастается терновый куст беспокойства. Колючие иглы царапали сердце, задевали ребра и пускали шипастые ветви в желудок. Беспокоил меня Ран. В отличие от держащего себя в руках Каперса он, казалось, на грани паники.

— Ран, что случилось? — спросила, взяв его за руку.

— Золотко, ты издеваешься?! Тут три участника, окаменевших по воле Гриана!

— Гриан — этот тот хранитель?

— Да! Да, да, да! — Ран нервно передернул плечами. — И если бы ты его знала, то не была бы так спокойна!

— Но ведь он каждый раз участвует в тотализаторе...

— И я искренне сочувствую тем бедолагам, которым не повезло с ним столкнуться!

С каждой секундой паника накрывала его все больше. Стряхнув мои пальцы, он запустил пятерню в волосы и снова бросил короткий, полный немого ужаса взгляд на окаменевших участников.

Я посмотрела на Каперса.

— Водные хранители — одни из самых уязвимых перед силой Гриана. Особенно на суше, — пояснил он.

Перевела взгляд на Рана и наконец поняла — он до мурашек, до спазмов желудка боится Гриана, потому что знает: если наши пути пересекутся, он погибнет. Страх смерти — слишком знакомое чувство, чтобы относиться к нему поверхностно и уж тем более осуждать.

— Ран, — я снова взяла хранителя за руку и слегка потянула на себя, заставляя его взглянуть мне в глаза, — пообещай, что не станешь вредить нам с Каперсом.

— Что?

— Пообещай, — настаивала я, — не причинять нам вреда ни лично, ни через других участников или хранителей. И тогда я отпущу тебя.

Ран уставился на меня с непередаваемым калейдоскопом эмоций. В нем мелькало и недоверие, и радость, и надежда, и затаенная грусть.

— Золотко, я... ты... это просто...

Я с полуулыбкой смотрела на открывающего и закрывающего рот хранителя.

— Я обещаю, — наконец выдохнул он.

— Ну еще б, — фыркнул Каперс. Уверена, будь он сейчас в божественном облике, скрестил бы руки на груди в надменно-насмешливом жесте.

Ран, к моему удивлению, не обиделся — едва заметно усмехнулся и легко качнул головой. Затем повернулся ко мне.

— Чтобы отпустить меня, ты должна забрать имя.

— А формулировка?

— Любая. Главное, говори искренне.

Я замерла, прокручивая в голове будущую фразу.

— Водный хранитель Ран, — произнесла твердо, — я лишаю тебя данного ранее имени и отпускаю...

— На вольные хлеба, — хихикнул сбоку Каперс, за что удостоился от меня гневного взгляда.

Я тут, можно сказать, магию делаю — разрываю привязку хранителя к подопечному, — а он ерничает!

— Спасибо. — Ран, не обращая внимания на Каперса, рывком притянул меня к себе и заключил в крепкие объятия. — Ты даже не представляешь, что сделала.

На последней фразе я напряглась — слишком двусмысленно она прозвучала. Может, я поспешила? С другой стороны, Каперс бы не позволил совершить роковую ошибку.

— Да-да, Арина молодец, — его недовольный голос раздался совсем близко. — И ты ее уже отблагодарил, а теперь тебе пора возвращаться в океан. Не смеем задерживать.

Ран — точнее, с этого момента безымянный водный хранитель — отстранился.

— Вот ведь собственник! — усмехнулся он и повернулся ко мне. — Никто не стал бы отпускать хранителя. Ни один игрок. Напротив, зная о нашей обязанности защищать, нами пользуются как живым щитом. А ты отказалась. Золотко, — с особенной нежностью произнес мужчина, — обещаю, что не забуду этого.

Пряча довольную улыбку, я кивнула и уже хотела было отойти, но меня удержали.

— Расскажи ей, — твердо произнес он, повернувшись к Каперсу. — Она имеет право знать, ради чего рискует жизнью. А если ты ей все не расскажешь, это сделаю я.

— Да как ты смеешь?! — взревел Каперс, делая шаг вперед, чтобы уже следующий ступить в теле бога. — Вздумал угрожать мне?!

Нейт сократил и без того малое расстояние, схватил водного за жилетку и с силой оттянул в сторону, заставляя его отступить от меня.

— Пока речь не шла о Гриане, я молчал. — Змей дернулся, но Нейт держал крепко. — Теперь все становится слишком опасным!

— Тебя это не касается, червяк!

— Касается! Ты загубил достаточно землян, мстя им за действия одной. Арина не виновата и не обязана умирать, чтобы лишний раз потешить твою уязвленную гордость. Прошло больше пятисот лет! Очнись, Нейт! Все изменилось! Посмотри на нее! Посмотри!

Медленно, словно нехотя, Нейт повернулся и уставился на меня. Я уверенно встретила его взгляд, внешне оставаясь совершенно спокойной. Внутри же все сжалось подобно пружине.

— Хочешь увидеть, как она окаменеет?

— Я не допущу этого, — процедил Нейт. — Арина доберется до храма.

— Ради кого? Ради себя? Нет. Она делает это ради тебя — сам знаешь. Как и то, какие чувства испы...

— Не твоего ума дело, — отрезал Нейт, рывком повернувшись к хранителю.

— Просто расскажи ей. Рискни! Риск ведь должен быть в крови у бога азарта, — поддел он и наконец высвободился из стальной хватки.

Нейт снова посмотрел на меня. Несколько секунд вглядывался в мое лицо, будто силясь прочесть на нем что-то, потом тихо хмыкнул.

— Ты совсем не умеешь держать язык за зубами.

— Я поведал лишь о твоём покровительстве, не более, — мягко возразил змей. — Остальное ты должен рассказать сам.

Я стояла, боясь пошевелиться, и ждала. Знала, давить на бога бесполезно — одного Рана более чем достаточно.

— Хорошо, — наконец выдохнул Нейт и повернулся к водному. — Я расскажу. Как и то, почему ты решился помочь нам, — добавил он с холодной усмешкой.

Змей кивнул.

— Арина все поймет. Вот увидишь. — Он хлопнул Нейта по плечу и двинулся обратно. — Береги себя, золотко, — улыбнулся мне, проходя мимо. — И его береги. Гордость зачастую не позволяет ему признаться в своих слабостях. А они есть даже у богов.

— И ты береги себя. — Я вернула улыбку, провожая уходящего мужчину долгим взглядом.

Странно, но за короткое время Ран успел стать мне если не другом, то хорошим знакомым. И самым иррациональным образом я ему доверяла. Почему? Не знаю. Наверное, потому что видела, как он беспокоился о Нейте-Каперсе, как пытался направлять его в своей шутливой манере. Хитрый водный змей, к которому я успела привязаться. Что ж, Фиарин не ошиблась, называя его замечательным. Пожалуй, такой он и есть, несмотря на все его проделки.

Глава 37

Я смотрела ему вслед с застывшей на губах грустной улыбкой — никогда не любила расставания.

— Жалеешь, что отпустила? — Нейт неслышно подошел сзади и положил руки мне на плечи.

Не оборачиваясь, я мотнула головой:

— Так было правильно. Жить в ожидании возможной смерти — страшно и изматывающе. Поверь, благодаря Сейру я хорошо знаю, каково это.

Пальцы на моих плечах сжались.

— Я обещал, что с тобой ничего не случится, и я сдержу слово. Не бойся ни Сейра, ни Гриана — никого. И не переживай насчет водного червяка, он не предаст.

— Знаю, он же обещал.

— Дело не в этом. — Нейт шумно выдохнул, всколыхнув тонкие волоски у меня на затылке. — Он поставил на тебя.

— Та-а-ак, — я развернулась и заглянула в глаза бога, — а вот с этого момента поподробнее, пожалуйста.

Нейт бегло огляделся и, заметив раскидистую хаджеру, потянул меня к ней.

— Давай присядем. Пока здесь безопасно, я выполню данное обещание и расскажу тебе все.

Я послушно опустилась на траву. Нейт некоторое время молчал, видимо, собираясь с мыслями, потом заговорил:

— Кроме официального тотализатора есть неофициальный. Или, как его еще называют, черный. На первом ставки делают боги, на втором — хранители.

«А может, ты желаешь узнать, почему — а точнее, из-за кого, — хранители стали бросать кайатир и других слабых игроков?» — всплыло в памяти самодовольное лицо Сейра.

И тут же пошло рябью, чтобы смениться лицом Рана.

«Нейт — бог азарта», — прозвучал в ушах его голос.

Снова рябь, и перед мысленным взором возник образ Ладины.

«Из-за какой-то смертной ты перешел все границы! Ты сам видишь последствия своих действий. До сих пор!»

«Видишь в ней Зла?..» — снова Ран.

Обрывки разговоров, брошенных в запале фраз и намеков, точно кусочки невидимого пазла, выстроились в цельную картину.

— Как ее звали? — тихо спросила я, не отводя взгляда от лица Нейта. — Ту землянку, ради которой ты подбил хранителей на ставки. Злата?

Он быстро отвернулся, но я успела заметить гримасу боли, мелькнувшую на его лице. Даже спустя пять сотен лет Нейту все еще тяжело вспоминать о той, что стала причиной его изгнания.

Мы сидели так близко друг к другу, что я отчетливо могла разглядеть каждую чешуйку, проглядывающую сквозь каштановые волосы. Вдруг до боли, до ломоты в костях захотелось взять Нейта за руку, сжать пальцы в немой поддержке, развернуть его к себе и заглянуть в темно-синие, как сумеречное небо, глаза. Поддаваясь порыву, я потянулась к плечу Нейта, но в нескольких сантиметрах от цели остановилась, закусила губу и опустила руку.

— Расскажи мне, — попросила вполголоса.

Нейт повернулся и одарил меня кислой ухмылкой.

— Ты ведь уже сама обо всем догадалась.

— Догадки искажают правду. А я хочу узнать именно ее — твою правду.

Хранитель не спешил начинать рассказ. Он вглядывался в мое лицо, скользил по нему внимательным взглядом, будто ощупывая.

— Мою правду, говоришь? Что ж, тогда слушай. Ее действительно звали Златой, и она была ведьмой. По крайней мере, так ей нравилось считать, — добавил он с грустной улыбкой. — Она рассказывала, что на Земле в то время сжигали подобных ей, и что всю сознательную жизнь она мечтала оказаться там, где ведьмы бы не знали страха и угнетения.

— Она была красивой? — Вопрос сорвался с языка раньше, чем я успела остановить себя.

— Для меня — да. Мне нравились ее волнистые, соломенного цвета волосы, белая кожа и полная чувственной женственности фигура. Я мог наблюдать за Златой днями напролет, подмечая, как вспыхивали ее зеленые глаза в моменты азарта, как изгибались в улыбке алые губы. Казалось, каждая клеточка ее тела источала искреннее наслаждение жизнью, восхищение Айгеросом. Но со временем мне стало этого мало. Я захотел, чтобы она восхищалась не Айгеросом, а мной. И я впервые позавидовал хранителю...

Я слушала, и внутри все сжималось. Это один из тех моментов, когда, зная последствия наперед, хочется вернуться в прошлое и крикнуть «Стой!». Отговорить от опрометчивого шага и не дать совершить ошибку.

— Я встретился с ним — с ее хранителем — и предложил поменяться местами. — Нейт запрокинул голову и уперся затылком в ствол хаджеры. — Тот согласился. Еще бы! Он бы не посмел отказать богу. К тому же я усилил в нем и без того развитое чувство азарта, заставив *захотеть* уступить мне. Не сомневаюсь, в мыслях Деран смеялся надо мной, уверенный, что привыкший лишь делать ставки бог не справится с работой хранителя. А мне было плевать на насмешки, на неодобрение сестры — на все. Как неопикуемый идиот, я радовался возможности оказаться рядом со Златой. Отринув правила тотализатора, я сохранил свой истинный облик. Мне хотелось, чтобы она видела меня настоящего, чтобы касалась, пряталась за моей спиной в минуты опасности...

Горечь совершённых ошибок сдавливала Нейта, точно анаконда. Я видела ее в выражении его лица, в сжатых до судороги пальцах, в проступивших желваках. Видела, как Нейт борется со своими эмоциями, не желая казаться слабым. И как проигрывает им.

— Я был готов пойти на что угодно, лишь бы сберець ее. И я пошел.

Нейт сглотнул и на несколько мгновений прикрыл глаза.

Желание утешить затопило меня, точно река в половодье. Если даже спустя сотни лет Нейт все еще не может спокойно говорить о случившемся, то что же он испытывал в самом начале?

— Азарт на тотализаторе — это все. Ему подвержены даже боги, — продолжил он через минуту. — Мне не составило труда повлиять на них, сместив симпатии в сторону Златы. Но я решил, что этого недостаточно...

— И ты устроил черный тотализатор. — Я качнула головой, а когда снова выпрямилась — наткнулась на его внимательный взгляд.

— Тогда мне было плевать, к каким последствиям могли привести мои действия. Даже когда хранители начали бросать слабых игроков, делая ставки на других, меня это не беспокоило.

Нейт говорил сухо, отрывисто, продолжая пристально смотреть на меня. Он словно бросал вызов. Каждое слово — повод для презрения, возможно, даже ненависти. Только во мне нет этих чувств. Я успела достаточно узнать своего хранителя и смириться с его отношением к землянам, другим участникам и богам. Но главное, я помню ночь в Марайтаре, когда Каперс признался, что раскаивается. Сейчас, глядя на бога, я вижу груз прошлого, который он, точно мул, тащил на себе все эти годы. И я вижу, как он устал от него.

— Ошибаются все, но не всем хватает мужества признаться в этом. Даже самим себе.

Что-то промелькнуло во взгляде Нейта — что-то, чему я не успела найти названия, но, кажется, это было похоже на облегчение и несмелую надежду.

— Злата выиграла тотализатор?

Его губы искривились в горькой усмешке.

— Еще бы.

— А ты?

— А я радовался, словно дурак. Думал, что она, как и обещала, выберет Айгерос. Меня! Но нет... — Нейт опустил голову и до скрипа стиснул зубы. — До сих пор помню ее смех, ударивший, словно пощечина, и то, как она ушла не обернувшись. В другой мир и к другому мужчине.

— Э-э...

— Нашла потом, — правильно понял мое удивление Нейт. — Шахраир — один из сильнейших архимагов Гариора — мира магов и колдунов. Ее красота и лицедейский талант вновь помогли добиться желаемого. Только вот... — его лицо исказил хищный оскал, — их общие дети родились пустышками в отличие от бастардов Шахраира. Архимаг быстро сообразил, кого винить в неодаренном потомстве, так что семейную жизнь Златы трудно назвать счастливой. Слабое утешение для запечатанного бога, но первую сотню лет я жил лишь им... и тем, что мстил всем землянам, оказавшимся на тотализаторе. В каждом я видел Злату, ее подлость и предательство. Боги, каким же беспросветным идиотом я был! Совет правильно поступил, сослав меня в хранители. Раз уж эта роль мне больше по душе, — дернув уголком рта, процитировал он.

Я снова кусала губы, не зная, что сказать и как поддержать. Нужно ли вмешиваться? Или дать ему выплеснуть накопившиеся эмоции?

Костяшки хрустнули, когда Нейт еще сильнее сжал кулаки.

— Я не жалею, что отомстил ей, — твердо произнес он, снова вглядываясь в мои глаза.

Что он ищет в них? Осуждение? Отвращение?

— Она получила то, что заслужила. — Я пожала плечами, не видя смысла сочувствовать той, что оказалась хорошей актрисой, но прогнившим изнутри человеком.

— Так просто? Не вступишься за соплеменницу?

— Так просто. — Я кивнула и впервые с начала разговора улыбнулась. Совсем чуть-чуть, но Нейт увидел и, как мне показалось, облегченно выдохнул.

Неужели ему действительно важно, что я о нем думаю?

— Ты заступилась за кайатиру, но отказываешься защищать и оправдывать свою землячку?

— Я добрая, а не дура.

— Ты странная, — беззлобно поддел он, беря меня за руку и мягко поглаживая большим пальцем тыльную сторону ладони, — но удивительная.

Неожиданное признание разлилось в груди тягучим медом. Под кожей будто защекотало тонким пуховым перышком.

— А ты... внезапный, — брякнула я первое, что пришло в голову.

Нейт рассмеялся, притянул меня к себе и обнял.

— Спасибо, что выслушала, — выдохнул он. — И что поняла.

На секунду я растерялась, но уже в следующее мгновение, совладав с эмоциями, аккуратно погладила его по голой спине. Подушечки пальцев заскользили по гладкой коже, коснулись мелких чешуек, идущих вдоль позвоночника, задели густую косу.

Я вдыхала пряный запах, присущий лишь Нейту, и чувствовала, как сковавшее его напряжение отступает. Ни один груз прошлого нельзя скинуть в момент, но иногда достаточно перестать за него цепляться.

— Нейт, — я мягко отстранилась, — можешь пообещать мне одну вещь?

— Какую?

— Как бы ни сложились дальнейшие события, попытайся остановить черный тотализатор. Слабые игроки тоже имеют право на шанс.

— Конечно, Ариш. Я обещаю.

Перышко под кожей снова защекотало — легко, ненавязчиво, словно дразня или играя. Возможно, я обманываюсь, но хочется верить, что Нейт не просто рассказал о прошлом, а открылся мне. Доверился. Повернулся спиной и попросил вытащить нож, что всадили в нее пятьсот лет назад.

— Спасибо. — Я сжала его пальцы.

За что я благодарила? За обещание или за искренность? Не знаю. Наверное, за все сразу.

Глава 38

Сегодня, к моей радости, я топала належке. Мясо кончилось еще вчера вечером, последние два листа агирала перекочевали из самодельного «бублика» в левый карман штанов. В правом лежит пятнистый камешек. Кусок наколдованной Каперсом ткани я повязала на манер ремня. Не знаю, почему решила оставить дырявый отрез: может, было жаль затраченных хранителем сил, а может, разыграл внутренний запасливый бурундук, для которого любая вещь — потенциально нужная и полезная.

Нейт вновь обернулся капибарой. Теперь, когда между нами не осталось секретов, мы могли говорить о чем угодно. Хранитель поведал мне о своей жизни до рокового тотализатора, о принятых среди богов порядках и том, как иногда от скуки и бурлящего в крови азарта дразнил старших. Некоторые из них понимали, что сама природа Нейта толкала его на глупости, другие — как, например, Гариальд — злились. Однако тяжелее всего складывались отношения с Сейром.

Нейт не выносил самовлюбленного нарцисса, не умеющего проигрывать. Сейра раздражала везучесть Нейта (а имея в сестрах Ладину иного ожидать не приходилось). Однако раз за разом бог ветра покровительствовал другим участникам, надеясь одержать верх. В своем стремлении победить Сейр не гнушался нечестной игрой, ставя любимчикам Нейта палки в колеса, но те, будто в насмешку, умудрялись приходиться к финишу первыми.

Иногда выигрывал Сейр, а иногда проигрывали оба. Тотализатор оставался непредсказуемым, за что и нравился всем богам без исключения.

Однако все изменилось после злополучной игры с участием Златы. Взбешенный очередным проигрышем, Сейр обвинил Нейта в обмане и одним из первых настоял на его наказании. Он же голосовал за максимальный срок запечатывания.

— Вот ведь самовлюбленный засранец! — не сдержалась я, вызвав улыбку у Каперса. — Его самого не мешало бы превратить в какую-нибудь толстозадую выхухоль и сослать в хранители!

— Не кипятись, Ариш. Сейр — далеко не самый приятный бог, но все же он не нарушал правила тотализатора в отличие от меня.

— Да знаю, — махнула рукой. — Просто его энтузиазм в вопросе твоего наказания злит.

— Сейр тогда впал в бешенство, — произнес Каперс таким тоном, словно это объяснение должно все прояснить.

Не прояснило.

Каперс вздохнул.

— Богам легко забыться и перегнуть палку, особенно в гневе. Нас почитают в минуты триумфа, к нам обращаются в моменты нужды. В нашу честь возводят храмы и устраивают праздники. Со временем подобная вера дает нам ощущение непогрешимости, уверенности, что любое наше решение — правильное. И в гневе мы часто... м-м... забываемся.

— А заниженной самооценкой вы явно не страдаете! — насмешливо фыркнула я и уже хотела подколоть его еще раз, но внезапная мысль врезалась в меня, точно «Титаник» в айсберг. — Погоди, ты сказал «храмы»? Разве тот, в который мы топаем, не единственный?

— Конечно, нет, Ариш. Мы идем в Объединенный храм богов тотализатора. В нем не проводятся службы, туда не стекаются верующие. Да и как они могли бы? Храм же постоянно перемещается по архипелагу.

— И много на Айгеросе обычных храмов?

— Достаточно.

— А у тебя есть свой?

Каперс самодовольно усмехнулся.

— И не один, — ответил он с гордостью. И, поймав мой полный скепсиса взгляд, пояснил: — Можешь не верить, но мне поклоняются. Криолиры — раса, проживающая на юге Адагара и занимающаяся в основном торговлей, — часто просят моего покровительства. Все-таки любая

сделка — риск, да и для заключения новых соглашений требуется определенная доля азарта. Племя северных охотников — кхриады — молятся мне перед каждой охотой. Мне и Ладине.

— Знаешь, — я на секунду закусила губу, — из-за этого дурацкого тотализатора я привыкла воспринимать Айгерос огромной ареной и совсем не думала о нем как о мире со своими народами, религией, культурой... Просто упустила из виду в этой гонке на выживание.

— Неудивительно. Но мне кажется, если бы ты узнала Айгерос поближе, он бы тебе понравился.

Я вспомнила утро в Марайтаре, цветные дома, аромат свежей выпечки, спешащих айгерцев разных рас и народностей; гомон, смех, мое собственное желание остановиться ненадолго, выпасть из течения времени и побыть молчаливым наблюдателем.

— Не сомневаюсь, — ответила с улыбкой. — А население Айгероса — это...

— Потомки победителей тотализатора, пожелавших остаться здесь, — закончил за меня Каперс.

От изумления я сбилась с шага, споткнулась и едва не клюнула землю носом.

— Ты удивишься, если узнаешь, как много участников выбрали Айгерос, — потешался над моей реакцией Каперс. — И люди в том числе. Я рассказывал тебе о них, помнишь? Живут в северных землях Амагрейна.

Я ошарашенно кивнула. Почему-то в тот момент меня не озаботил вопрос их происхождения, и лишь теперь все начало обретать смысл.

— Но ведь Айгерос опасен! Особенно ночью. Ты сам говорил.

— Опасен. Но местные подстроились под его специфику. И спустя века они изменились настолько, что стали разительно отличаться от своих сородичей, оставшихся в изначальных мирах. Теперь понимаешь, почему айгерцы так уважительно относятся к участникам тотализатора? Они воспринимают это в некотором роде как почитание предков. Ну, и волю богов, разумеется.

— Погоди, погоди, — я выставила ладонь, — а сами боги как к этому относятся? Все-таки, если я правильно поняла, изначально Айгерос задумывался лишь как арена для игр.

— Да, мы не ожидали, что возникнут желающие остаться, но потом подумали — почему бы и нет? А еще через некоторое время, когда сменилось два-три поколения переселенцев, с удовольствием начали сравнивать, как меняются расы в их родных мирах и на Айгеросе.

Я тихо застонала. Поймала непонимающий взгляд Каперса и пояснила:

— Вы не боги, а британские ученые! Профессия мечты. Наблюдать, анализировать, сопоставлять — шикарно же!

Каперс хитро прищурился.

— Мы все-таки боги.

— Но разве сама идея тотализатора — сравнить своих созданий и понять, кто из них лучше, быстрее, выносливее, изворотливее, — не несет в себе научный интерес? Разве в наблюдении за развитием айгерцев есть иные цели, кроме сравнения и анализа?

Хранитель молчал, только подергивал короткими усами и не сводил с меня внимательного взгляда. Наконец, спустя несколько бесконечно долгих секунд, ухмыльнулся.

— Значит, вот о чем ты мечтаешь?

Я кивнула и поспешила спросить:

— Если я выиграю тотализатор, боги исполнят мое желание?

— Какое? Стать богом? Прости, но нет. Это невозможно.

— А вступить в ряды британских ученых? — не сдавалась я.

Каперс улыбнулся.

— Не знаю. Но события могут сложиться для тебя вполне выигрышно... при определенной удаче, — добавил он лукаво.

— Уже неплохо. — Я довольно сцепила руки за спиной и зашагала с удвоенным усердием.

Мыслями я уже была на Земле и получала письмо от британских светил с приглашением присоединиться к их братии. Обязательно закачу пирушку по такому поводу! Соберемся с Семицветиком, закажем несколько сетов суши и пару бутылок вина... Или лучше шампанского?

Интересно, а можно будет работать по удаленке, летая лишь на важные встречи? Расставаться с единственным близким человеком не хочется. Или попробовать перетащить Свету в Англию? Думаю, британские джентльмены пришлись бы ей по душе. А наличие на туманном Альбионе принцев, графов и прочих аристократов станет для романтической подруги главным аргументом.

Варианты возможного будущего проносились перед мысленным взором, точно кадры киноленты. Я шла, счастливо улыбаясь, и как-то незаметно начала мурлыкать веселый мотив Рана. Может, все-таки не зря я оказалась на Айгеросе?

Глава 39

Когда утром Каперс и Ран говорили: «храм уже недалеко», я решила, это значит, что к заветному финишу мы выйдем к обеду. В крайнем случае к полднику. Однако время шло, а желанная цель все не появлялась.

Благодаря шакри и остаткам агираля голода или жажды я не испытывала — чего нельзя сказать о физической усталости. Привычное к длительным переходам тело все же ныло: спину ломило, стопы горели огнем. Только неумирающая надежда, что храм вот-вот выскочит из-за поворота, давала силы идти дальше.

Еще дважды Каперс чувствовал присутствие других игроков, и дважды мы натыкались на окаменевших участников. Судя по всему, Гриан с подопечным опережает нас ненамного. И от одной мысли, что мы можем столкнуться, все во мне скручивалось в узел.

Уже в густых сумерках, когда мы шли практически на ощупь, Каперс остановился. Наколдовал защитный купол и повернулся ко мне.

— Два часа отдыха, потом выдвигаемся дальше.

— А как же храм?

— Обещал дожидаться и никуда не убежать, — хмыкнул хранитель и легко боднул меня.

Ойкнув, я мешком осела на траву.

— Сейчас слишком темно, чтобы идти. А создавать светлячков опасно — нас могут заметить, — все же пояснил он.

— Разве другие хранители не чувствуют нашего присутствия? — спросила я, возясь со шнурками.

Стянула первый кед и с болезненным наслаждением пошевелила пальцами, чувствуя сотни невидимых иголок на коже.

Вернув себе истинный облик, Нейт опустился рядом.

— А с чего ты решила, что хранители обладают подобными навыками?

Дождавшись, когда я избавлюсь от обуви, он устроил мои ноги у себя на коленях и принялся мягко массировать ноющие стопы. Сказать, что я была удивлена подобными действиями, — не сказать ничего!

— Так почему ты думаешь, что остальные хранители могут то же, что и я? — повторил Нейт, выводя меня из ступора.

Я отвела ошарашенный взгляд от своих ног и посмотрела в смеющиеся темно-синие глаза, казавшиеся почти черными в это время суток.

— Но Ран ведь нашел нас...

— Все просто: он следил за нами от самого Ритберга. Где-то в излюбленном образе водяного змея, где-то в истинном облике.

— И давно ты знал?

— Почти с самого начала. Последние триста лет мы неплохо общаемся, и он в курсе моих незапечатанных способностей. Так что какое-то время этот плут держался на безопасном расстоянии. Потом я все же почувствовал его.

— А дальше?

— А дальше мне было интересно наблюдать за ним. Я хотел понять, почему он следует за нами: из любопытства или из-за сделанной ставки.

Я кивнула и на секунду прикрыла глаза от удовольствия — не знаю, есть ли у Нейта опыт массажиста, но его пальцы действуют очень умело. Сильные, вместе с тем мягкие прикосновения возвращали ногам чувствительность.

— Получается, Гриан не в курсе, что мы рядом? — Я вынырнула из неги и сосредоточилась на теме разговора. Ну, попыталась это сделать.

Нейт кивнул.

— Он, как и все хранители, чувствует лишь храм и его эхо.

— А вдруг за время, что мы тут сидим, он успеет довести своего подопечного до заветного финиша? — Я хотела, чтобы мой голос прозвучал обеспокоенно, но ленная расслабленность, накатывающая все сильнее, загубила слабые попытки на корню.

— Гриан плохо видит ночью. Хуже многих. Этой особенностью его наградил Совет, решив таким образом уравновесить сильный дар.

— Тогда у слабых, получается, должны быть преимущества? — Я вопросительно посмотрела на хранителя, и он кивнул. — А какие?

— У каждого свои. — Нейт пожал плечами и принялся массировать икроножные мышцы. — Ран, например, понимает воду. Видит ее глазами, как он любит повторять.

А ведь точно! В памяти промелькнуло воспоминание о маленькой бухте и откровениях змея.

— Нам нужно только переждать самый темный час, — продолжил меж тем хранитель. — Как он минует, пойдем дальше. А пока, если хочешь, поспи немного.

Идея прилась мне по душе. Зевнув, я потянулась, высвободила ноги и легла на траву. За неимением подушки заложила руку за голову. Нейт опустился рядом и, подперев голову рукой, с улыбкой посмотрел на меня.

— Засыпай, Ариш. Я разбужу, когда придет время вставать.

— Только посмей устроить из этого очередной цирк, — предупредила я. — Не посмотрю, что бог, точно отомщу.

Он тихо рассмеялся.

— Ты не представляешь, какая забавная в такие моменты.

— Угу, обхохочешься просто. Нейт, — строго глянула на хранителя, — я предупредила. Если что, пеняй на себя.

— Я понял, Ариш. Не переживай, спи.

Доверчиво повернувшись к нему спиной, я подтянула коленки к груди и, снова зевнув, начала стремительно проваливаться в царство Морфея. Последней мыслью, мелькнувшей на грани сна и яви, было: «А ведь он так и не пообещал не устраивать шоковых побудок».

Проснулась я от чужого прикосновения. Испуганно распахнула глаза и встретилась взглядом с Нейтом. На секунду растерялась, пытаюсь понять, что происходит, а потом ощутила мягкое поглаживание — хранитель держал мое лицо в ладонях и нежно скользил большими пальцами вдоль скул.

— Что ты...

— Ш-ш, — перебил он, мотнув головой.

Очертил линию подбородка, зарылся пальцами в растрепавшуюся косу и, придерживая за затылок, аккуратно потянул на себя. Второй рукой медленно провел по спине, пока не остановился на пояснице. Я послушно села, продолжая неотрывно глядеть в синие глаза бога. Он замер так близко, что я кожей ощущала его дыхание и могла разглядеть каждую чешуйку, отливающую серебром в лунном свете. Во рту пересохло.

Когда Нейт подался вперед, я осознанно двинулась навстречу.

Пусть человек и бог не могут быть вместе. Пусть такая связь запрещена даже для участника и хранителя. Пусть! Я не стану врать самой себе, притворяясь, будто не хочу этого. Все во мне замерло в ожидании поцелуя.

Миг, второй — и губы Нейта коснулись моего... лба?!

— Просила же обойтись без циркачеств! — возмутилась я, пытаясь за недовольством спрятать растерянность. — Нет, разумеется, крики над ухом и стягивание одеяла — во много раз хуже, но это просто...

— ... подарок, — с улыбкой закончил Нейт.

Я поперхнулась воздухом и с недоверием уставилась на бога. Он издевается? Поцелуй в лоб — подарок? Интересно, он вообще в курсе, кого так целуют на Земле? Или это намек в духе «я-не-уверен-в-успехе-нашего-похода»?

— Расслабься, для волнений поводов нет. — Нейт качнул головой и, поймав мой непонимающий взгляд, пояснил: — У тебя очень живая мимика. Я практически вижу, как ты накручиваешь себя, придумывая один вариант нелепее другого. — Он усмехнулся. — Ты слышала о божественном благословении? Благодарити?

Все еще не понимая, что происходит, я медленно кивнула.

— Мне показалось, одного камешка в качестве сувенира с Айгероса недостаточно для той, кто заставила меня осознать старые ошибки.

— И ты... — Я растерянно коснулась лба в том месте, где кожа еще помнила прикосновение губ.

— Именно! Теперь в рискованных делах тебе всегда будет везти. Но осторожно: гуляющий в твоём теле азарт иногда будет подталкивать на глупости.

— Эй! — Непонимание ушло, уступив место возмущению. — Неужели нельзя было благословить без побочных эффектов?

Нейт рассмеялся и, поднявшись, протянул руку. Ухватившись за нее, я встала.

— Поверь, с ними веселее, — подмигнул он. — Ладно, пора выдвигаться дальше. Самый темный час миновал, а Сианна благоволит нам.

— Си... кто?

— Сианна — богиня ночного светила. Оглядишься, посмотри, как ярки ее лучи!

В отличие от хранителя я не спешила радоваться.

— Если нам хорошо видно, то Гриану тоже.

— Утверждать не возьмусь. — Нейт беззаботно пожал плечами. — В любом случае медлить не стоит. Пошли, — повторил он и, взяв меня за руку, уверенно потянул за собой.

Я послушно засемила следом. Правда, ладонь все же высвободила. Не потому, что мне не понравилось держать Нейта за руку — как раз наоборот. Понравилось! Даже слишком для той, кто скоро навсегда покинет Айгерос.

Я злилась на себя и мысленно костерила свою глупость на все лады: надо было слушать внутренний голос и не подпускать хранителя так близко! В какой-то момент, не выдержав, попросила его принять другой облик. Нейт смерил меня задумчивым взглядом, но без лишних вопросов перекинулся капибарой.

«Чуть-чуть, осталось совсем чуть-чуть, — убеждала я себя. — Выиграешь тотализатор, вернешься домой и все забудешь. Просто выкинешь из головы. Запишешься с Семицветиком в спортзал — она ведь давно хотела. Сменишь работу если не на профессию мечты, то на что-нибудь другое. Новый коллектив, новые обязанности — там не до грусти будет. Все наладится. Непременно. Нужно только продержаться до финиша и не наделать глупостей...»

Стараясь отвлечься от роящихся в голове мыслей, я принялась на ходу переплетать косу. Каперс молчал, судя по всему, тоже о чем-то напряженно думая. Интересно, о чем? Испытывает ли он те же душевные терзания, что и я? Или для него моя роль всегда сводилась лишь к победе на тотализаторе?..

«Нет, — одернула сама себя. — Безразличных не пытаются понять, не интересуются их прошлым и настоящим, не спрашивают о друзьях. И уж тем более не одаривают божественной благодатью».

Однако вместо успокоения эта мысль пуще прежнего растревожила улей моих сомнений. Сейчас как никогда страшно пойти на поводу у эмоций и поверить в то, чего нет. Да и зачем? Все равно все сводится к простому, но безжалостному факту: совсем скоро я покину Айгерос, а Нейт останется здесь.

Тяжелые раздумья настолько затянули меня, что я чуть не налетела на Каперса, когда тот внезапно замер.

— В чем дело? — Я нахмурилась.

— Они совсем близко. Приготовься.

И хотя мои эмоции вспенились, точно кипящее молоко, а тоненький голосок на задворках сознания запаниковал, вопрошая, как можно подготовиться к встрече с сильнейшим из хранителей, я смогла сохранить внешнее спокойствие.

— Гриан перед тем как напасть, начинает едва заметно светиться оранжевым. Если заметишь даже намек на подобное — отскакивай в сторону. Еще одна слабость Гриана: нацелившись, он бьет в выбранное место. Линейно. Если побежишь на него — попадешь под удар, а если уйдешь вбок — спасешься. Поняла?

Закусив губу, я кивнула.

— Ты с ним справишься?

— В полной силе мне бы не составило труда разделаться с ним, а сейчас — не уверен. Даже забавно, — Каперс хмыкнул, — за сто с лишним игр нам ни разу не довелось столкнуться. Но не бойся: я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы защитить тебя. Главное, сама не попади под удар.

Я снова кивнула, чувствуя все разрастающееся беспокойство. Усилием воли заткнула эмоциональную половину, которая тихонько выла: «Мамочки-и-и, я хочу домо-ой!», мысленно помолилась Ладине и двинулась вслед за Каперсом.

Каждый шаг пускал по телу волну мурашек, пальцы едва ощутимо подрагивали, и чем дальше мы шли, тем страшнее становилось. Ожидание неизбежного сводило с ума. Но вот дорога вильнула и вывела к широкой развилке.

Там мы и столкнулись.

В первый миг я растерялась. Застыла как дурочка и во все глаза уставилась на единорога. Нет, серьезно! Самый настоящий единорог! С длинной белоснежной гривой до самой земли, серебристыми копытами и рогом, переливающимся перламутром. Но потом я увидела всадницу. И все во мне оборвалось. Я вновь почувствовала себя Алисой, провалившейся в кроличью нору: почва под ногами исчезла, а под ложечкой защекотало, как от падения.

— Семицветик? — мой голос дрогнул.

Глава 40

Она посмотрела на меня. Посмотрела как на чужачку, будто не знала или — что хуже — не желала знать. Отвернулась, тронула пятками бока единорога, явно собираясь пустить его в шаг. И я окликнула снова:

— Света, это же я! Ты что? Не узнала меня?

Вопрос ее разозлил. Она рывком крутанулась и прожгла меня яростным взглядом.

— Не узнала? О, Арина, я бы хотела не узнать тебя. Хотела бы не узнать, что ты лгала мне столько лет. Что воспользовалась мной и теперь пытаешься отобрать мечту всей моей жизни.

— О чем ты?

— Вот только давай без этого, — Света поморщилась. — Уже глупо отнекиваться. Ты здесь, на Айгеросе. И ты идешь к храму. Так что не надо строить из себя мисс Удивление. Знаешь, чего я до сих пор не могу понять? Ты знала о проверке участников накануне переноса? Поэтому предложила устроить посиделки с пищей у меня дома — из опасения, что силы твоего желания не хватит?

— Света, это какой-то бред.

— Бред?! — ее голос сорвался на крик. — Бред, Арина, это наша дружба, которой ты воспользовалась, чтобы оказаться здесь! Бред то, что ты пытаешься отобрать у меня все. Как ты вообще добралась сюда невредимой?

Я снова оглядела подругу. Теперь, когда шок схлынул, я заметила, что левая рука Светы перевязана, а повязка пропиталась кровью. Что на шее темнеют синяки как от пальцев, будто кто-то пытался задушить мою подругу. Да и сам единорог хоть и выглядит сказочно, явно пережил немало: длинная грива местами подпалена, на копытах сколы.

Но почему так? Гриан ведь сильнейший из хранителей. Если уж справились мы с Каперсом, то...

— Им почти не встречались другие участники, — раздался знакомый голос.

Я моргнула. Показалось или?..

Из-за шеи Гриана выглянула серая мордочка с треугольными ушами.

— Диара? — выдохнула я ошарашенно. — Но как? Откуда?

Она не ответила. Сжалась, будто пожалев, что вообще заговорила, и снова спряталась за хранителем.

Света усмехнулась.

— Надо же, как тебе везло! А я прорывалась с боем. Ты понятия не имеешь, чего мне стоило сюда пойти. И я не отступлю. Так что прочь с дороги!

Я не пошевелилась. Застыла будто статуя и все смотрела на лучшую подругу, до конца не веря, что это действительно она. Откуда в ней столько злости? Мы ведь знаем друг друга с детского сада, мы всегда были опорой друг для друга. А теперь... кто мы? Кого она видит, глядя на меня? Подругу? Соперницу? Врага?

— Чего молчишь? — Света прищурилась. — Не ожидала, что мы столкнемся? Думала, выиграешь тотализатор, переберешься в волшебный мир и никто об этом не узнает? Решила бросить меня?!

— Нет! — Я дернулась, хотела кинуться вперед, но Каперс преградил мне дорогу.

— Гляди-ка, твой хранитель зашевелился. А я уж решила, он игрушечный. Кто это вообще? — Света чуть склонила голову, насмешливо разглядывая его. — Бобер? Морская свинка-переросток? Хомяк-мутант?

— Это капибара, — мой голос прозвучал приглушенно, но подруга услышала и рассмеялась:

— Что за нелепое животное! Хотя тебе подходит. Как говорится, подобное к подобному.

Я не могла больше выносить надменный взгляд таких родных голубых глаз. Сколько раз я смотрела в них? Миллион? Миллиард? Не сосчитать. И никогда прежде взгляд этих глаз не прожигал меня такой ненавистью.

В памяти, точно слайды, замелькали воспоминания прошлого.

Мне четыре. К нам в группу заводят новую девочку с густыми рыжими волосами. Знакомят с остальными детьми и оставляют, давая ей время пообвыкнуться. Девочка переминается с ноги на ногу, прижимает к груди серого медведя и с опаской поглядывает в нашу сторону. Я сижу на ковре возле книжной полки, рядом накрыт игрушечный столик, а на стуле сидит одинокий плюшевый заяц. Смотрю на расставленные чашки и понимаю: моему зайцу, как и мне самой, очень нужен друг. Поднимаю голову, ловлю настороженный взгляд новенькой и приветливо машу, предлагая присоединиться к игре. Девочка несмело подходит и представляется «Светик», а я радостно добавляю «Семицветик» и отодвигаю свободный стульчик для ее медвежонка.

Мне семь. Гофрированные банты, удерживающие на макушке два хвоста, такие огромные, что размером едва ли не больше моей головы. Рядом стоит Света с такими же белыми чудовищами в причёске и смеется надо мной. А я — над ней. Мы беремся за руки и бежим к тучной женщине в темно-зеленом костюме, вручать букеты астр. А потом — в класс, спеша занять свободную парту на двоих.

Мне четырнадцать. Семицветик у меня дома. Плачет, уткнувшись носом мне в колени, а я глажу ее по волосам и ненавижу Дениса Морозова, который не замечает Светины чувства и гуляет с Настей Мирякиной из параллельного класса.

Мне шестнадцать. Семицветик снова у меня, мы сидим на кровати, обедаясь клюквенным зефиром в шоколаде, и на полном серьезе рассуждаем, что все парни — дураки. А самый главный из них, разумеется, тот самый Денис Морозов: погуляв с Настей полгода, он таки ответил на чувства Светы... чтобы через год начать встречаться с Ирой! Семицветик еще злится на непостоянного ухажера, но скорее по инерции, чем всерьез — последние три недели она влюблена в нового книжного героя. В принца, разумеется.

Мне девятнадцать. В квартире темно и тихо, под щекой мокрая подушка. Кричать сил нет, голос сорван. А вот слезы не прекращаются. Слышу приглушенный щелчок замка, хлопок двери, шорох одежды и быстрый топот. В следующий миг Света опускается рядом, сдавливает меня в крепких объятиях и плачет. Она ничего не говорит, не пытается утешить — она молча переживает мое горе, как свое. И я понимаю, что не одна.

Мне двадцать один. Мы со Светой сидим в баре и отмечаем получение дипломов. Подруга дуется, что я, как всегда, собираюсь рано сбежать домой. Но мне в отличие от нее утром на работу. Под натиском уговоров я все же сдаюсь, мы заказываем еще по коктейлю и радостно чокаемся бокалами. На несколько секунд я замираю, с тоской вспоминая родителей и сожалея, что они не узнали о моем выпускном и о красном дипломе. Семицветик, будто прочитав беспокоящие меня мысли, ободряюще сжимает мои пальцы и улыбается, словно говоря: «Они знают, они гордятся».

— Нет! — Я мотнула головой и отступила на шаг.

Это не моя подруга. Не хочу верить, что тотализатор мог превратить добрую девушку в холодное создание, полное презрения и ненависти. Не хочу!

— Нет? — Света удивленно изогнула брови, явно не догадываясь, что именно я отрицала. — Поверь, подходит. Со стороны всегда виднее. Что скажешь, Элькарион?

Она похлопала единорога по шее.

— Соглашусь. Достойное лишь для избранных. — Он окатил меня надменным взглядом, явно давая понять, что меня к «избранным» можно отнести в последнюю очередь. — Мне избавиться от нее?

— Пока не надо. Она не станет мешать нам. Так ведь, Арина? — с нажимом произнесла Семицветик.

Я не нашла в себе сил ответить. Вместо этого повернулась к Диаре, подглядывающей за всем украдкой.

— Почему? Ди, почему? — повторила, не дождавшись ответа.

— Потому что я тоже хочу пройти этот путь! — вдруг выкрикнула она. — Вы бросили меня в Ритберге! Оставили, как до этого мой хранитель!

— Но мы же договорились... Ты согласилась...

— Да! Потому что вы меня вынудили. Быть брошенной возле Разлома или быть брошенной в Ритберге — вот из чего мне пришлось выбирать! А Света поняла, что даже пройти сам путь, приблизиться к храму — уже великое счастье для подобных мне! Когда они с Элькарионом проходили через Ритберг, я и не надеялась, что мне позволят пойти с ними. Но они — не вы, — обиженно бросила Диара. — Они не прогнали меня!

— Довольно, — холодно оборвала Света. — Пока мы тут тратим время на болтовню, другие подбираются к храму. Пошли! — приказала она, ударив пятками единорога.

Тот одарил нас с Каперсом насмешливым взглядом, развернулся и горделиво зашагал. Диара на секунду замешкалась, точно собиралась что-то сказать, но потом качнула головой и свернулась клубком на руках у Светы.

Я смотрела вслед удаляющейся троице и чувствовала, как все внутри обрывается. Даже когда они скрылись за очередным поворотом, я не пошевелилась. Меня словно парализовало.

Не знаю, сколько я так простояла. В себя пришла, ощутив присутствие Нейта за спиной, а после — и его ладони на плечах. Он мягко развернул меня, заглянул в глаза и крепко обнял — так, словно пытался спрятать в кольце своих рук от разъедающей изнутри пустоты. Несколько долгих секунд я не двигалась, только вдыхала запах Нейта и ощущала успокаивающие поглаживания по спине. Потом невидимую плотину оцепенения прорвало.

Эмоции захлестнули меня, точно цунами, и я, боясь сломаться под их напором, вцепилась в Нейта. Прижалась к нему изо всех сил, уткнулась носом в шею и до боли закусила губу, сдерживая подступившие слезы. Я обнимала хранителя так отчаянно, словно он удерживал меня на краю пропасти, не давая упасть. Я нуждалась в нем больше, чем когда-либо.

Осознание этого напугало... но тут же схлынуло под натиском нового, гораздо более жуткого — мне придется выбирать, чью мечту исполнить: Нейта, которому я обещала вернуть силу бога, или Семицветика, грезившей другими мирами.

Я позволила себе еще лишь секунду в крепких объятиях, потом отстранилась. Нейт качнул головой.

— Что уже успела надумать?

Я молчала, продолжая сверлить его напряженным взглядом.

— Да брось, Арин! И не хмурься, а то сморщишься, как оставленный на солнце пиор. — Нейт улыбнулся и большим пальцем коснулся моей переносицы, точно собирался стереть беспокойство не только с моего лица, но и из сердца.

— Ты не Ран: отшучиваться на серьезные вопросы — не в твоих привычках. Не притворяйся, будто не понимаешь.

Нейт скрестил руки на груди.

— То есть ты уже определилась? И что выбрала, позволь узнать? Мы с удвоенным усердием спешим к храму или мне пора впадать в уныние, меланхолию и алкоголизм?

— Может, ты не заметил, но сейчас не лучшее время для сарказма, — процедила я.

Его наносное шутовство разозлило. Мой мир только что перевернулся с ног на голову и теперь балансирует, точно заправский циркач. Необходимость выбирать, решая чужие судьбы, пугает до ледяных судорог в мышцах, а тот, кого мое решение касается напрямую, делает вид, что его это вовсе не беспокоит!

— А для чего сейчас лучшее время? — в голосе Нейта проскользнуло недовольство. — Думаешь, начни я давить на тебя, будет лучше? Или ждешь от меня героического отказа в пользу твоей свихнувшейся подружки? На это я бы особо не рассчитывал.

— Она не была такой! Никогда не была, — добавила тише.

Почему я оправдываюсь? Почему мне так важно, чтобы Нейт понял, что та, кого мы недавно

видели, — не моя подруга? Наверное, потому что я сама отказываюсь принимать случившиеся со Светой перемены.

— Я рассказывал тебе, что тотализатор меняет участников, помнишь?

Я кивнула, не чувствуя в себе сил ответить, и Нейт продолжил:

— Что ж, теперь ты в этом убедились. Айгерос притягивает лишь мечтателей, и не обычных, а именно тех, кто грезит другими мирами. Ты не представляешь, в какую эйфорию они впадают, оказавшись здесь. Радостно скачут, кричат, размахивают руками...

— И как долго добрые хранители позволяют им пребывать в счастливом неведении, прежде чем обрадовать правилами тотализатора?

— Недолго, — честно ответил Нейт. — Не стоит смотреть на меня так осуждающе, Ариш. У нас нет иного выбора — такова наша роль.

— Я понимаю, просто... просто это так жестоко!

Он пожал плечами, не соглашаясь, но и не отрицая сказанного.

— Айгерос — он как первый глоток воды для заплутавшего в пустынях Кироны путника, дразнит и пробуждает желание большего. Попав сюда, участники понимают, что другие миры — не вымысел, и не хотят возвращаться обратно. Проигрыш становится страшнее смерти. И тогда они меняются. Все и всегда, — подчеркнул Нейт. — Чужие жизни перестают иметь значение, и любая низость кажется оправданной. Ты единственная, кого не отравила собственная мечта.

— Просто моей здесь нет. Скажи, а проигравшие участники, которые возвращаются в родные миры, помнят об Айгеросе?

— Да. И обо всем, что с ними тут произошло.

Я мысленно застонала, понимая, что если выиграю, то на Земле лишусь единственного близкого человека. Потом выругалась в голос, пнула низкорослую траву и буркнула:

— Пошли.

Нейт догнал меня в два шага и схватил за руку:

— Уверена?

— Нет. Но лучше я обдумаю все по дороге к храму.

Он понятливо кивнул и зашагал рядом.

Глава 41

Путь указывал Нейт, мне оставалось лишь переставлять ноги и думать. Думать, думать, думать... Голова разрывалась от мыслей, а душа — от сомнений. Снова и снова я вспоминала Семицветика, совместные посиделки и ее пересказы очередной прочитанной книги. Будто заново слышала наши разговоры и свой смех.

Глупо врать, я хочу уступить ей — не холодной участнице тотализатора, а лучшей подруге, которую знаю с детства. И почти так же сильно я желаю сдержать данное хранителю слово. Нейт достаточно наказан за то, что влюбился не в ту девушку и решил бросить мир к ее ногам. А я сама? Как меня вообще угораздило оказаться впутанной в эту историю? Почему на Айгерос попали сразу две землянки? Разве это не противоречит правилам тотализатора?

— Противоречит, — согласился Нейт, стоило мне озвучить последнюю мысль.

— Но как же тогда так получилось?

— Сам хотел бы понять. Одно могу сказать наверняка: без божественного вмешательства тут точно не обошлось.

— Сейр?

— Сомневаюсь. Слишком сложно для него. Да и сил на перенос не хватило бы. Все-таки не его профиль.

— Тогда кто?

— Пока не знаю, Ариш. Но обязательно выясню.

Я вздохнула и продолжила шагать. Небо светлело. Ночные тени, еще длинные, но уже не такие густые, сбились у корней деревьев, попрятались в дуплах или с западной стороны больших валунов. Скоро рассвет.

На удивление дзарино почти не беспокоили. Интересно, почему? Может, какой-нибудь Айгеросовский бог справедливости — если такой вообще существует — решил, что с меня хватит приключений? Очень на это надеюсь. А еще надеюсь, что мне не придется выбирать между хранителем и лучшей подругой.

— Нейт, — негромко позвала я, и он, не сбавляя шага, обернулся. — А на тотализаторе могут быть два победителя? Что если мы со Светой возьмем за руки и одновременно войдем в храм?

— Нет, Ариш. Хоть за руки, хоть верхом друг на друге — не важно. Победитель всегда один.

— Но ведь обычно и представителей каждой расы по одному. А нас двое. Может, получится засчитать нашу с ней победу как выигрыш землян?

На несколько секунд Нейт задумался и чуть не встретил лицом низкую ветку. Но успел пригнуться в последний момент.

— Наверняка утверждать не берусь. Однако не думаю, что Совет позволит подобное. Одно дело — допустить появление «лишнего» игрока, другое — нарушить главное правило тотализатора: победитель всегда один.

— Но почему нет? — не унималась я.

— Потому что никто не ставил на выигрыш двоих.

— И?

— И боги не могут проиграть все вместе. Среди них, как и среди участников, всегда есть победитель.

— А если выигрывает Света, твое наказание отменят? Она ведь тоже с Земли и...

— И не я довел ее до финиша. Так что нет, Ариш. Проиграешь ты — проиграю и я.

Я выругалась. Настолько цветисто, что Нейт снова обернулся и удивленно хмыкнул.

— Если ты еще не определилась, советую поторопиться, — произнес он минут через пять. — Мы почти на месте. Твоя подруга тоже.

Эти слова выбили почву у меня из-под ног, и я споткнулась. Слабо улыбнулась обернувшемуся на шум Нейту и до боли вдавила ногти в ладони, пытаюсь сдержать забурлившие с новой силой эмоции. Я справлюсь. Обязательно.

Продравшись сквозь густые кусты, мы выбрались из леса. Я зажмурилась, спасая глаза от слепящих бликов, проморгалась и посмотрела вперед. На пригорке, отражая утренние лучи, стоял храм: огромный, с широкой лестницей, белоснежными колоннами и прозрачной купольной крышей.

Мы с Нейтом дружно ускорились, стремясь добраться до цели. Но не успели сделать и пятнадцати шагов, как с другой стороны леса верхом на единороге выехала Семицветик. Сбоку от нее в человеческом теле шла Диара.

Я замерла, точно пойманный за руку карманник, и посмотрела подруге в глаза.

— Зря ты не послушала меня, Арина, — голос, полный ледяной надменности, хлестнул пощечиной. — Я не хотела тебя убивать, но ты не оставила мне выбора.

— Света, постой! Послушай...

— Я достаточно тебя слушала! Почти всю жизнь я тебя слушала! Следовала твоим советам. Думала, ты заботишься обо мне. Но как выяснилось, ты всегда беспокоилась только о себе.

— Что? Нет! Все не так! — запротестовала я и сделала шаг вперед.

— Стой где стоишь. — Злая ухмылка, какой я никогда не видела на лице подруги, пригвоздила меня к месту надежнее любых слов. — Иначе мне придется убить тебя немедленно. А потом и твоего грызуна. Хотя последнего жаль. В человеческом обличье он мне даже нравится. Эй, — она похлопала единорога по шее, — ты тоже можешь превратиться в красавчика?

— Я не мечтала о других мирах и, оказавшись тут, надеялась лишь вернуться домой. К тебе.

— Не лги мне! Если бы ты хотела вернуться, достаточно было никуда не идти! Но ты здесь, у храма, а значит, твоим словам нет веры. Впрочем, как и всегда.

— Нет! Я делаю это не ради себя. Семицветик, пожалуйста, послушай...

— Не смей называть меня так! Наивной дуры Семицветика, которая доверяла тебе как себе, больше нет. Поступки говорят красноречивее любых слов. Достаточно того, что я вижу, чтобы понять, какая лицемерка скрывалась под маской моей лучшей подруги.

Отчаяние драло меня изнутри, как голодный лев. Отрывало от сердца огромные куски, запуская когти в душу и утробно рычало, пуская по телу волны предательской дрожи.

— Поверь, прошу тебя, во имя нашей дружбы, — не сдавалась я. — Нейту нужна помощь. Если я выиграю, его простят и он сможет вернуться...

— Это мне нужна была твоя помощь! — в отчаянии выкрикнула Света, скидывая маску ледяной надменности. — Почему ты не прекратила идти к финишу, когда мы встретились? Почему не отказалась от участия? Зная, как я мечтаю попасть в другой мир, ты могла... нет, должна была остановиться! Но вместо этого ты выбрала своего хранителя, а теперь еще смеешь заикаться о какой-то там дружбе? — Ее голос дрогнул, точно каждое слово причиняло ей физическую боль.

— Мне очень жаль, но пожалуйста пойми...

— Нет. Я не хочу понимать тебя, Арина. И разговаривать больше не стану, — устало выдохнула Света. — Мне жаль, что мы обе оказались здесь. Жаль, что наша с тобой история должна закончиться так печально. Но я не могу отдать тебе победу. Ради нее я пожертвую чем угодно и кем угодно. Прости, ты не оставляешь мне выбора.

Она посмотрела на меня печально и решительно.

— Диара, твой черед, — бросила она притихшей девушке, которая последние несколько минут медленно, по шажочку отступала под сень леса.

Не ожидавшая внимания в свою сторону, Диара вздрогнула и, втянув голову в плечи, затравленно глянула на всадницу.

— Я... я не хочу, — настолько тихо, что я с трудом расслышала, произнесла она.

— Разве я спросила, хочешь ты или нет? Я не бесплатный экспресс до храма, и мы сразу оговорили, чего тебе будет стоить возможность пройти этот путь. Желание. Так вот, мое желание — чтобы ты убила Арину.

— Но... но я слабая... я не смогу...

— У тебя есть острые когти и зубы. И прошу, хватит медлить, иначе мне придется попросить Элькариона поторопить тебя.

Единорог насмешливо фыркнул.

— Вспомни, что я говорил о Гриане и его силе. — Шепот Нейта обжег ухо. — Не выпускай его из виду. Действуй сейчас, отвлеки их.

— Ну?! — нетерпеливо прикрикнула Света на замешкавшуюся Диару.

Не дожидаясь их действий, я помчалась к храму. Пробежала с десятков шагов и упала, сбитая тяжелым ударом в бок. Перекувырнулась, вскочила, мельком глянула на единорога.

Не светится.

Тут же вскрикнула, когда левую ногу с силой оцарапали — это Диара пустила в ход свои когти. Я отпрыгнула, крутанулась, уходя из-под удара. Краем глаза заметила янтарный отблеск — и бросилась в сторону.

Оранжевая молния ударила совсем рядом. В воздух взметнулись комья земли, в нос забился запах пыли. Я закашлялась. Глянула влево — на перепуганную Диару. Она застыла, нервно подергивая хвостом и переступая лапами. Кажется, атака Гриана напугала ее сильнее, чем меня. Воспользовавшись заминкой, я переключила внимание на единорога. Теперь понятно, почему он ударил не сразу: Нейт не давал ему расслабиться.

Однажды я уже видела, как мой хранитель сражается в истинном обличи — тогда, на мосту между островами. Но сейчас он бился на порядок яростнее. Снова и снова, почти без пауз, он кидал одно заклинание за другим, целясь то в единорога, то в спрятавшуюся за ним девушку. Потоки магии смешивались, разлетались искрящимися вихрями и оплетали место боя коконом.

— Осторожно! — крикнула я, заметив огромный световой шар, летящий в Семицветика.

В тот момент я не думала, что мы сражаемся друг против друга и что, скорее всего, Света бы не сделала для меня того же. Привычка оберегать подругу сработала быстрее мозга, и предупреждение сорвалось с языка непроизвольно — как самая естественная реакция из всех возможных.

Я заметила лишь, что Света пригнулась, ныряя под летящий в нее шар, а затем меня отвлекло движение сбоку. Я почти успела уклониться от прыжка кайатиры. Почти. Встречи с зубами удалось избежать, но острые когти вновь оцарапали ногу. Причем ту же самую! Штанина намочила от крови, жжение по краям ран усилилось.

— Диара, остановись! Ты не должна выполнять ее приказы! Мы два дня шли вместе, спали рядом, делили еду... Мы спасли тебя от фхаринца. Диара, не надо! — выкрикнула я, отпрыгивая в сторону и убирая пострадавшую ногу из-под новой атаки когтей.

— Вы относились ко мне как к обузе и не скрывали этого! Бросили меня в проклятом Ритберге! Вышвырнули за ненадобностью, при этом считая себя добрыми спасителями! — рычала она, обходя меня по кругу.

Драться голыми руками против зубов и когтей — глупо. У меня нет палки, чтобы защищаться, а даже если бы и была — не уверена, что смогла бы ею воспользоваться. Не из жалости к иномирной выдре, а из принципа: я не хочу принимать навязываемые Айгеросом правила.

Диара, злобно скалясь, прыгнула вперед, попыталась снова задеть меня когтями. Отскочив, я тут же накинулась сверху и придавила кайатиру к земле. Задние лапы заскребли по траве, хвост принялся с силой хлестать меня по спине. Но я держалась.

«Лишь бы Гриан не напал, лишь бы не напал...» — крутилась на повторе мысль.

Однако все оранжевые молнии били в Нейта. Точнее, в те места, где он стоял за секунду до атаки. Сам Нейт не переставая кидал в противника заклинания. Вспышки, светящиеся шары, уже знакомый золотой бумеранг — в Гриана летело все. Но, к моему ужасу, рассеивалось на подлете и не причиняло Светиному хранителю вреда. Тот тоже не стоял на месте. Наклонив голову, он кидался вперед, пытаясь проткнуть Нейта витым рогом, вставал на дыбы и бил копытами.

«Что ж, по крайней мере, Нейт отвлек Гриана на себя», — рассудила рациональная (и в данный момент оптимистичная) часть меня.

«Ага, только мы упустили кое-кого из виду. Кое-кого *рыжего*», — хмуро напомнила внутренняя пессимистка.

Взгляд тут же нашел Семицветика. Пригибаясь и стараясь не попасть под атаки Нейта, она упорно пробиралась в нашу сторону.

Как удержать мечущуюся подо мной кайатиру и одновременно справиться с подругой, в глазах которой полыхает черная злоба? Не представляю. Одной мне точно не справиться.

— Нейт! — крикнула я в отчаянии.

Он услышал — окинул быстрым взглядом меня, кайатиру и Свету. На мгновение отвлекся, уходя из-под удара Гриана, и выпустил сразу две пульсирующие сферы: синюю и темно-фиолетовую. Следом — еще две, ярко-зеленую и бордовую.

Бам. Бам. Бам. БАМ!

Одна за другой они врезались в единорога, взрываясь с оглушающим грохотом. Первые две рассеялись, не долетев пары сантиметров, третья пробила защиту Гриана, и четвертая наконец достигла цели. Не медля, Нейт кинул в противника черный сгусток, который в полете раскрылся мелкочейистой сетью. Единорог попытался сбить его очередной молнией, но сеть будто впитала энергию чужой магии и стала еще больше.

Я надолго запомню ужас, промелькнувший в глазах Гриана, и то, как он забил копытами, пытаясь уйти из-под удара. Ему это почти удалось. Почти. Но сеть налетела, точно рой дзарино, и придавила единорога к земле.

Нейт повернулся к Семицветику.

— Не убивай ее! — успела выкрикнуть я, а в следующий миг с пальцев бога сорвалась лиловая дымка.

Глава 42

Она змеей метнулась к Свете, тугим коконом спеленала ее ноги. Света упала. Задержалась, попыталась сорвать магические путы, но те держались крепко. И тогда она закричала — надрывно, с отчаянием, понимая, что проиграла.

Кайатира подо мной замерла. Даже ее хвост перестал ходить из стороны в сторону.

Нейт приблизился, опустился на корточки и прожег Диару взглядом.

— Сейчас Арина тебя отпустит, — сухо заговорил он, — но если ты посмеешь что-нибудь учудить, то умрешь крайне мучительно, успев сотню раз пожалеть, что Гри... Элькарион не убил тебя раньше. Мы друг друга поняли?

Она вздрогнула и нервно закивала. Я с облегчением выдохнула.

— Печать цела? — спросила, выпрямляясь.

Нейт ухмыльнулся.

— Я в порядке, Ариш, спасибо, что спросила. Резерв только почти пустой, даже на защитный купол не хватит. А так все нормально.

— Печать? — с беспокойством повторила я.

Если он сломал ее — кто знает, как на это отреагирует Совет?

— Да цела она, — отмахнулся Нейт и, ссадив меня на траву, принялся осматривать мою раненую ногу. — Хотя, признаюсь, в какой-то момент я был близок к срыву. Гриан не просто так считается сильнейшим из хранителей... Из обычных хранителей, — добавил он с усмешкой, но тут же нахмурился. — Проклятье! Моих сил не хватит, чтобы вылечить тебя.

— Не переживай, тут и без магии можно обойтись.

Я сняла с пояса ткань, в свое время служившую мне походной сумкой, и плотно перемотала ногу. Внутренний бурундук — тот самый, что заставил взять с собой дырявый отрез, — приосанился и горделиво расправил плечи.

— Как только резерв восстановится хоть немного, я затяну края раны. — В отличие от меня, Нейт не выглядел довольным результатами моей полевой медпрактики.

Я кивнула, оперлась на протянутую ладонь и встала. Глянула на обернувшуюся человеком Диару, сидящую в нескольких шагах левее, и повернулась к Семицветику. Подруга плакала.

— Мандаринка, — выдохнула она, едва наши взгляды встретились, — пожалуйста... — ее губы дрожали, — пожалуйста, не отнимай. Не лишай меня мечты. Я так хотела... Всегда, с самого детства, ты же помнишь... Мандаринка, милая, прошу...

Я смотрела на давящуюся слезами подругу, и не могла заставить себя заговорить. Да и что сказать? Обвинить ее в желании избавиться от меня? Спросить, почему она так легко поверила в мое предательство, что даже не захотела выслушать? Попытаться объяснить, как все было на самом деле? Но зачем? Разве слова хоть что-нибудь изменят?

— Мы всегда держались друг друга, — продолжала всхлипывать подруга. — С самого детства, ты ведь помнишь? Мандаринка? Милая, пожалуйста, не смотри на меня так... Ты знаешь, это сильнее меня. Я должна выиграть. Должна, понимаешь? Мне не место на Земле. Вспомни... Пожалуйста, вспомни, сколько лет я мечтала о других мирах...

— И ты была готова убить меня ради них, — выдохнула я, сглатывая осевшую на языке горечь.

— Здесь нельзя иначе... Смерть — часть тотализатора. Мандаринка, ты же сама наверняка убила с десяток. Пожалуйста,пусти... — Света протянула ко мне руку, но я отступила.

— Из-за меня погибли Фиарин и фхаринец, но я никогда не желала им смерти. Как не желала и победы.

— Но ты же здесь, — непонимающе нахмурилась она.

— Не ради себя. Я пыталась объяснить, только ты не захотела слушать. А теперь это уже

неважно.

Сжав кулаки, я развернулась и медленно, стараясь не опираться на раненую ногу, похромала в сторону храма.

— Арина, нет! Стой! Приз мой, мой! Арина, не забира-а-ай...

Протяжные полустоны-полукрики отдавались во мне эхом. Проникали под кожу и скручивались тяжестью в груди.

— Умоля-я-яю, Мандаринка! Пожа-а-алуйста...

Я до боли закусила губу и упрямо шла вперед. Не оборачиваясь, не позволяя себе даже мельком взглянуть на подругу, потому что знала: иначе остановлюсь. Не смогу бросить ту, кого любила, как сестру. Предать, лишив ее мечты.

Да, она оступилась. Да, запуталась и подчинилась правилам, которые навязывает тотализатор. Но разве это отменяет все то хорошее, что мы разделили? Разве обязательно предавать предавшего? Становится с ним на одну ступень и терять свою человечность? Нет. По крайней мере, не для меня.

До храма оставалось не больше двадцати шагов. Я уже отчетливо различала детали фрески, украшавшей резной портик. Людей, сжимающих налитые зерном снопы; животных, вскинувших морды к небу; волны, разбивающиеся о камни. Я видела большие снежно-белые цветы на лианах, оплетших одну из колонн, и крохотные золотые искры, что покрывали ступени, точно песок.

— Ари-ина-а-а... — донесся до меня уже не крик — вой, словно раненое животное умирало в агонии.

Я закусила губу и осознанно наступила на пострадавшую ногу. Боль отрезвила. Заглушила голос совести — той Арины, которая никогда бы не повернулась к подруге спиной.

— Сто-о-ой...

Я споткнулась и на секунду замерла, борясь со внутренними противоречиями. Даже сейчас, в нескольких шагах от храма, я сомневалась.

— Хватит.

Нейт легко нагнал меня и взял за руку. Моргнув, я с непониманием посмотрела на него.

— Осталось немного. Не переживай, я дойду, справлюсь. Сдержу данное слово.

— Знаю. — Приблизившись, он коснулся пальцами моих щек, стирая слезы. Лишь ощутив его прикосновение, я поняла, что плакала.

— Это из-за ноги, — попыталась оправдаться, но Нейт качнул головой:

— Врушка.

— Врушка, — согласилась я. — Но это ничего не меняет. Не беспокойся, я...

— Ты останешься здесь.

Он повернулся в сторону воющей Светы и щелкнул пальцами. В тот же миг лиловая дымка, оплетающая ноги девушки, метнулась к Диаре и связала ее.

— Беги, пока я не передумал.

Света растерялась лишь на мгновение. Потом вскочила и кинулась к храму.

— Стой, что ты делаешь? Зачем? — Я заглянула Нейту в глаза.

— Потому что я не позволю Айгеросу сломать тебя, — просто ответил он. — Я сотни раз видел, как тотализатор скручивает игроков, выворачивая их идеалы наизнанку, а потом выплевывает, как нераскрывшийся орех грилы. И сотни раз меня это не трогало. Но сейчас все иначе. Ты единственная не отказалась от своих убеждений в угоду мечте, осталась собой. И я не позволю Айгеросу это изменить.

Семицветик поравнялась с нами, напряженно замерла, готовая в любой момент сорваться с места.

— Спасибо, — кивнула она Нейту, потом глянула на меня. — Прости, если сможешь.

Я не нашла в себе сил ответить, но Света, судя по всему, и не ждала этого. Она смотрела в мои глаза еще лишь секунду, затем вновь припустила к храму. Причем так быстро, будто боялась, что Нейт передумает и остановит ее. Я глядела подруге вслед, с болью и трепетом наблюдая, как она подбегает к ступеням, как спотыкается на первой и как, едва удержав равновесие, взбирается вверх.

— Посмотри на меня.

Голос Нейта вывел меня из охватившего ступора. Я повернулась и всмотрелась в лицо хранителя, бога, мужчины — того, кто прошел со мной путь до конца. Того, кто отказался от собственных интересов в угоду моим.

— А как же ты? Что будет с тобой?

— Побуду еще пять лет хранителем, — улыбнулся он. — А на следующем тотализаторе сделаю все, чтобы участник из твоего мира выиграл. Ты помогла мне избавиться от застарелой ненависти и предрассудков, и теперь я вернусь в пантеон. Просто не с твоей помощью.

Я кусала губы и не сводила с него беспомощного взгляда.

— Брось, Ариш, — Нейт мягко коснулся моего лица, поглаживая, — не стоит грустить. Для бога, пусть и запечатанного, пять лет — недолгий срок.

Внезапно мир содрогнулся. Налетевший ветер растрепал волосы, по небу пронеслась золотая волна. Ненадолго она задержалась над нашими головами — и устремилась дальше, оставляя после себя привычное голубое небо.

— Не бойся, это всего лишь знак окончания тотализатора. Твоя подруга коснулась алтаря.

— Сколько у нас времени? — шумно выдохнула я, чувствуя едва ощутимое покалывание во всем теле.

— Немного. И я не хочу терять ни секунды. Иди сюда.

Нейт раскрыл руки для объятий, и я, не сомневаясь, подалась вперед.

— Я бы справилась, — прошептала, утыкаясь носом в его шею.

— Знаю. — Горячее дыхание опалило ухо. — Но цена за победу оказалась бы слишком высока. Даже если ты была готова ее заплатить, то я — нет. Ты самая вредная, саркастичная, упрямая участница, которую мне доводилось опекать, но вместе с тем ты — самая удивительная из всех. Я не мог позволить Айгеросу изуродовать твою душу предательством.

Жадно ловя каждое слово, я цеплялась пальцами за голую спину Нейта, словно наделась, что если держаться изо всех сил, то меня не утянет обратно в родной мир. Однако покалывание, ставшее почти невыносимым, рушило надежды на корню. Времени почти не осталось.

Нейт обнимал меня так крепко, почти отчаянно — будто хотел вдавить в свое тело. И боги свидетели, я хотела того же! Даже зная, что потом будет больно, я все равно желала этого. Запрокинув голову, поймала взгляд синих глаз, встала на носочки и потянулась к губам Нейта. Пусть мое путешествие по Айгеросу закончится сейчас. Пусть! Я все равно заберу с собой самое ценное — воспоминания.

Нейт наклонился, сжал меня еще крепче, коснулся моих губ и... исчез. Вместе с ним исчезло тепло. Исчез Айгерос. Я упала на пол в гостиной своей квартиры. Огляделась, уверяясь в этом, уронила лицо в ладони. И заплакала.

Глава 43

Когда слезы высохли, а дыхание выровнялось, я встала и поплелась в ванную, чувствуя себя столетней старухой. Каждый шаг давался с трудом. Ноги налились свинцовой тяжестью. Плечи поникли, точно на них давил груз не только прожитых, но и всех отмеренных мне лет.

У зеркала едва сдержалась, чтобы не зареветь снова — я вернулась на Землю в форме участника тотализатора: рваной, грязной, но уже почти родной. А вот медальон исчез, хотя это, наверное, логично: я ведь больше не участница айгеросовских игр.

Поддрагивающими пальцами вынула из кармана пятнистый камешек и положила его на стеклянную полку под зеркалом. Потом достала из аптечки перекись, два больших водостойких пластыря. Осторожно размотала повязку на ноге, залила порезы обеззараживающим раствором и залепила белыми прямоугольниками. Затем разулась, аккуратно сняла вещи и забралась в душ.

Апатия сковала настолько, что я не чувствовала в себе сил даже помыться — так и стояла под прохладными струями, глядя на убегающую в сток воду. Наконец, совладав с отрешенностью, выдавила гель на мочалку и принялась механически водить ею по коже. Следом промыла волосы, ополоснулась и, выбравшись из ванны, обтерлась полотенцем. Босиком дошла до спальни, оделась в чистое и рухнула на кровать поверх покрывала.

Меня совершенно не интересовало, какой сейчас день и час, уволили меня с работы или нет, объявили ли в розыск... Все стало пустым и неважным. Я лежала, глядя в потолок. Безразлично наблюдала, как комната погрузилась сначала в полумрак, затем в ночную тьму. В какой-то момент, растворившись в ней, я заснула, а когда открыла глаза, на прикроватных часах значилось полседьмого утра. Мои губы тронула грустная улыбка — жаворонок Нейт был бы мной доволен.

Позволив себе поваляться еще пять минут, я встала и пошла на кухню ставить кофе. Вчерашняя апатия отступила, вернув мне возможность рассуждать здраво. Главное, я дома, цела и невредима. А остальное решаемо.

Пока варился кофе, провела ревизию в холодильнике и выкинула испортившиеся продукты. А испортилось много — почти все. Пригодными для еды остались лишь пачкапельменей, пакет гречки и коробка печенья. Последней я обрадовалась больше всего и под бодрящий напиток опустошила на треть. Затем оделась и выскочила из дома.

Первым делом я наведальась в поликлинику, где наплела байку, будто меня в парке покусал зверь. Какой? Не разглядела, темно было. И вообще я бегством спасалась, а не изучала животинку. Врач одарил меня очень скептическим взглядом, но от комментариев воздержался. Поставил первый из серии уколов против бешенства и сказал, когда прийти на следующий. Я, мягко говоря, не обрадовалась такой перспективе, но надо — значит, надо.

Вторым пунктом в сегодняшнем списке дел значился звонок на работу. Я провела на Айгеросе почти две недели — тринадцать дней, если быть точной. На Земле, как выяснилось, прошло ровно столько же. Надо узнать, как в офисе восприняли мой затяжной загул и что предприняли по этому поводу. Одна беда: я понятия не имею как объяснить долгое отсутствие. Справки о болезни нет, предупредительных звонков от меня никто не получал, а в двухнедельную амнезию не факт, что поверят.

Промучившись всю дорогу от поликлиники, я решила... перенести звонок в офис со второго на третье место в списке дел. А что? Пока оправдание не готово, заявлять о чудесном возвращении крайне глупо. Так что сначала закупка продуктов.

Ноги привычно понесли меня в сторону ближайшего супермаркета. В голове крутился список необходимого, а взгляд лениво скользил по улице, отмечая, что вокруг совсем ничего не изменилось. Для города две недели — незначительный срок. Для меня же прошедшие дни изменили все.

За полквартила до супермаркета я увидела знакомую новостройку, вокруг которой только-только попытались облагородить территорию. Тонкие саженцы кренились и, казалось, если бы не столбики опоры, упали бы совсем. Детские качели, горка и домик на ножках радовали свежей краской. Вдоль одной стороны площадки протянулся длинный ряд лавок с деревянными перекладинами. Вдоль другой полноватая женщина в синем халате и рабочих перчатках высаживала малиновые петунии.

Сглотнув, я подошла к подъездной двери. Справа от нее на большом белом прямоугольнике, сверху которого гордо значилось «Доска объявлений», висел листок с отрывными концами. Еще не начав читать текст, я уже знала, что в нем сказано. Продают квартиру на седьмом этаже. Ту самую, в которой две недели назад мы с Семицветиком праздновали новоселье; где из мебели был лишь надувной матрас-кровать, а вдоль стены выстроились столь любимые подругой книги о других мирах.

Я тряхнула головой, отгоняя воспоминания, и медленно побрела обратно. Возле ограды детской площадки меня окликнули.

— Девушка, — женщина в синем халате разогнулась и улыбнулась, — ищите кого-то?

— Там объявление... — Я на секунду запнулась, не зная, как продолжить. — Квартира новая?

— Новехонькая! Дом-то только пару месяцев как сдан.

— И в ней никто не жил?

— Да кто б? — удивилась собеседница. — Говорю ж, только-только в эксплуатацию ввели. А район хороший, квартиры тут быстро разбирают. Вот в этом подъезде однушка осталась, и во втором трешка. Остальные всё, ушли. Сейчас еще площадочку вот до ума доведем, и вообще красота будет.

— Представляю. — Я улыбнулась. — Спасибо вам.

— Так на здоровьечко!

Я попрощалась и зашагала к супермаркету. Настроение, которое с самого утра я старательно удерживала на отметке «все хорошо, прорвемся», стремительно поползло вниз. Пришлось ускориться. Мне срочно нужен шопинг! Да, покупка новой одежды взбодрила бы лучше горошка по акции, но уж как есть. У входа в супермаркет я решительно взяла большую тележку и гордо вкатила ее внутрь. Где тут у них отдел для гурманов? Я жажду затариться каперсами!

Возле полок с соками стояла высокая девушка в красном платье и с густым венком из искусственных цветов. Рядом с ней на накрытой белой тканью тумбе гордо поблескивал отполированными боками барабан, очень похожий на те, что используют в лото. Сбоку от него притулились пластиковые стаканчики.

— Акция-дегуста-ация! — загорланила девушка, стоило мне оказаться в зоне поражения.

Голос у нее, надо отдать должное, идеальный для такой работы: громкий, зычный, раскатистый. Не удивлюсь, если сейчас кто-нибудь испуганно шуганул у входа и заозирался, ища источника звука.

— Лотере-е-я! — снова закричала она, и ей вторил тонкий писк в моей голове.

«Надо уходить, пока мы тут звуковую контузию не заработали», — поспешно предложила рациональная половина.

Солидарная с ней, я уже собиралась нырнуть с тележкой в соседний ряд, но тут случилась новая аудиоатака.

— Девушка, попробуйте апельсиновый сок компании «Рыжий Егорка» и поучаствуйте в лотерее!

Я медленно обернулась, до последнего надеясь, что кандидатка на звание самого старательного сотрудника месяца обращалась не ко мне. Хм, не срослось. Девушка-сирена (не русалка, а пароходная), счастливо улыбаясь, протянула руку с зажатой в ней пачкой сока. Я перевела взгляд с сияющей работницы на упаковку и закусила губу, чтобы не засмеяться. Рыжий Егорка — мальчишка, выбранный лицом бренда, — смотрел на меня с такой болью в нарисованных глазах, словно умолял спасти от маячившей на горизонте глухоты.

— Попробуйте, вам понравится, — уверенно выдала девушка, пустив по залу новую звуковую волну.

«Так, Мандаринка, быстро пробуй Егорку, потом валим», — распорядился разум, беспокоясь за целостность барабанных перепонок.

— Давайте. — Я улыбнулась и приняла из рук Сирены маленький пластиковый стаканчик.

— А теперь лотерея! — довольная собой, распорядилась девушка, едва я одним глотком начала и завершила дегустацию.

Черт, быстро смыться не получилось.

— Итак, видите барабан? Некоторые из карточек, лежащих внутри, выигрышные! Вы можете стать обладательницей литровой упаковки нашего апельсинового сока, а если азарт и удача на вашей стороне, то и целого пака «Рыжего Егорки»!

Азарт и удача? Сердце екнуло.

«Мандаринка, тяни», — тут же распорядился внутренний голос, и я с готовностью крутанула барабан.

Серебристо-голубые карточки замерцали, запрыгали, перемешиваясь, и наконец замерли. Уверенно, не сомневаясь и не думая, я просунула руку в открытую Сиреной дверцу и схватила первый попавшийся прямоугольник. Вытащила добычу и развернула. Губы дрогнули в улыбке.

— Ну, что там у вас? — раскатисто протянула представитель «Егорки» и тут же вывела на тональность выше: — Вы выиграли главный приз: пак из двенадцати литровых упаковок!

Мы с нарисованным Егоркой почти одинаково поморщились, с трудом выдерживая нагрузку на барабанные перепонки.

Звуковая атака длилась еще минут пять, пока Сирена поздравляла и делала снимки меня с призовой коробкой. Потом мы с Егоркой дали деру. Сначала до кассы, а оттуда — к выходу.

Четыре с половиной квартала, разделяющие мой дом и супермаркет, пролетели незаметно. Хотя возможно, секрет в том, что мы с Егоркой удирали с такой прытью, словно боялись, что Сирена вот-вот кинется в погоню. Лишь ввалившись в коридор и закрыв за собой дверь, я облегченно выдохнула. Скинула балетки и пошла на кухню, собираясь загрузить сок в холодильник.

— Ты долго, — внезапно раздалось у меня за спиной.

Глава 44

Инстинктивно шарахнувшись вбок, я врезалась плечом в стену и уронила тяжеленного Егорку. Благо не на ногу.

— Надо же, а я думала, ты им в меня кинешь. Даже удивительно. Видимо, мне снова повезло.

Щелкнул выключатель, и я ошарашенно уставилась на улыбающуюся Ладину. А в следующий миг перепрыгнула через коробку, в два шага оказалась возле богини и вцепилась в нее клещом. Не отпущу!

— Реакция радует, — рассмеялась она. — Не бойся, не сбегу. Сама ведь к тебе пришла. Кстати, ты принесла печенью? То, что оставалось, я доела.

— Нет, — растерянно выдохнула я, все еще не веря, что все происходящее взаправду. — Зато есть Егорка.

По коридору вновь разнесся звонкий смех Ладины.

— Ладно, давай Егорку. Не зря ж тебе с ним повезло. Бери сок, стаканы и топай в гостиную, — распорядилась она и, мягко высвободившись из моей хватки, поплыла в сторону комнаты.

Я стояла, глядя богине вслед, и хлопала ресницами.

«Оп-оп, Мандаринка, оживай! — потребовал голос разума. — Потом поиграем в „море волнуется раз“, если желание изображать рыбу-телескоп не ослабнет. А сейчас сок, стаканы, гостиная», — напомнил он.

Отмерев, я быстро дотащила коробку до кухни, достала из нее одну упаковку и, захватив стаканы, поспешила к богине. Глубоко в душе тлел страх, что в комнате никого не окажется, что недавняя встреча в коридоре мне привиделась или что разум сыграл со мной злую шутку.

Однако опасалась я напрасно: Ладина никуда исчезать и не думала. Она сидела в моем любимом кресле, перекинув ноги через подлокотник, и с любопытством листала старый семейный альбом. Где только умудрилась достать? Да еще так быстро?

Поймав мой непонимающий взгляд, она улыбнулась.

— Нашла.

— Дай угадаю: повезло заглянуть в правильное место? — Я хмыкнула, вспоминая излюбленное объяснение богини.

— Именно!

Она отложила альбом, приняла протянутый стакан с соком и поблагодарила кивком. Язык жгли сотни вопросов, но я молчала, оставляя за гостьей право начать разговор.

— Ты молодец. — Ее улыбка вышла по-матерински мягкой. — Я рада, что не ошиблась, отправив тебя на Айгерос.

— Так это вы? Но как?!

Мысли разлетелись, точно испуганные воробьи, и ни одну из них не получалось ухватить за хвост. Слишком взволнованные, слишком юркие.

— Люди всегда недооценивали удачу. А зря. Во многом сама жизнь — вопрос везения. Как и все хорошее, что случается. Как неудачи — вопрос невезения. Понимаешь?

Я медленно кивнула, обдумывая услышанное. Это что же получается, Ладина обладает практически абсолютной силой?

— В проступке Нейта отчасти есть и моя вина, — вздохнула богиня. — Зная, что старшая сестра всегда прикроет, он вел себя слишком беспечно. А ведь азарт — дар, требующий ответственности! Но сколько бы я ни пыталась донести до Нейта эту простую истину, он меня не слышал. Я устала и решила проучить его, оставив без поддержки. Мне казалось, он увидит границы, переступать которые не следует, повзрослеет, изменится... Однако я просчиталась. Нейт не только не увидел границ, он перешел их. Нарушил мыслимые и немыслимые правила тотализатора.

— Но почему вы не вмешались, когда стало понятно, как далеко Нейт готов зайти ради Златы?

— Я все надеялась, что он вот-вот остановится, одумается. А потом стало поздно. Вспомни, мы можем вмешиваться в ход тотализатора лишь опосредованно. Нейт нарушил это правило, и начини я ему помогать, запечатали бы нас обоих.

— То есть вы его бросили? — не сдержалась я, за что удостоилась полного укоризны взгляда.

— Мне пришлось. Только так я могла помогать ему. По крайней мере, именно этим я успокаивала себя в то время.

На несколько секунд мы замолчали. Ладина, судя по потухшему взгляду, мыслями находилась не здесь. Вспоминала ли она тотализатор, изменивший все? Сожалела ли о принятых решениях? Сочувствовала ли брату? Я не знала. Но решила не вмешиваться и не торопить ее. Переключив внимание на свой стакан, я легко качнула его, заставляя оранжевый напиток скользить по пузатым стенкам.

— Я хотела, чтобы Нейт изменился, — тихо заговорила Ладина. — Что ж, он изменился... Только не так, как я надеялась. Совсем не так. Ты даже не представляешь, какая злоба и ярость сжигали его изнутри. Он рассказывал, как сложилась дальнейшая судьба Златы? — Я кивнула. — А он говорил тебе, что это я помогла ему разрушить семейное счастье твоей соплеменницы?

— Нет.

— Осуждаешь?

— Разве богам важно мое одобрение? — Я слегка наклонила голову к плечу. — Нет, не осуждаю.

— Почему?

— Потому что не святая и не обладаю даром всепрощения? Потому что, зная Нейта, принимаю его сторону, какой бы она ни была? Или потому что ненавижу ту, кого никогда не видела, за предательство? Выбирайте любой из трех вариантов — не ошибетесь.

— А ты интересная. — Взгляд Ладины изменился, стал оценивающим. — Я все больше радуюсь, что из возможных претендентов выбрала именно тебя.

— Для чего?

— Чтобы ты помогла Нейту вернуть силу бога, разумеется. Я не позволила бы брату провести в роли хранителя все пятьсот игр. Было непросто уговорить Совет дать ему шанс на помилование, но еще сложнее оказалось заставить самого Нейта согласиться на новые условия: не только защищать землянина, но и привести его к победе. Брат не видел в этой возможности уступки — лишь насмешку богов. И вместо того чтобы помогать, Нейт раз за разом бросал землян, обрекая тех на гибель. Только когда минула пятая часть назначенного ему срока, мне удалось уговорить брата воспользоваться шансом.

Она вздохнула и устало качнула головой.

— Один раз. Он согласился позаботиться о землянине лишь раз, и я не имела права ошибиться с выбором. По моим критериям подходило четыре девушки. Всех устраивал родной мир, все отличались преданностью и сильным характером, и все частенько не могли удержать сарказм при себе. — Ладина одарила меня насмешливой улыбкой. — Вы практически не отличались друг от друга, если только внешностью. Но именно ты зацепила меня больше остальных. Поэтому, доверившись чутью, я отправила на Айгерос тебя.

Поток признаний и открытий ошарашивал, а времени обдумать услышанное катастрофически не хватало. Сомневаюсь, что Ладина согласится взять пятнадцатиминутный тайм-аут, дав мне тем самым возможность переварить информацию. Сейчас главное — узнать как можно больше, а сделать выводы можно потом.

— Но как у вас получилось обойти правило тотализатора на одного представителя от каждой расы?

— С помощью удачи, конечно! Сначала повезло подстроить, чтобы в подопечные Нейту определили именно землянина, потом посчастливилось увеличить шансы твоей подруги. А после одобрения ее кандидатуры — поспособствовать, чтобы финальная проверка выпала на

ваши дружеские посиделки. Дальше дело оставалось за малым: чуть-чуть растянуть радиус захвата и подправить вектор перемещения таким образом, чтобы возле Нейта оказалась именно ты. Вот и вся магия, — подмигнула Ладина.

Ага, всего-то проверить операцию в духе «Миссия невыполнима», обойти правила тотализатора и при этом остаться непойманной — делов-то!

— Нейт не знал о моем вмешательстве и не догадывался, что на Айгерос прибыло две участницы с Земли вместо одной, — продолжила она. — В первые дни лишь данное мне слово мешало ему умыть руки, как обычно в случае с подопечным-землянином. Все дальнейшие достижения — целиком и полностью твоя заслуга. Более того, ты превзошла мои ожидания!

Спустив ноги на ковер и уперев локти в колени, она подалась ко мне.

— Должна признать, когда стало ясно, насколько сильно ты влияешь на моего брата, я испугалась. Побоялась, что могла ошибиться с выбором и что вместо помощи наврежу, пусть и чужими руками. Тогда-то я и явилась тебе в первый раз.

Я хмыкнула, вспоминая ту встречу.

— Вы пообещали, что если я поступлю с Нейтом как моя предшественница, то найдете меня в любом из миров, чтобы заставить пожалеть о содеянном.

— И я бы сдержала слово, не сомневайся.

Стальной отблеск в серых глазах напугал.

— А Сейр? — Я решила сменить тему.

— А что с ним? — Ладина моргнула, сбита с толку. Потом отмахнулась. — Самовлюбленный, напыщенный гордец, который решил помешать моему брату вернуть полную силу. Но его действия оказались даже полезными.

— Так вы что же, позволяли ему нападать на нас?!

— И да, и нет. Помнишь, что я рассказывала? Мы не ощущаем присутствия других богов. Правда, никто не запрещал отслеживать его перемещения. Если бы он вышел за рамки допустимого, я бы его остановила.

— А смогли бы? — усомнилась я, чем искренне позабавила богиню.

— Ветер мне не помеха. Моряки порой молятся мне чаще, чем Сейру: пока удача не улыбнется им, ветер не натянет паруса.

И я еще опасалась Сейра? Вот кого следовало бояться — улыбчивую низшую, ведущую теньевые игры ради брата. Даже думать не хочу, что бы со мной стало, не оправдай я ее надежд.

— Если тебе интересно, это Сейр послал в Ритберг Гриана, а вместе с ним и твою подругу. Он же несколько раз являлся кайатиру, укрепляя и без того цветущую зависть к тебе, а потом лишь направил это недовольство в нужное русло. Знаешь, что слышала Света всю дорогу? Как хранитель носится с тобой, как ты помыкаешь им, как требуешь к себе еще больше внимания и как рвешься к храму.

— Но ведь это бред! К тому же я ни разу не говорила, что хочу выиграть!

— Не говорила, — легко согласилась Ладина. — Но кайатиру хватило трех встреч с Сейром, чтобы извратить свои воспоминания и поверить в то, чего нет. А вот встречаться с твоей подругой ему даже не потребовалось. Рассказы кайатиры и время сделали всю работу за него.

— Но почему именно Света? Зачем?

— А я не сказала? — удивилась гостя. — Он поставил на ее победу и выиграл. Ходит теперь такой довольный, аж смотреть противно.

Я замолчала, с тоской понимая, что наша с Семицветиком дружба стала разменной монетой в играх богов. Потом, справившись с эмоциями, призналась:

— Мне жаль, что я не смогла вернуть Нейту полную силу.

— Ничего страшного. — Ладина легкомысленно пожала плечами, вызвав у меня недолгий ступор. — Арин, ты сделала для Нейта нечто гораздо большее: не просто вытравила ненависть из его сердца, но и... А вообще, знаешь, лучше не так. Слова не смогут передать всего. Доверяешь мне?

Я напряженно замерла, отчетливо понимая, что правильный ответ здесь лишь один. Только вот навязчивое ощущение скрытого подвоха не отпускало. Что же задумала богиня удачи? Закончена ли ее игра?

Решившись разобраться во всем окончательно, я кивнула. Во взгляде Ладина мелькнуло предвкушение.

— Тогда ляг, пожалуйста, на спину. Я кое-что покажу.

Глава 45

Предложение удивило, но все же не настолько, чтобы напугать. Отставив стакан на журнальный столик, я опустилась на диван головой к Ладине. Она наклонилась и коснулась моих висков пальцами.

— Расслабься. Я сказала «расслабься», а не «напрягись», — хмыкнула она. — Не бойся, я не наврежу.

— А что...

— Тш-ш, сейчас сама поймешь. Закрой глаза и выдохни. Давай.

Сомкнув веки, я замерла, медленно выпустила воздух из легких. Давление на виски усилилось. А в следующий миг мое сознание будто поймали на крючок и резко дернули на себя. Мир перед внутренним взором закружился, к горлу подкатила тошнота, желудок сжался. Откуда-то издали донесся тихий, не громче шепота ветра, приказ: «Вдохни». Я замешкалась. Тогда требование прозвучало вновь — настойчиво и нетерпеливо.

На этот раз я подчинилась. Шумно втянула воздух ртом, закашлялась. Уголки век защипало от слез, и, поддаваясь инстинктивному желанию, я открыла глаза. Потом закрыла и открыла снова. Затем еще раз. Но нет — представшая взору картина исчезать и не думала.

Вместо привычной мне гостиной я очутилась в небольшой уютной кухне. Теплые песочно-бежевые тона, деревянная мебель, большой стол под белой скатертью. Слишком знакомая обстановка, чтобы ошибиться, — я в доме Черного Когтя. Но как?

Звук приближающихся голосов заставил меня вздрогнуть.

— Мне кажется, ей можно доверять. — Порог кухни переступил хозяин дома, следом за ним — Нейт.

Не замечая меня, они прошли внутрь. Хранитель занял один из стульев, Коготь же подошел к небольшому полупрозрачному камню, торчащему из стены возле кухонного гарнитура, и надавил на него. Тут же вспыхнул десяток кристаллов в столешницах, боковинах шкафов и полке. Довольно кивнув, Коготь сел напротив Нейта. А управляемая тень начала переносить и расставлять на столе посуду и продукты.

— Откуда такая уверенность? — хмыкнул Нейт, ловя в полете фруктовую тарталетку. — Ты знаешь ее всего ничего.

— Чутье еще никогда меня не подводило. Да и участников я повидал достаточно, чтобы понять, насколько твоя нынешняя подопечная от них отличается. Славная девочка.

Большая сковорода, даже с виду тяжелая, под действием тени перенеслась на плиту. Тут же сверху спикировали несколько кусочков хлеба и принялись кувыряться, касаясь горячей поверхности то одним, то другим боком. На разделочном столе смешивались в светло-зеленых пиалах размягченные овощи и специи. А в толстостенную кастрюлю, лениво приземлившуюся рядом со сковородой, поплыли сухие вытянутые зерна голубого цвета.

— Славная, — задумчиво повторил Нейт, едва заметно качнул головой, точно удивляясь своим мыслям. — У тебя чаира есть?

— Есть. Но ты же предпочитаешь шавиару.

— Это не для меня. Что?

— Я молчал, — прятая усмешку, отозвался Коготь.

— Ага, только вид у тебя уж слишком довольный. Не придумывай глупостей, договорились? Считай просто, что я тебя услышал. Моя подопечная перенервничала, плюс откат от магилены...

— Да-да, я понимаю, — поспешил заверить он. — Ты просто хочешь порадовать девочку, потому как чувствуешь вину за то, что заставил ее волноваться. Это совершенно ни о чем не говорит.

— Коготь. — Не знаю как, но Нейт умудрился прорычать слово без единой «р».

— Ладно-ладно, молчу. Чаиру сам сваришь?

— Да.

— Она вон в том ящике, — указал Коготь кивком и пересел на другой стул. — Не каждый день увидишь бога, пусть и запечатанного, который варит чаиру для смертной. Не хочу пропустить это зрелище.

Нейт метнул в собеседника разъяренный взгляд, однако смолчал. Поднялся, достал с полки цилиндрическую банку, полную темно-рыжих зерен. И замер.

— Если скажешь ей, что это от меня, тебе конец, — предупредил, не оборачиваясь.

— Нем как шаярна!

Я следила за каждым движением хранителя, с затаенным наслаждением отмечая, как старательно он отмеряет нужное количество зерен, как аккуратно заливает их водой и как размеренно помешивает напиток. В какой-то момент набухающие и растворяющиеся зерна перестали меня интересовать — все внимание сосредоточилось на Нейте. На его нахмуренных бровях, внимательном взгляде, гордой осанке и широком развороте плеч.

Но прежде чем я успела осознать и испугаться своей реакции, невидимый крючок, зацепившийся за мое сознание, снова потянул на себя. Мир закружился, а когда замер, я оказалась на Ираинском архипелаге.

Треск костра и алые искры, вырывающиеся из пламени, наполняли ночной воздух особой магией. Не той, которой был создан защитный купол, скрывающий под собой спящую девушку и хранителя, а той, которая делает обычные моменты запоминающимися.

Судя по остаткам зажаренной туши и стопке листов агирала, это наша первая ночевка на архипелаге — а значит, незадолго до сна я рассказала Нейту о смерти родителей. Правда, я точно помню, что после этого он обернулся капибарой. Однако сейчас на спящую меня смотрел не грызун, а запечатанный бог в своем истинном обличье. Интересно, о чем он думает? И почему хмурится с таким беспокойством?

Та я, которая еще только проходила свой путь на тотализаторе, перевернулась на один бок, потом на другой. Подтянула колени к груди, тихо всхлипнула, явно мучаемая тревожным сном. Сжала пальцы в кулак. Однако стоило хранителю коснуться ее спутанных волос и успокаивающе погладить, как залегшая между бровей складка разгладилась, а сама девушка задышала ровно и умиротворенно.

Нейт отнял руку и уставился на нее с удивлением — будто не верил, что только что сделал. Потом криво усмехнулся, опустил рядом на траву и уставился в звездное небо.

Я неотрывно смотрела на Нейта, ощущая улыбку, застывшую на моих губах. Душу переполнили эмоции: нежность, благодарность, затаенное довольство и, кажется, даже капелька азарта. Однако не успела я в полной мере насладиться этим ощущением, как мир вдруг вновь закружился.

Перед глазами заплясали цветные пятна — события прошлого. Кожу зашекотало, словно перьями, тело наполнила легкость. А потом — так же внезапно, как началось, — все замерло.

Я по-прежнему была на Ираинском архипелаге, но уже на втором его острове и в компании не одного, а сразу двух хранителей. С любопытством глянув на себя спящую, повернулась к тихо спорящим Нейту и Рану.

— Уверен, что храм там?

— Думаешь, если десять раз задать один и тот же вопрос, можно получить разные ответы? — хмыкнул Ран. — Там он, там. Не сомневайся. Так не терпится выиграть и вернуть полную силу? Или дело в Арине?

— При чем тут она?

— Да брось, не прикидывайся. Я же вижу, как ты на нее смотришь. И эти твои жаркие «ничего не случится, обещаю», «не бойся, я рядом», — вполголоса передразнил он, за что тут же удостоился разъяренного взгляда. — Ты хочешь, чтобы она ушла, вернулась в свой мир.

— И что с того?

— Ничего. Если не учитывать, что твоими желаниями правит страх.

— Ты, что же, всерьез полагаешь, будто я опасуюсь Арины? — фыркнул Нейт.

— Я этого не говорил, — лукаво улыбнулся Ран. — Ты не боишься Арины. Ты вообще в силу самонадеянности мало кого боишься. Но сейчас тебя пугают твои чувства...

— Нет никаких чувств!

— ...и то, к чему они могут привести. Избавить тебя от ненависти к землянам оказалось намного проще, чем вытравить страх влюбиться.

— Клянусь всеми богами, если ты сейчас же не заткнешься, я вырву твои ушные гребни и заставлю сожрать их! Хватит с меня хранительского мозгоправства.

Ран внял угрозе и послушно замолчал... на несколько минут. Потом не выдержал.

— Она замерзнет ночью, — буркнул тихо. — От воды тянет.

Нейт окинул спящую меня хмурым взглядом, мельком глянул на океан, снова повернулся ко мне. После вытянул руку и выдохнул короткое заклинание, спуская с пальцев плотный белесый туман. Ленивой анакондой он пополз к спящей девушке, чтобы, добравшись, спеленать ее плотным коконом.

— Тратить резерв вместо того, чтобы просто лечь рядом, — фыркнул себе под нос Ран. — Сумасшедший. Да молчу я, молчу!

Устроившись на песке, он лег лицом к воде и заложил руку за голову. Нейт остался сидеть. Некоторое время он гипнотизировал спящую подопечную задумчивым взглядом, потом тихо выругался и рывком вскочил на ноги.

— Если это была шутка, то самая глупая и неуместная из всех, — процедил он, наступая на хранителя, который в этот самый момент старательно прикидывался глухим. — Какой проклятый бог дернул тебя снять тепловую защиту? Сам же ныл, что от воды тянет!

Ран приподнялся на локте и посмотрел на Нейта кристально честным взглядом — так, как могут смотреть лишь опытные интриганы.

— Оно случайно получилось. Я попытался втянуть энергию воды, но, видимо... что-то пошло не так, — покаянно вздохнул он и поспешил добавить: — Тратить резерв на повторное заклинание неразумно, силы нам еще понадобятся. Но ты не переживай, я могу лечь рядом с Ариной и согреть ее ночью...

— Даже не вздумай, — рыкнул Нейт, стоило Рану начать подниматься. Причем настолько неторопливо, что мне, смотрящей со стороны, было совершенно ясно, чего добивался хитрый плут.

— Но как же Арина?

Вместо ответа Нейт развернулся, в несколько шагов дошел до спящей меня и опустился рядом. На секунду замер, будто решаясь, а потом придвинулся вплотную.

— Попался как мальчишка, — едва слышно ухмыльнулся Ран и снова устроился на песке лицом к воде.

Я — настоящая я, невидимая хранителям — продолжала с полуулыбкой наблюдать за происходящим, ожидая, когда невидимый крючок вновь потянет на себя. Однако время шло, а головокружительный хоровод не давал о себе знать.

Ран уснул с довольной усмешкой на губах. Нейт все так же обнимал спящую подопечную. На некоторое время мир вокруг замер. Он словно давал возможность рассмотреть и запомнить каждую деталь: длинные тени, скользящие по сильной мужской руке, перекинутой поверх женской талии. Выбившиеся из кос светлые и каштановые волосы и то, как гармонично они сочетаются друг с другом. В ночной тьме, едва разбавляемой светом костра, божественная чешуя стала невидимой. Будто ее и нет вовсе. Словно на песке лежат обычные мужчина и женщина, для которых нет ничего более естественного, чем засыпать в объятиях друг друга. Такая приятная, едва уловимая, точно предрассветный туман, ложь. Прекрасный самообман, в сетях которого я позволила себе ненадолго запутаться.

Не знаю, сколько длилось это забытьё. В какой-то миг спящая я тихо застонала и дернулась в слабой попытке выпутаться из объятий. Нейт осторожно убрал руку с талии и сел. Наклонился, пытаясь сквозь ночной полумрак разглядеть причину беспокойства подопечной, а поняв, мягко коснулся пальцами ее разгоряченного лба. Едва слышно прошептал короткое слово. С минуту наблюдал за успокоившейся девушкой, после чего обернулся капибарой и лег в нескольких метрах левее.

— Вот глупая, — я качнула головой, осуждая саму себя, — замерзнешь ведь. И надо было дергаться? Утром проснешься от стука собственных зубов, а могла бы...

Закончить мысль я не успела. Невидимый крючок вновь резко потянул на себя. Желудок завязался узлом, точно боялся, что безумный полет вышвырнет его из родного тела. Поджилки испуганно затряслись.

Новый скачок сознания ощущался гораздо неистовее предыдущих. Он выворачивал меня наизнанку, скручивал и тряс. Воздуха перестало хватать. Когда легкие начало жечь, а перед внутренним взором поплыло — все замерло. Причем так резко, словно я с размаху влетела в бетонную стену.

Испуганно дернувшись, я свалилась с дивана и закашлялась.

— Спокойно, Арин. Спокойно. Все закончилось. — Ладина устало откинулась на спинку кресла и залпом допила сок. — Надо было помочь тебе выиграть пару бутылок вина, а не коробку дурацкого сока, — поморщилась она, потирая лоб. — Я уже и забыла, как неприятно делиться воспоминаниями. Бр-р! Надеюсь, пережитое стоило моей мигрени.

— Зависит от того, на что вы рассчитывали. — ухватившись подрагивающими пальцами за подлокотник, я забралась обратно на диван и настороженно посмотрела на богиню.

— Я хотела, чтобы ты увидела все. Абсолютно все.

— Зачем?

— Чтобы поняла, почему ради тебя мой брат отказался от возможности снять печать. То, что он сделал, не поддается нашей логике. Божественная сила — не просто сила. Скорее неотделимая часть нашего естества. Без нее мы неполноценны, ущербны. Думаю, в вашем мире это называется душой. И ради тебя Нейт отказался ее возвращать.

— Он сможет сделать это на следующем тотализаторе, — попробовала возразить я.

— Может, — холодно согласилась Ладина. — Но еще как минимум пять лет Нейту придется мириться с постоянной болью.

— С чем? — надеясь, что ослышалась, уточнила я.

— Он рассказывал тебе о печати? Говорил, что ее ставят на истинную сущность, а не на тело? — Я кивнула. — А то, что ее выжигают на сущности? Печать — огромный невидимый рубец, который ноет не переставая. Изматывающая боль каждую секунду напоминает о совершенном проступке и наказании Совета. И эту боль мой брат испытывает на протяжении последних пяти сотен лет.

Каждое слово вымораживало меня, точно январская стужа. Почему мне казалось, что из-за печати пострадало лишь самомнение Нейта? Почему я не могла догадаться о реальном положении дел?

Ответ пришел тут же: потому что Нейт слишком горд, чтобы показать кому-то свою слабость. Он попросту не позволил мне даже заподозрить неладное.

— Но откуда вы...

— Откуда я знаю, если не была запечатана? — Ладина вздохнула. — От младшего братца, разумеется. Не стану утверждать, будто действовала честно, но главного я достигла: он рассказал то, о чем при других обстоятельствах умолчал бы. Потому-то я решила избавиться от застарелой ненависти любым способом. Уговоры и попытки переубедить не действовали. В своем непроходимом упрямстве он был готов терпеть последствия печати, лишь бы не отступать от надуманных принципов! Я перепробовала все. Все, Арина! И лишь когда не осталось других вариантов, я решила на безумие со второй землянкой.

В комнате повисла тишина. Даже Егорка, нарисованный на пачке сока, казалось, загрустил.

Спустя несколько минут я решила нарушить затянувшееся молчание:

— Чего вы ждете от меня? Сомневаюсь, что главная причина вашего визита — желание выговориться и объяснить мотивы своих поступков. Разве богам есть дело до мнения смертных? Не думаю. Так почему вы здесь?

— Ты права, переживания и чувства смертных меня не беспокоят, — равнодушно согласилась Ладина, не отрывая от меня пристального взгляда. — Только вот сейчас я беседую не со смертной.

— То есть... как?

Глава 46

Довольная моей реакцией, она хмыкнула и пожала плечами.

— А так.

— Я... богиня?

Ладина звонко рассмеялась, но тут же зашипела и схватилась за виски.

— Проклятье, до чего ж голова раскалывается. Сиди, — бросила она, стоило мне подняться. — Ваша медицина мне не поможет. Нейт, зараза...

— При чем здесь он?

— Да при всем, — поморщилась Ладина, массируя пальцами виски. — Наказание его, врожденное упрямство, которого бы с лихвой хватило на троих, постоянное желание рисковать — слишком опасный набор для запечатанного бога.

— Азарт — это риск. И он у Нейта в крови.

— Будто я сама не в курсе! Хочешь знать, кто ты? Ты не смертная, но и не богиня. Нечто между. И благодарить за изменения надо нашего замечательного Нейтриара! Вот ведь неугомонный. Обязательно ему было ставить на тебя защиту? — бурчала себе под нос Ладина. — Хоть бы сказал... А теперь мучайся, сестричка, от мигрени. Ну спасибо!

— Но зачем Нейт... риар, — добавила я, смутившись, — это сделал?

— Вот сама у него потом и спроси. Мне он не объяснял своих поступков. И ведь знал же, хитрец, когда исполнить задуманное. Специально подгадал, чтобы я не успела вмешаться!

— Я не понимаю. Что именно он сделал? И когда?

Ладина вздохнула и смерила меня уставшим взглядом:

— Твоя последняя ночь на Айгеросе. Помнишь пробуждение?

Словно по команде, в памяти всплыло, как Нейт обнимал меня, как нежно гладил по лицу, спине. Даже лоб едва ощутимо закололо, будто от нового поцелуя.

— Судя по румянцу, помнишь, — усмехнулась Ладина. — А теперь сконцентрируйся и постарайся сказать точно, каких мест на твоём теле касался мой непутевый братец?

— Лицо, талия...

— Ты еще «лоб» скажи! Скулы, затылок, позвоночник, — сухо перечислила она. — Места силы. У богов их покрывает защитная чешуя.

Мои пальцы тут же непроизвольно метнулись к щекам.

— Расслабься. Нет ее. Говорю же, ты не одна из нас. Но уже и не обычная смертная. Нейт передал тебе часть своей силы. Часть сути.

— И кто я теперь?

— Два на полтора, — беззлобно огрызнулась Ладина, продолжая массировать виски. — Кто-то между смертными и бессмертными. Долгожитель? Очень внушительный долгожитель? Такой ответ тебя устроит?

Я нахмурилась.

— Не совсем. Люди живут лет восемьдесят, девяносто — если повезет. А мне теперь сколько отмеряно? Двести, триста?

Серые глаза блеснули озорством.

— Бери выше. Восемьсот-девятьсот. Может, тысяча. Точный срок предсказать не берусь.

Я ужаснулась.

— Что мне делать с навязанным долголетием? Каждые десять лет менять место жительства? Бежать, путая следы своего прошлого?!

— Или вернуться на Айгерос.

— Тотализатор окончен, — напомнила я. — Следующий только через пять лет.

— Верно. Но для носителя божественной сути перемещение не противоречит правилам.

— И Совет не будет против? Не разозлится на Нейта за очередное своеволие?

— О-о-о, боги впадут в бешенство, — довольно прищурилась Ладина. — Да только в этот раз братец не нарушил законов тотализатора, а значит, ничего дурного не совершил. В итоге высшим и низшим придется перебеситься и принять твое пребывание на Айгеросе... если ты, конечно, решишься на это. Я не настаиваю — хочешь, оставайся тут. Ищи новую работу, навывайся к подъезду бывшей подруги, пей Егорку и каждый десяток лет меняй город. Ах да, еще избегай серьезных отношений. Смотреть, как любимый человек стареет, пока ты остаешься молодой, — тяжелое бремя, — в притворной печали вздохнула она.

Я поежилась. Ладина не просто обрисовывала мое возможное будущее, она откровенно забавлялась. Видела мою растерянность, но не думала отступать.

«Верните мне Сейра! — в ужасе завопил внутренний голос. — Да на фоне богини удачи Сейр — невинный ягненок!»

— Зачем вам мое возвращение на Айгерос? Вы исполнили задуманное: использовали меня, чтобы избавить брата от ненависти к землянам.

— Да, но сейчас я в очередной раз хочу помочь Нейту замести следы. Совет еще не понял, кем ты стала, но это вопрос времени. Когда же это случится, ты должна быть в приемлемом для них месте — на Айгеросе.

Я не спешила продолжить разговор, обдумывая услышанное. Мысленно выстраивала таблицу из двух столбцов: в правом — минусы «переезда» на Айгерос, в левом — плюсы. Заглушив голос эмоциональной половины, я методично заполняла пункт за пунктом, пока не пришла к выводу, что Ладина права: с исчезновением Семицветика пропал единственный удерживающий меня на Земле якорь.

— А моя подруга... — Я встретила внимательный взгляд собеседницы. — Где она? Что с ней?

Если Ладина и удивилась смене темы, то виду не подала.

— Она выбрала мир эльфов.

Я грустно улыбнулась.

— Неудивительно. Семицветик всегда ими грезил. Даже Гриану выбрала имя под стать.

— Это Элькарион-то эльфийское имя? — Ладина захохотала в голос. — Боюсь, твоей подруге предстоит сделать мно-ого открытий о дивном народе. И касательно их имен в том числе. Ты даже не представляешь, какая сложная фонетика в эльфийском наречии! Только на букву «о» существует двадцать восемь интонаций и особенностей произношения. Выбери неправильное звучание — и вместо того, чтобы обратиться к эльфу по имени, ты оскорбишь его самым непристойным ругательством.

— Но разве при переносе в новый мир не происходит перестройка на местный язык?

— Обычно происходит. Однако твоей подруге не повезло: речевой поток пространственного туннеля оказался слишком слабым. Сбой редкий, но все же не невозможный. Из-за него Свете придется учить язык самой. Хотя в той глуши особенно не поболтаешь.

— В какой глуши? — совсем сбита с толку, не поняла я.

— Граница эльфийского государства и великого древнего леса, — охотно пояснила Ладина. — Вот там — в милом поселении на двадцать домов — и очутилась твоя подруга. Но ты не переживай! Уверена, лет через десять-двенадцать она наверняка выучит язык, а потом даже сможет перебраться в город. Правда, в крупных центрах ей, не наделенной магией жизни, делать нечего. Пустышек там не особо жалуют.

Я неодобрительно качнула головой:

— Хоть один победитель тотализатора получил свою мечту не в исковерканном виде?

— Разумеется. И довольно многие, смею заметить. Но иногда я лично вношу коррективы в жизни наглецов, решивших, будто им под силу обхитрить богов.

— Всех или только двух конкретных? — Я выразительно посмотрела на собеседницу и удостоилась лукавой полуулыбки в ответ.

Что ж, большего ожидать не приходилось.

— Мы отвлеклись, — буднично заметила Ладина. — Давай не будем тратить время понапрасну, его и так немного осталось. Еще вопросы есть? — Я кивнула. — Так задавай! Чем скорее мы с ними разберемся, тем быстрее вернемся к обсуждению твоего переноса на Айгерос.

Я замерла и не мигая уставилась в серые глаза госты. Она явно не позволит мне остаться на Земле, попробуй я настаивать. Но хочу ли я этого? Жить, задыхаясь от воспоминаний, одиночества и навязанного долгожительства? Жалея об упущенной возможности? Сомневаюсь.

В противовес Земле Айгерос притягивал неизведанными местами, уютными городами, удивительными жителями. Манил ароматом чаиры и соленого бриза. Искушал диковинными животными и обещал новые открытия.

«А еще там Нейт», — с понимающей усмешкой добавил внутренний голос.

Упоминание Нейта вызвало во мне целую бурю эмоций. Под кожу словно запустили стайку разноцветных колибри. Крохотных, тихих, неуловимо быстрых. Ярким ураганом они пронеслись от макушки до пят, пустили волну мурашек вдоль позвоночника. А после, довольные собой, вырвались на волю и устремились ввысь. Куда-то намного дальше неба и солнца. За пределы земной атмосферы и человеческого воображения. В другой мир. К Нейту.

— У меня три вопроса, — продолжила я, собравшись с мыслями. — Первый: какая жизнь ждет Свету среди эльфов? Второй: откуда Ран узнал, где именно находится храм? И третий: Нейт в курсе вашего визита на Землю?

Ладина прищурилась.

— За Свету можешь не беспокоиться. Да, она не получила того, на что надеялась, но у нее все будет хорошо. Обучать ее эльфийскому взялся друид великого древнего леса. Он, конечно, уже миновал расцвет лет, но это отнюдь не значит, что ему не под силу окружить твою подругу вниманием и заботой. Да и внешность, несмотря на годы, у него приятная. Поверь, Свете понравится. Так что на этот счет не переживай. К тому же, — добавила богиня с усмешкой, — вмешаться в ход ее жизни у тебя все равно не получится.

Я кивнула, принимая сказанное.

— Что касается Рана, то о расположении храма он услышал от Дайриккима — бога воды. Случайно, разумеется. Я бы даже сказала, не услышал, а подслушал, но это, в сущности, уже такие мелочи.

— Ваших рук дело? — уточнила я, догадываясь, каким будет ответ.

— Удача — очень тонкая материя. Зачастую ее прикосновения незаметны, но именно они решают все. А вот отследить эти прикосновения невозможно.

— Получается, я вообще могла ничего не делать? Вы бы все равно доставили меня к храму?

— Не совсем. Все же вмешаться напрямую в ход тотализатора недопустимо. Но когда было возможно, я помогала тебе. А помогая тебе, спасала своего брата.

Я вновь кивнула.

— Что же касается Нейта... Нет, он не знает, что я сейчас тут. И не думаю, что ему бы это пришлось по нраву.

— Почему?

— В отличие от тебя он догадался, *как и почему* на тотализаторе оказались две землянки. И он... не одобрил моего решения, — недовольно скривилась Ладина. — Ему не понравилось, какую цену тебе пришлось заплатить.

Мои губы снова растянулись в улыбке. Осознание, что Нейту важны мои чувства, разлилось по телу сладкой патокой.

— Но прежде чем ты начнешь идеализировать моего брата, позволь напомнить одну вещь, — прервала мой мысленный полет Ладина. — Нейтриар знал, что делал, передавая тебе часть своей силы. Он понимал: рано или поздно Айгерос притянет носителя божественной сути. Не заблуждайся на его счет. Все боги — эгоисты, Арина. И мой брат не исключение. Разница лишь в том, что Нейт не хотел давить на тебя и был готов ждать. Я же понимаю, каких проблем может стоить промедление. Совет не должен узнать обо всем до того, как ты перенесешься на Айгерос.

Не сдержавшись, я хмыкнула.

— Что, ошарашена правдой?

— Нет. — Я качнула головой. — Божественный эгоизм не стал для меня откровением. Эгоизм в принципе присущ всем: богам, людям, иномирцам. Гораздо больше меня забавляет, как менялись формулировки касательно моего переноса на Айгерос. Поначалу вы еще пытались сделать вид, что мое мнение играет роль.

— Ой, да брось! Не притворяйся, будто сама до сих пор не поняла: перенос на Айгерос тебе так же выгоден, как и мне. Вместо своей квартиры тут ты получишь дом там. Необходимую на первое время сумму тебе выделит Совет.

— А он согласится?

— У него не будет выбора, — хмыкнула Ладина. — Так что на этот счет не переживай. Я все улажу. Потом найдешь дело по душе, и вперед — живи, радуйся, навещай знакомых. Можешь подоставать Джария. Старый дажгримут порядком обнаглел, и его не помешает поставить на место.

На удивление воспоминание о сварливом синем кузнечике вызвало у меня улыбку. От него мысли плавно вильнули к Терейе, добродушной Пышке и мудрому Когтю. А потом — снова к Нейту. Интересно, обрадуется ли он нашей встрече?

«Конечно, обрадуется! — заверила эмоциональная половина. — Он же сам поделился божественной сутью, а значит, знал, к чему это приведет».

«Но вдруг он не планировал встретиться так скоро? И тогда внезапное воссоединение раньше срока может стать неприятным сюрпризом», — усомнился внутренний скептик.

«Не проверим — не узнаем», — рассудила рациональная половина.

— Так что ты решила? — голос Ладины прервал мои внутренние метания. — Отправишься со мной на Айгерос?

— Да, — твердо ответила я. — Сколько у меня есть времени на сборы?

Богиня довольно усмехнулась.

— Полчаса. Вперед! Только сначала принеси мне еще Егорки, — капризно попросила она, закидывая ноги обратно на подлокотник кресла.

Не теряя ни секунды, я соскочила с дивана и убежала на кухню.

Глава 47

Как всегда, когда нужно действовать четко и продуманно, используя каждую минуту по максимуму, мозг решил уйти в самоволку. Не в буквальном смысле, разумеется. Но мысли пустились врассыпную, точно горох из дырявого мешка.

Я носилась по комнатам, хватая все, что попадалось под руку, и скидывала в кучу в центре гостиной. Ладина с ленивым любопытством наблюдала за моим мельтешением, попивая холодный сок. Лишь когда я кинулась на третий круг, продолжая обнимать уже чуть потрепавшийся фикус, она не выдержала:

— Либо добавь зелень к выбранному бараклу, либо оставь её в покое! Seriously, мне почти жаль бедолагу. Ты уже дважды задела им дверной косяк.

Замерев, я с удивлением уставилась на растение, пытаюсь вспомнить, когда мне вообще пришло в голову схватить его. На принятие решения ушло секунды две. Потом я метнулась к центру комнаты, водрузила фикус сбоку от общей кучи и унеслась в спальню.

Джинсы, кофты, платья, юбки, обувь, шапки, шляпы, кепки... я кидала на кровать все, что только могла ухватить. Наваливалась грудью на вещевую гору, обнимала ее и в полусогнутом состоянии семенила в гостиную.

Семейный альбом, рамки с фото, книги; найденные в серванте семена клубники, которые в свое время накупила Семицветнк, решив удариться в садоводство (правда, покупкой семян ее тяга к посадкам и ограничилась). Медикаменты, средства личной гигиены, косметика... Я не знала, в каких условиях буду жить и что может пригодиться, а потому решила взять все. К тому же Ладина сказала, что оставшиеся вещи попросту исчезнут.

— Так, хватит, — скомандовала она, когда я, войдя в раж, попыталась пристроить рядом с кучей оставшиеся упаковки Егорки. — Тебе точно нужен вон тот выцветший халат? А носки с маленькими розовыми лошадками?

— Это пони, — выдохнула я, устало опускаясь на пол.

Критично оглядела кучу вещей и посмотрела на Ладину.

— Можно мне еще десять минут? Думаю, я немного переборщила, — протянула я, удивленно разглядывая платье с вузовского выпускного.

— Да неужели? Ладно, вперед.

Дважды повторять не пришлось. Я по-прежнему работала быстро, но теперь, когда нахлынувший азарт непредвиденных сборов схлынул, трезво оценивала каждую вещь. В итоге куча уменьшилась на треть.

— А ты молодец, — одобрительно качнула головой Ладина и плавно поднялась с кресла. — Так, ненужное барахло оттащи подальше. Не хочу, чтобы его ненароком зацепило. Ага, вот так. Отлично. Теперь встань рядом. Растение лучше возьми в руки. Уверена, что оно тебе нужно? — Я кивнула и поспешно обняла керамический горшок. — Ну, как знаешь. Так, теперь выдохни и постарайся ни о чем не думать. Особенно об Айгеросе. Поняла? Начнешь вспоминать конкретные места, вектор переноса собьется. Я понятия не имею, как поведет себя переданная Нейтом сила, поэтому давай не рисковать.

— Сложно не думать совсем ни о чем.

— Тогда думай обо мне. Описывай мысленно мой облик, если это поможет тебе сконцентрироваться. Все, пора. Наше время вышло. Готова?

— Готова.

После путешествия по чужим воспоминаниям мне казалось, перенос на Айгерос должен сопровождаться неприятными ощущениями. Головокружением, щекоткой под ложечкой... да хотя бы банальной дезориентацией! Но я ошиблась. Мир вокруг словно просто моргнул. Быстро и неуловимо. Вот мы еще в моей квартире, а потом — оп! — и мы уже в незнакомой комнате, выдержанной в песочных оттенках.

— Все, обустройся, — коротко распорядилась Ладина и уверенно шагнула к выходу.

— Погодите!

Действуя инстинктивно, я схватила ее за руку, но тут отпустила, заметив, как потемнели глаза спутницы.

— Где мы? — все же спросила я.

— На Айгеросе, разумеется.

— А конкретнее?

Ладина усмехнулась.

— На Арайдосе.

— Та-ак. А еще конкретнее?

— В твоём доме, — уже не сдерживаясь, открыто потешалась она.

Я мельком огляделась, по-новому посмотрев на уютную комнату.

— А дом мой находится... где?

— На побережье бухты Намеры.

— Марайтар? — не сдавалась я.

— Нет. Соседний с ним Рамдеор, — наконец снизошла до пояснения Ладина. — Поменьше, почище, поспокойнее — в общем, славный городишко. Сама в этом убедишься, если выйдешь на улицу. И обязательно загляни в десертную в двух кварталах отсюда — там готовят просто потрясающие булочки с пиоровым мармеладом! — она мечтательно прикрыла глаза. — В общем, обустройся, изучай, гуляй. А мне пора. И так с тобой провозилась дольше, чем планировала. Обещанные деньги передам вечером.

Не прощаясь, богиня исчезла. Еще секунду-две я гипнотизировала опустевшее место, потом пожала плечами и отправилась изучать дом. Мой собственный!

Поначалу я чувствовала себя очень неуверенно. Едва не стучала в межкомнатные двери, прежде чем отворить их. Потом, осмелев, с наслаждением пронеслась по небольшому, но очень уютному двухэтажному дому. Внизу — гостиная, кухня, совмещенная со столовой, и небольшая комната, отведенная то ли под библиотеку, то ли под кабинет. Наверху хозяйская спальня с примыкающей к ней ванной (вполне человеческой и понятной!), гостевая комната и уютный балкончик, увитый зеленью.

К моей радости, подаренное — а точнее, полученное в обмен на земную двушку — жилище было полностью обставлено. Так что, закончив осмотр, я принялась разбирать вещи. Фигус — единственное живое создание из родного мира — пока решила оставить в гостиной. Широкий подоконник показался подходящим местом.

Недолго думая, я перетащила одежду в главную спальню на втором этаже. Управилась за две ходки. Вещи скинула на кровать, а обувь — рядом на пол. Потом снова спустилась в гостиную: лучше избавиться от огромной кучи, прежде чем начать развешивать платья и блузки по плечикам.

Лекарства я убрала в один из нижних ящиков серванта в гостиной. Пакеты с косметикой отнесла в ванную, а семена клубники оставила на кухне. Что с ними делать, пока слабо представляю — все-таки садовод из меня никакой. По правде сказать, даже сюда, на Айгерос, я взяла их лишь потому, что они почти не занимали места... ну, и еще из любопытства: вдруг клубника приживется в новом мире? Будет мой вклад в местную флору.

Следом за косметикой наступил черед семейного фотоальбома и фоторамок. Альбом нашел свое место в большом комодe в гостиной. С рамками я не торопилась. Расставляла их медленно, вдумчиво, пытаюсь угадать «то самое» место для каждой. Станным образом только что подаренный дом ощущался своим. И мне хотелось подчеркнуть, что он действительно мой, пометить территорию. Пусть даже и семейными фотографиями.

Покончив с главной кучей в гостиной, я вернулась в спальню, чтобы заняться разбором одежды и обуви. В голове крутился навязчивый мотив последнего радио-хита, и через некоторое время я, не отдавая себе отчета, начала тихо его напевать. Руки работали сами,

работа шла споро. Но вдруг я замерла, ощутив полюбившийся за последние две недели аромат.

Чаира. В воздухе, несомненно, пахнет именно ею. Но откуда?

Спустившись на первый этаж, я ненадолго остановилась, вдохнула через нос полной грудью и уверенно двинулась на кухню. Сначала, переступив порог, я заметила маленькую голубую чашку с поднимающимся от нее паром. А затем — сидящего на стуле Нейта.

Сердце тут же сделало кульбит и взволнованно забилось где-то в горле, грудь сдавило. В памяти всплыла наша последняя встреча, а точнее — прощание. И то, как отчаянно Нейт обнимал меня. Да и я, чего уж лукавить, вцеплялась в хранителя изо всех сил. Но теперь... Что будет теперь? Как мне вести себя? И на что рассчитывает он? Рад ли моему возвращению? А если нет?

Нейт качнул головой и поднялся.

— Даже гадать не хочу, что ты успела себе напридумывать, — усмехнулся он, в несколько шагов приблизился и крепко меня обнял. — Спасибо.

— За что?

— За то, что вернулась.

Эпилог

Пять лет спустя

Ни замечательная погода, ни компания друга, ни любимая чаира не заставили меня расслабиться. Тело словно магнитом тянуло к окну, а взгляд устремлялся в небо.

— Ты ведь понимаешь, что от твоего нетерпения ничего не изменится, верно? — хмыкнули у меня за спиной.

Я мельком обернулась, махнула рукой — мол, знаю — и снова уставилась в небесную синеву. Несколько секунд, закусив губу, гипнотизировала одну точку. А потом взвизгнула, почувствовав, как меня приподняло над полом. Невидимая сила легонько встряхнула меня, пронесла через полкухни и усадила обратно за стол.

— Коготь! — возмущенно выкрикнула я.

— Да? — по-доброму усмехнулся миокрейт, отпуская мою тень. — Прости, маленькая намира, но уговоры не действовали. Давай-ка я лучше заварю тебе успокаивающий сбор.

Он еще не договорил, а на плиту уже приземлился пузатый чайник с чуть гнутым носиком. Я вздохнула и снова украдкой глянула в окно.

— Да когда же этот тотализатор уже закончится? — простонала тихо.

— Когда победитель доберется до храма, разумеется. Не думай об этом, — посоветовал Коготь, мягко погладив меня по руке. — Не позволяй ожиданию замедлить ход времени.

Узкий кухонный шкафчик, висящий за левым плечом миокрейта, открылся, и оттуда вылетел небольшой темно-серый мешочек. Витые тесемки развязались, выпуская на волю несколько щепотей сухих листьев, которые тут же проплыли по воздуху к чайнику и нырнули под приоткрывшуюся крышку. Огонь потух, и настой остался доходить в горячей воде.

— Я просто волнуюсь, — призналась в очевидном, взглядом следя за действиями второй тени Когтя. Даже спустя столько лет меня по-прежнему завораживает магия миокреитов.

— Знаю, маленькая намира. Знаю.

— Кстати, ты так и не объяснил мне, почему зовешь меня намирой, — припомнила я.

Коготь довольно прищурился.

— Думал, со временем сама поймешь. Знаешь ведь о моих способностях.

Я пожала плечами и осторожно взяла подплывшую ко мне кружку с отваром. По правде сказать, выбранное Когтем прозвище мне нравится, но вот вдаваться в подробности я не пыталась. Нейт, стоило спросить его об этом, говорил, что все дело в особом даре Когтя. Как оказалось, кроме присущей всем миокрейтам второй тени, наш добрый друг еще способен видеть природную суть.

— Ты же знаешь, кто такие намиры?

— Конечно. Нейт как-то перенес меня на Амагрейн, чтобы показать намиров вблизи. Ну, в относительной близости, — исправилась я, поймав лукавую улыбку Когтя. — Красивые звери.

— Не только красивые, — качнул он головой. — Еще и очень гордые. Подчинить можно гайреда, жаккара, даже дариока, если задаться целью. Но намира подчинить невозможно. Только стать для него равным — тем, кого он подпустит к себе, кого выберет в партнеры. При этом намиры очень преданные. Своенравные, гордые хищники, которые отчаянно защищают то, что считают своим... И пять лет назад на пороге своего дома я увидел не напуганную человеческую девушку, а маленькую намиру, отчаянно желающую спасти того, кого признала равным. Ты сделала свой выбор еще тогда, — по-отечески улыбнулся Коготь, — и верна ему до сих пор.

Я смутилась и поспешила сделать глоток отвара, пытаясь выгадать хоть несколько секунд, чтобы справиться с эмоциями.

— Ты переоцениваешь меня, — мягко возразила, отставляя кружку.

— Сомневаюсь. Не забывай о моем даре. Да, он слаб, но все же не настолько, чтобы за пять лет я не разглядел твою суть. Возможно, ты сама еще не знаешь, на что способна.

Я вновь пожала плечами и бросила короткий взгляд в окно, втайне надеясь увидеть в небе золотую волну — символ окончания тотализатора.

— Соскучилась? — понимающе вздохнул Коготь.

— Безумно. Пять недель и четыре дня — это долго. Слишком долго... Даже удивительно.

— Почему же?

— Я знала, что буду скучать, но не ожидала, что настолько. Надеюсь, все получится. Обязательно получится, — добавила упрямо.

— Нейту повезло: второй тотализатор подряд ему в подопечные достается землянин. — Темно-фиолетовые глаза блеснули лукавством. — Только в этот раз, если не ошибаюсь, мужчина?

— Карлос, — кивнула я.

Коготь замолчал, а потом, прищурившись, впился в меня взглядом.

— Твоя работа?

— Э-э? Не понимаю, о чем ты.

Я попыталась состроить самое невинное лицо, но, судя по всему, перестаралась — миокрейт насмешливо хмыкнул.

— Хочешь сказать, ты ни при чем и в подопечные к Нейту случайно попал мужчина, а не женщина?

Я развела руками.

— Что сказать, удача — штука непредсказуемая.

Мы с Когтем обменялись понимающими взглядами.

За последние пять лет я — как и все, кто имеет отношение к богам и тотализатору, — научилась не называть вещи своими именами. Слишком тонкие материи, незримые глазу, оплетают мир, и играть с ними — не лучшая идея.

— Знаешь, вспоминая, с каким трудом Совет принял твой новый статус, я порой поражаюсь, как легко ты общаешься с богами.

— Не так чтобы легко. Да и не со всеми, — добавила, хмыкнув. — С Сейром мы до сих пор не ладим. А вот с Гариальдом на удивление быстро нашли общий язык. После того, как помирились.

Я улыбнулась, вспоминая первую встречу с богом гор. Тогда, не сдержавшись, я высказала ему все, что думаю о внезапных камнепадах и скальных туннелях, высасывающих силы.

С Ладиной же у нас весьма своеобразные отношения. Она — единственная богиня, которую я по-настоящему опасуюсь: хитрая, умеющая и любящая вести теневые игры ради достижения своих целей. Но вместе с тем Ладина — единственная из богов, к кому я могу обратиться за помощью.

К моему удивлению, она не противилась нашим с Нейтом отношениям, более того — благословила их. Однако до сих пор каждый ее неожиданный визит вызывает во мне нервную дрожь.

Я тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли, и потерла левую руку ниже плеча — там, где под плотной тканью платья скрывается шрам, оставленный вейредом. Узкую полоску, похожую на ленту упаковочного банта, всегда болезненно покалывает, когда внутреннее напряжение достигает апогея.

Взгляд снова метнулся к окну. Да когда же этот тотализатор закончится? Ран ведь говорил, что несколько игроков с хранителями уже на правильном острове! И Нейт с Карлосом среди

них.

— Ты скучаешь? — заговорил Коготь, нарушая затянувшееся молчание.

Повернувшись, я с непониманием посмотрела на миокрейта.

— По своему миру, — пояснил он.

— Иногда. Но все, что делало тот мир моим, исчезло. Там нет ни родителей, ни Светы. Теперь мой дом здесь, и я рада этому. Как и тому, что пять лет назад Айгерос притянул меня.

— Знаешь, маленькая намира, я тоже очень этому рад, — только и успел произнести Коготь. А в следующее мгновение мир содрогнулся.

Сквозь открытое окно холодным порывом ворвался ветер. Взметнув занавески, он спешно пронесся по комнате, оставляя после себя сорванные с кустов листья, и через дверной проем вылетел в коридор.

Я устремила взгляд в небо. Как раз вовремя — не тронутую облаками синеву затопила золотая волна. Точно цунами, она накрыла Ритберг и прокатилась вдоль улиц, рыжеватыми бликами отражаясь в окнах домов.

Еще лишь пару секунд я сидела, застывшая ледяной статуей, а потом сорвалась с места и выбежала с кухни. Прытко миновала коридор, рывком распахнула дверь и замерла — на миг, на один удар взволнованного сердца. Затем улыбнулась, чувствуя подступившие слезы, и кинулась вперед. Не придерживая юбку длинного, скроенного по миокрейтской моде платья, не осторожничая и не боясь оступиться и упасть.

Все отошло не на второй — на десятый план! Главным и единственно важным остался тепло улыбающийся мне бог азарта. С заплетенными в косу каштановыми волосами, с родными синими глазами и едва заметно мерцающей серебряной чешуей на скулах — он казался мне идеальным. Гордый, упрямый, временами невыносимый... но вместе с тем заботливый, внимательный, надежный. Единственный. Мой.

Я домчалась до Нейта вмиг. Повисла у него на шее, прижалась изо всех сил и поцеловала. Плевать, как это выглядит со стороны и что могут подумать прохожие-миокрейты! Плевать на их сдержанность! На правила и условности! На тотализатор и на сам Айгерос! Только крепко обнимающие меня руки и страстно целующие губы имеют значение.

— Я безумно скучал, — выдохнул Нейт спустя вечность, когда мы наконец смогли оторваться друг от друга. — Пять недель и четыре дня — слишком долгий срок.

Пришлось закусить губу, чтобы не расплакаться. Он считал! Как и я, считал проведенные в разлуке дни!

— Люблю тебя, — прошептала дрогнувшим голосом.

Нейт улыбнулся, заправил мне за ухо выбившуюся от бега прядь.

— Я уж думал, ты никогда не произнесешь это — так и будешь лишь отвечать «и я тебя» на мои признания.

Я смутилась, но взгляда не отвела.

— Все, кому я говорила эти слова — и родители, и Семицветик, — покинули меня. Боюсь, вдруг ты тоже...

Нейт коснулся пальцами моих губ.

— Я не покину тебя, обещаю. Даже если будешь просить, — добавил с усмешкой. — Слово бога.

Счастье, родившееся во мне в этот момент, опьянило. Вскружило голову сильнее, чем магирена, и согрело изнутри крошечным солнцем. Прикрыв глаза, я наслаждалась переполнившими меня эмоциями. Старалась запомнить каждую из них, чтобы и через сотни лет могла прочувствовать заново все — и упоительную эйфорию, и окрыляющую надежду, и наполняющее внутренней силой доверие.

Снова заглянув в любимые глаза, я кивнула, принимая обещание. Потом хитро улыбнулась и

слегка склонила голову к плечу.

— Получилось? Карлос выиграл?

— Разумеется, — светясь довольством, поделился Нейт. — Так что теперь ты будешь жить с полносильным богом. Не боишься?

— Ни капли, — рассмеялась я и спрятала лицо на груди любимого мужчины. — Я рада, что все закончилось, — призналась тише. — Что не надо больше опасаться тотализаторов и рвущихся к победе игроков. Что теперь ты не испытываешь боли из-за сдерживающей печати. Что ты снова стал тем, кем всегда был. Айгерос исполнил мою мечту.

— Мечту? — Отстранившись, Нейт с удивлением посмотрел на меня. — А разве давным-давно ты не перестала мечтать, выбрав реальность? Не суровую и жестокую, а вполне обычную, земную, — припомнил он мне мои же слова, сказанные во время тотализатора, ночью у Разлома.

Улыбнувшись, я качнула головой:

— Все изменилось. Ты изменил меня. Показал, насколько окрыляющими могут быть мечты и как много сил они могут дать. Спасибо за это.

— Не за что, Ариш.

Нейт с нежностью провел по моей щеке и, наклоняясь, прошептал:

— Моя прекрасная мечтательница.

А в следующий миг — поцеловал.

Закрыв глаза, я отдалась во власть ощущений и фантазий. Я мечтала, что впереди нас ждут сотни наполненных счастьем лет и даже спустя века мы будем все так же любить друг друга. Мечтала об удивительных открытиях, которые нам с Нейтом еще только предстоит сделать, и об уютных вечерах вдвоем. Мечтала, ощущая, как за спиной разворачиваются невидимые крылья, и знала — возможно все. Если желать чего-то всем сердцем, оно обязательно случится.

Главное — верить и не переставать мечтать.

Глоссарий

Высшие боги Айгероса:

Амарихтис — богиня солнца

Гариальд — бог гор

Гриафет — бог животных

Дайрикким — бог воды

Кальвиккор — бог стужи

Касалира — богиня домашнего очага

Леокрен — бог леса и степей

Миравида — богиня урожая

Моривелл — бог-покровитель сути

Райсейр — бог ветра

Раминаор — бог болот

Риксемар — бог-созидатель

Риксемор — бог-разрушитель (брат-близнец Риксемара)

Сианна — богиня ночного светила

Сирикэль — богиня звездного неба

Феорена — богиня-покровительница матерей и рождения

Фойогрем — бог огня

Хавридеор — бог земли

Низшие боги Айгероса:

Алькинора — богиня очарования

Аморана — богиня любви

Бриада — богиня воздаяния

Вайримида — богиня пронизательности

Гарделер — бог здоровья

Дармихтис — бог гнева

Деянора — богиня чудес

Джайкиар — бог войны

Джиакрей — бог странствий

Исриккам — бог искушений

Кайриллер — бог перемен

Криферун — бог трудолюбия

Ксандаг**ор** — бог охоты
Лад**и**на — богиня удачи
Ли**ар**д — бог вдохновения
Маин**ара** — богиня красоты
Миул**рен** — бог знаний
Нейт**риар** — бог азарта
Ори**альма** — богиня гармонии
Рашги**а**да — богиня триумфа
Рикор**ен** — бог богатства
Риллей**дар** — бог внутренних сомнений
Семир**ейт** — бог сновидений
Триав**ира** — богиня-покровительница заблудших и обездоленных
Фаил**ис** — богиня счастья
Хали**са** — богиня порядка
Шаяр**иль** — богиня веселья
Шриан**ор** — бог устремлений

Расы:

Лига**й**ты — внешне похожи на людей, но отличаются высоким ростом и крепким телосложением. В большинстве темноволосы, сероглазы. Оттенок кожи может варьироваться от светлого-коричневого до насыщенно-смуглого. Отличительной чертой является короткий хвост, кончик которого покрыт мелкой чешуей. Ее цвет колеблется от серо-голубого до темно-фиолетового. Как правило, хвост прячут под одеждой, считая его слишком интимной частью тела, которую дозволено видеть лишь супругам. Однако на юге Арайдоса живет племя лигайт**ов**, не скрывающее хвостов. Средняя продолжительность жизни лигайта — сто пятьдесят два года.

Миокре**й**ты — высокие, худощавые, белокожие, светлоглазые. На голове вместо волос длинные цветные перья. В одежде сдержанны, закрывают тело от горла до пят. Рукава длинные. У миокрейт**ов** две тени: одна — естественная, вторая — подконтрольна хозяевам. С ее помощью могут воздействовать на тени представителей других рас. Убив тень, можно убить ее хозяина. Средняя продолжительность жизни — сто семьдесят лет.

Кайати**ры** — оборотни из мира Майакр**ит**. Невысокие, белокожие, хрупкого телосложения. Волосы преимущественно всех оттенков серого от темно-графитового до пепельного. Глаза серые или серо-зеленые. Животная форма напоминает земных выдр, но с треугольными ушами и пушистым хвостом. Физически слабые. Средняя продолжительность жизни — девяносто четыре года.

Дажгриму**ты** — исконная раса Айгероса, хранители кардарвов. Ростом не превышают одной четвертой парена. По строению ближе к кузнечикам. Покров бывает оранжевого, фиолетового, черного и темно-синего цветов. Впитывают энергию кардарва. При избытке могут едва заметно светиться. Обладают способностью к мгновенному перемещению в рамках кардарва, а также наделены умением переносить объекты, размер которых не превышает трехкратного веса относительно их собственного. Средняя продолжительность жизни — шестьсот восемьдесят восемь лет.

Фхар**и**нцы — серые гиганты из мира Фахдерот. Агрессивны, воинственны, физически развиты. Лысые, на голове присутствует от двух до четырех вытянутых костяных наростов, идущих ото лба к затылку. Чем больше наростов, тем взрослее и сильнее особь. Четырехпалые массивные

лапы оканчиваются прочными когтями. Слабые стороны: вид и запах крови дурманит фхаринцев, они входят в азарт охоты или схватки и становятся менее внимательными. Средняя продолжительность жизни — семьдесят девять лет.

Риксемтер — раса воинов-магов из мира Дайго. Крупные, выносливые, хищные. Практикуют каннибализм. Имеют две пары рук. На рогах ставят насечки по количеству поверженных соперников. Легко переносят холод. Средняя продолжительность жизни — сто сорок восемь лет.

Криолиры — раса, проживающая на юге Адагара и занимающаяся в основном торговлей. Низкорослые, широкоплечие, темноволосые, желтоглазые. Носят одежду ярких цветов, отдавая предпочтения алому, пурпурному и насыщенно-фиолетовому. Отличительной чертой являются большие уши округлой формы, которые криолиры увешивают серьгами по контуру ушной раковины. Средняя продолжительность жизни — сто девятнадцать лет.

Ххриады — племя северных охотников, проживающих на Амагрейне. Отличаются высоким ростом и массивным телосложением, при этом обладают способностью ступать практически бесшумно. Зрение и обоняние обострены в полтора раза по сравнению с остальными расами Айгероса. Как правило, светловолосы, но встречаются также каштановый и медно-рыжий оттенки. Глаза — серые. Средняя продолжительность жизни — сто десять лет.

Животные:

Гайред — внешне похож на гигантского коня. Кожа покрыта прочной чешуей, которую не пробить обычным оружием. Голову венчает пара острых рогов. Цвет покрова черный, но встречаются особи темно-синего цвета. По характеру своенравен, трудно подчиняем и обучаем.

Намир — белоснежный тигр. Синеглазый. Умное, преданное, бесстрашное животное. Создает пару на всю жизнь. Обитает в основном на севере Амагрейна.

Лиагр — дальний родственник намира, сильно уступающий в размере. Хвост короткий, на спине есть зачатки крыльев. Летать не может. Боится воды. Родина — южные леса Адагара.

Дариок — обитающее на болотах хищное существо, чей размер не превышает полутора паренов в холке. Голова вытянутая. Уши треугольные, торчком. Глаза округлые, прекрасно видят в темноте. Лапы тонкие, длинные, ступни широкие, с перепонками. Шерсть практически отсутствует, покрывая лишь морду и вытянутый плоский хвост. Охотится ночью. Обитает преимущественно на Арайдосе, но иногда встречается и на Адагаре.

Дзарино — кровососущее насекомое. В месте укуса начинается зуд.

Жаккар — ездовое двулапое животное, покрытое фиолетовой шерстью. Способно развить скорость до двадцати шести миранов в час. Морда короткая, приплюснутая. Легко обучаемое. Средняя продолжительность жизни — тридцать два года.

Шаярн — вид прибрежных панцирных рыб. Верхний покров панциря накапливает солнечный свет и ночью излучает голубое свечение. Благодаря зоне обитания служат маяками для кораблей, предупреждая о близости берега.

Рыкогрыз — горное млекопитающее, обитающее на всех континентах Айгероса. Хищное, агрессивное. Способно развить скорость до девятнадцати миранов в час. Покрыто жесткой длинной шерстью темно-бордового, реже темно-малинового цвета.

Хируди — домашнее животное, которое разводят ради мяса. Неприхотливо в еде. Плодится раз в год, принося от пяти до девяти детенышей. мех короткий, мягкий, используется для изготовления утепленной одежды на Арайдосе. Для более холодных регионов Адагара и Амагрейна не подходит.

Вейред — небесный ящер. У самцов размер в холке может достигать восьми паренов, у самок — до девяти с половиной. Оттенок шкуры варьируется от голубого до темно-синего. Агрессивен. Смертельно опасен. Ядовит.

Растения:

Хаджера — дерево, чьи листья обладают заживляющим действием, из-за чего активно используются для приготовления мазей и настоев. Ствол и ветви изогнуты. Листья имеют зеленый окрас и бледно-лиловые прожилки. Изначально произрастало только на Арайдосе, но потом было завезено на юг Адагара, а также на Ираинский архипелаг.

Гриомар — огромный темно-синий цветок. Во время цветения выбрасывает в воздух ядовитую пыльцу, вызывающую приступы удушья. Растет на севере Арайдоса и северо-западе Адагара.

Агираль — голубое растение. Листья большие, округлые, накапливают значительное количество влаги. Ядовито для большинства рас.

Шакри — вид листопадных кустарников, растущих на островах Ираинского архипелага. Во время цветения покрывается фиолетовыми цветами. Ягоды крупные, сочные, бледно-лилового цвета. Отличительной чертой является их способность насыщать всего с нескольких ягод (точное количество разное для различных рас).

Пиор — сочный оранжевый плод дерева пиордан. Вызревает только в центральной части Арайдоса.

Гриала — ореховое дерево. Собранные плоды оставляют сохнуть на солнце, чтобы толстая скорлупа треснула.

Напитки:

Чаира — безалкогольный напиток темно-коричневого цвета с терпким запахом. Вкус крепкий, пряный. Горчит. Обладает бодрящим действием. Готовится из темно-оранжевых зерен чаирowego дерева.

Роадира — легкий алкогольный напиток на основе фруктов. Среди некоторых рас его употребление разрешено с пятнадцати лет.

Магирена — крепкий алкоголь, получаемый из плодово-ягодного сусла. Конечный продукт имеет темно-розовый цвет и пряный аромат. У некоторых рас наблюдается так называемый «откат» после употребления — повышенная эмоциональность и впечатлительность. Один из самых дорогих крепких напитков.

Халкор — крепкий алкоголь, получаемый путем перегона зерновой браги. Готовый продукт обладает мутно-коричневым цветом и резким запахом. Является одним из самых дешевых крепких напитков.

Шавиара — тягучий ягодный напиток темно-красного цвета. Обладает укрепляющим действием.

Города:

Гайвимар — город лигайтов.

Ритберг — город миокрейтов.

Марайтар — портовый мультирасовый город.

Рамдеор — мультирасовый город на побережье бухты Намеры.

Движимое и недвижимое:

Кардарв — небольшие двух- и трехэтажные строения, скрытые защитными куполами в опасных зонах. Являются своего рода «контрольными точками» для участников тотализатора. В кардарве находятся покои хранителей и комнаты участников, отвечающие нуждам каждой расы.

Майсер — вид купален, принятых у лигайтов. Представляет собой широкий параллелепипед черного — реже темносинего — цвета с массивной крышкой. Дно усеяно сливными отверстиями. При активации отверстия закрываются, и майсер наполняется до заданного уровня. Когда моющийся опускается внутрь, крышка задвигается, и вода начинает медленно циркулировать по кругу. В некоторых моделях майсеров предусмотрена возможность гидромассажа. Крышки майсеров после закрытия начинают слабо подсвечиваться изнутри огоньками, которые плавно то загораются, то затухают. Управление у всех майсеров тактильное, настраивается владельцем после покупки и установки.

Ремис — небольшое плоскодонное судно, используемое для сообщения между портовыми городами бухты Намеры и стоящими на якорях судами. Перевозит грузы и пассажиров.

Континенты:

Арайдос — крупнейший на Айгеросе. Центральная часть находится в субтропическом климате, юг — в тропическом. Большая часть континента покрыта лесами смешанного типа. Флора и фауна меняются в зависимости от климатического пояса. Летний максимум — сорок два форайта. Зимний минимум — девять форайтов.

Амагрейн (Северная земля) — расположен на северо-северо-западе относительно Арайдоса. Находится в субарктическом климатическом поясе. Зимы длительные и снежные. Лето длится в среднем от шестидесяти семи до восьмидесяти двух дней. Однако температура не поднимается выше семнадцати форайтов. Зафиксированный летний максимум составил двадцать три форайта. Зимний минимум — минус двадцать девять форайтов.

Адагар — расположен северо-восточнее Арайдоса. Благодаря теплоте Микаранскому морю обладает умеренным климатом. Летние температуры нередко достигают отметки в двадцать шесть форайтов, зимние опускаются до минус десяти.

Меры расстояния и температуры:

Миран — единица измерения расстояния, равная длине тысяча двести тридцати шести паренов.

Парен — единица измерения расстояния, равная высоте алтаря в Объединенном храме богов тотализатора.

Форайт — единица измерения температуры.